

Внутренняя жизнь. Избранные поучения² Феофан (Гóворов) епископ Тамбовский и Шацкий, Затворник Вышенский, святитель

Краткое житие

Два слова о святом таинстве крещения

Пять поучений о пути ко спасению

Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения

Жизнь под руководством

Жизнь по правилам

Путь тесный и прискорбный

Ревность о спасении

Три слова о несении креста

Примеры записывания добрых мыслей, приходящих во время богомыслия и молитвы, числом 162

Внутренняя жизнь

Краткое житие

Святитель Феофан (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894), был епископом Тамбовским, затем Владимирским, впоследствии оставил епископскую кафедру и жил в Вышенской пустыни затворником. Выдающийся духовный писатель, святитель Феофан составил толкования на воскресные Евангелия, послания апостола Павла, на 118-й псалом. Значительное место в его наследии занимают труды по нравственному богословию. Собранные в настоящем сборнике поучения посвящены духовному деланию православного христианина, идущего по пути спасения.

Два слова о святом таинстве крещения

Святой апостол Павел, рассуждая о святом таинстве крещения, сокровенную силу его сравнивает с смертью и воскресением Господа. Погружаясь, говорит, в купель, мы умираем; выходя из купели, воскресаем. Умираем в купели для жизни плотской и греховной, а воскресаем из купели для жизни духовной, святой, богоугодной. «Или не понимаете, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся?

Спогребохомся убо Ему крещением в смерть: да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы в обновлении жизни ходити начнем... ветхий наш человек с Ним распялся, да упразднится тело греховное, яко ктому не работати нам греху» (Рим. 6, 3, 4, 6).

Так, как светел воскресший Господь,— так светло бывает естество наше, обновляясь в бане пакибытия благодатию Святаго Духа. Но не подумаем, братия, что тут производит одна благодать, и производит только внешне или как-нибудь механически. Нет. Спасительное действие ее совершается незримо — внутри. Наитствующая в крещении благодать Духа запечатлевает собою ряд внутренних изменений сердца и движений духа и из них образует нового в нас, потаенного сердца человека. Почему святой апостол Петр крещение именует «совести благи вопрошением» у Бога, образованием особенного, благодатию крепкого нравственного характера. Что и как здесь бывает и быть должно, я поясню вам несколькими мыслями.

Всемиловитый Господь, сотворив человека по образу и по подобию Своему, указал ему тем последнюю цель в внутреннем общении с Собою, оградив ее известными, подручными человеку условиями.

Путь к достижению сей цели Бог положил в ревностном исполнении святой воли Его, которую напечатлел в чистой и непорочной совести человека; но не связал его в направлении своей деятельности, а одарил его свободой действовать, как хочет, по своему усмотрению, для того чтоб он сам себя произвольно и самоохотно определил на неуклонное хождение в ведомой воле Божией. Для того же, чтоб человек имел возможность совладеть с своею свободой, Он в том же духе, в коем обитает свобода, внедрил страх Божий, или чувство всесторонней зависимости от Бога Вседержителя, Всепромыслителя и Всевождаря. Вот все стихии духовной жизни нашей по первоначальному устройению. Соединяясь в одно, она образовывала самое нравственное духовное лицо, жизнь которого строилась и совершалась так, чтоб человек в чувстве всесторонней зависимости своей от Бога сам себя

самоохотно определял на неуклонное хождение во святой воле Божией, истолковываемой совестью, в уверенности, что чрез это пребывать будет во внутреннейшем общении с Богом, источником жизни, и блаженствовать в нем. К сему предназначен человек, и так шла бы жизнь его всегда, подобно как сим образом идет она постоянно у ангелов святых, если б не падение.

Падение расстроило внутренний порядок духовной жизни. Отпал от Бога человек, и общение с Ним непосредственное прекратилось; чувство зависимости от Него замерло или ослабело, и не стало у человека сил совладеть с самою свободою, устремившеюся не вслед воли Божией, тем более что и совесть или совсем перестала истолковывать волю Божию, или стала толковать ее криво. Так распались стихии жизни духовной, и жизни духовной не стало.

Между тем природа человека осталась та же, и назначение его пребыло то же. Почему и восстановление его могло совершиться не иначе, как чрез восстановление первоначальных духовных сил его и возведение их в предопределенное взаимное отношение. Сие-то и совершает таинство крещения по предварительном приготовлении к тому человека рядом нравственных изменений...

Приведу вам в пояснение сего один пример. Святой апостол Петр проповедует в день Пятидесятницы. Слушавшие, прослушав проповедь, воскликнули: что же нам делать? Святой апостол отвечал: покайтесь; и в другом месте: «покайтесь» и веруйте во Евангелие, «и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа... и примете дар Святаго Духа» (Деян. 2, 38).

Разберемте это здесь. Проповедь просветила совесть, просвещенная совесть воскресила чувство зависимости от Бога, или страха Божия,— и вот из сердца «воплъ: что нам делать? Это — каяться», уверовать, принять благодать чрез крещение. Покаяться — это значит решиться оставить дела богопротивные, обратиться к Богу (Деян. 3, 19) и определить свободу свою опять на хождение в воле Его, как определено было и первоначально. Кающийся и готов бы на это, но как приступить к сему, когда чувствует в себе, с одной стороны, свое нравственное

бессилие, а с другой – немирность с Богом, Которого всегда прогневлял, и с своею совестью, которую всегда оскорблял. В исцеление сих главных немощей и подается ему вера в Господа Иисуса Христа как единое средство к умиротворению и воссоединению с Богом и благодать Духа как опора нравственной крепости. Замечаете ли, как здесь, в новом благодатном устройении, все прежние стихии и силы духовной жизни, ослабевшие и распавшиеся в падении, возводятся опять к своему значению и союзу! Чувство зависимости от Бога воскресает в покаянии, совесть просвещается словом, свобода укрепляется благодатию, общение с Богом посредствуется чрез веру в Господа Иисуса Христа, единого Ходатая Бога и человеков... Так все стихии, каждая своим особым оживительным врачевством, оживают.

Остается теперь слить их воедино, собрать, как лучи, в один фокус. Это и совершается в купели крещения, которое в сем отношении есть как бы благодатное горнило, где из восстановленных таким образом предварительно стихий духовной жизни вседейственною благодатию создается новая тварь о Христе Иисусе, образуется «потопленный сердца человек». Из купели мы выходим новыми в таком именно смысле; чувствуем себя именно вкусившими новую жизнь и начинаем блаженствовать. Вот смотрите, что говорится о тех, кои обратились проповедию святого апостола Петра. Принявши слово, говорится, крестились, и тут же прибавляется: начали пребывать в учении, общении, молитве, все были вместе, все у них было общее, как бы одна душа и одно тело, единодушно пребывая в церкви, непрестанно хваляще Бога, жили в радости и простоте сердца (Деян. 2). Как только окрестились, так и начали жить новою жизнью. Сия новая жизнь создается всеми крещаемыми и есть их удел и наследие.

Собрав теперь в одну мысль все начала духовно-благодатной жизни, соответственные и первоначальному ее устройству, мы увидим, что каждый крещаемый по внутреннему своему настроению таков: по вере в Господа Иисуса Христа, примирившись и приняв от Него благодатную силу, христианин чувствует себя определенным и сильным к неуклонному

хождению в воле Божией, о чем и ревнует он с готовностью на всякие труды или жертвования, ощущая еще здесь временную радость в богообщении и предвкушая имеющую быть в вечности радость нескончаемую. В сем-то состоит «совести благи вопрошение», или образование христиански-нравственного характера. Привожу вам это затем, чтоб не забыли вы, что сила крещения состоит не в одном благодатном обновлении естественных сил духа, но и в нравственном изменении характера или в том и другом вместе. По Божьему устроению сначала происходят в духе человека нравственные изменения, а потом благодать, вселяясь в человека чрез таинство, запечатлевает их в нем и тем обновляет самое естество его. В христианине уже не одно естество, а и благодать. На вид внешний он то же, что и все нехристиане... а на деле он есть растворение и смешение естества и благодати. Медь, например, одна издает звук глухой, а в соединении с серебром звучит чище и звонче, хотя на вид разности не заметно в той и другой. Медь одна – это естество наше; медь в соединении с серебром – то же естество, облагодатствованное в крещении. Возьмите яблоко с дикой яблони и яблоко садовое. На вид они, может быть, совершенно схожи, а внутреннее достоинство того и другого совсем не то. Так христианин и нехристианин на вид будто одинаковы, но внутренний их не характер только, но как бы и состав неодинаковы. Вся сила христиан – внутрь. Сами же христиане не могут не сознавать сего отличия и изменения – не в ущерб своему смирению, а в воздаяние славы Богу, спасающему их. Не все гибнет в человеке падением. Следы прежней красоты остаются на всех силах его, только они разрознились и распались. Это то же, что разбитое зеркало. Когда же возобновляется внутренний строй жизни духовной, тогда это то же, что зеркало цельное, которое ясно отражает все черты и части лица смотрящегося. Обращаясь внутрь себя, христианин может ли не сознавать в себе сей дарованной ему целостности? Еще до крещения человек – то же, что расслабленный во всех частях своих: ни стать, ни двинуться. По крещении он то же, что расслабленный исцеленный, о котором говорит Евангелие, что он ходил, скача и радуясь. Так чувство бодрости

и крепости сил, присущее христианину, благодатствованному в крещении, может ли не свидетельствоваться в сознании? И еще один образ. Зрительные трубки имеют три состава. Когда вдвинуть сии составы один в другой, трубка не показывает вещей как следует; а когда они раздвинуты по соразмерности, все тогда видно в них хорошо... Трубка есть образ нашей трехсоставности: духа, души и тела. В падении дух подчинился душе, а душа и дух – телу, и человек стал дурно видеть свои отношения и дурно держать себя в них. В новом, благодатном рождении дух возводится в свои права, держит душу в своем чине, а чрез нее и тело... человек тогда получает predetermined строй частей естества, ясно сознает свои отношения к Небу и земле и достойно себя держит в сих отношениях. Такое восстроение может ли укрыться от очей ума и совести?!.

Видите теперь, какова сила святого крещения и как от нас самих не могут укрыться спасительные действия его в нас?! Войдите теперь в себя и сами для себя решите, есть ли там то, что дает святое крещение, или нет. Если есть – возблагодарим Господа, без самовозношения, однако ж, ибо все от Него; если нет – обличим себя, и укорим, и поспешим восполнить сие чрез таинство покаяния, в коем вновь крестятся грешницы не в купели, а в слезах, хотя жизнь новую получают такую же, какая дается в купели. Аминь.

Припомните прошедшую беседу мою. Там видели мы, что верующий должен выйти из купели крещения ревнителем исключительно о богоугождении, с готовностью на все ради того пожертвования. Сей жар ревности по Боге, с любовью и самоотвержением, составляет столь неотъемлемую черту христианской жизни, что в ком он есть, тот живет, в ком нет его, тот или мертв, или замер и спит. Это – семя жизни и вместе сила жизненная. Она есть плод сочетания благодати с свободою. Человек всецело предает себя Божью водительству; благодать, пришедши, восприимлет его, исполняет его, сочетается с ним, и из сей сокровенной сокровищницы жизни выходит человек обновления (1Пет. 2, 9), ревнитель добрым

делам (Тит. 2, 14), избранный быть святым и непорочным пред Богом в любви (Еф. 1, 4).

Когда взрослые крещаются, то они действительно являются таковыми тотчас по крещении, ибо они тут же от своего лица представляют все необходимые к сочетанию с благодатию расположения сердца. Относительно же тех, кои крещаются младенцами, Божественная экономия нашего спасения благоволила установить такой порядок, что все, что к положению в нас начала христианской жизни зависит от благодати Божией, подается тотчас, и обновление совершается благодатию; то же, что зависит от нашей свободы, отлагается до возраста, до первой исповеди и причащения, когда человек самосознательно и самоохотно предает себя благодати,— и тогда обновление, совершившееся прежде как бы независимо от него, благодатию одною, усвояется его лицу и начинает совершаться совместно с благодатию и свободою. Тогда и он является крепким благодатию Божиею ревнителем о богоугождении христианском, исключительно с полным самоотвержением.

Всем известно, что до сего момента, столь решительного в жизни, все почти зависит от родителей и восприемников, а потом и от них, и от нашей свободы; далее же — и от тех многообразных сочетаний в жизни, в какие поставляет каждого непостижимое сочетание обстоятельств. От воздействий на наши сознание и свободу всех этих влияний и от того, как мы пользуемся ими, выходит, что у одних — все свет, у других — все тьма, у третьих — ни свет, ни тьма... Я разумею под сим то, что одни после прекрасного детства и отрочества, пришедши в сознание, возлюбляют христианство крепкою любовью и ревнуют по нем неуклонно, от силы в силу восходя и пореваясь достигнуть в меру возраста исполнения Христова; другие скоро уклоняются от Господа в путь страстей, в рабство духу мира и князю его, и живут в богозабвении и богопротивных порядках; третьи не знают, кому принадлежат — не то Христу, не то миру: внешне участвуют во всех порядках христианской жизни, а мыслями и сердцем в другой области обращаются и в других предметах полагают свою утеху, услаждение и счастье — это

христиане, не имеющие духа Христова! Не о Господе у них забота, а об одном том, как бы покойно и утешно прожить на земле, среди всех порядков, в которые поставляет их случайная обстановка временной жизни, не обнаруживая себя, однако ж, чуждыми и христианского чина и не объявляя себя богоборцами и христорборцами отъявленными.

Итак, если, обратясь назад, захотим мы добросовестно определить, каковы мы в отношении к Господу Иисусу Христу, исключительно служить Которому приняли мы обязательство во святом крещении, то одни окажутся ревностными любителями Господа и жизни христианской; другие – преданными миру и страстям, христорборцами; третьи – внешними христианами с миролюбивым сердцем.

К какому же из сих обратить мне теперь слово?

Первые не требуют слова. Мы только можем, вслед их смотря, Господа прославить и их ублажить... Блаженны вы, внявши призыванию Господа!.. Вы во свете лица Его шествуете и о имени Его радуетесь на всяк час, взывая: исчезе сердце мое в Тебе, Боже, Боже сердца моего и Бог мой!

Ко вторым что и простирать слово, когда их здесь нет и никогда не бывает?.. Они совсем уклонились в путь погибельный. Об них можем жалеть только и молиться.

Итак, к вам слово мое, внешние христиане, без духа Христова, без сердца, Господу всецело преданного, без ревности об угождении Ему единому!.. Или не к вам одним, а к нам вместе, ибо и я первый от вас.

Что же мы с вами скажем себе! Ах, братия, понудим себя взойти к чувству опасения за себя и свою участь вечную... Подумайте, что говорят об нас все истинные любители Божии, и те, кои еще здесь, на земле, и те, кои уже на Небе. Что другое могут сказать они, кроме следующего: вот люди, кои, кажется, от нас суть, но не суть наши. Простое, кажется, но какое страшное слово! Ибо если мы не их, то и они не наши и ничто ихнее не наше. Стало, не наш Христос, не наши все обетования Его, не наш рай и вечное блаженство. А если это не наше, сами знаем, что должно быть наше... Видите, какая беда! Между тем осмотритесь кругом... у нас все почти христианское... порядки

христианские, понятия христианские, речи христианские, много правил и дел христианских!.. Чего недостает?.. Недостает сердца христианского. Оно не туда устремлено... не в Боге его благо, а в себе и в мире, и не на Небе его рай, а на земле. Недостает этой крепкой, как смерть, ревности о богоугождении и спасении. Мы как будто заснули и замерли... и движемся так, как движет нас течение жизни. Сию-то ревность и давайте возбуждать в себе... ибо кто это сделает, кроме нас?! Сами привязались к миру, сами же и отрывать себя от него будем. Войдемте же к сердцу своему – холодному, нерадивому и беспечному – и начнем его дружески уговаривать образумиться наконец, стряхнуть узы страстей и мира, самовольно на себя наложенные, и устремиться ко Господу. Будем говорить душе так: ты создана по образу и по подобию Божию. Беспредельный Бог так благоволил устроить тебя, чтоб светиться в тебе с совершенствами Своими, как солнце светится в малой капле воды, и быть видиму в тебе и тебе, и всем видящим тебя, земным и небесным. А ты отвратилась от Бога и обратилась к миру, восприяла его мерзкий образ, чрез то стала носить зверообразное подобие князя века сего. Помяни первое благородие свое великое и ни с чем не сравнимое, пожалей о настоящем неблагообразии и обратись ко Господу, чтоб обновиться по образу Создавшего тебя.

Бог ищет тебя и, ища, окружает всеми милостями и попечениями Своими: жизнь твоя Его есть, и все к жизни потребное Его же – и свет, и воздух, и пища, и одежда, и жилище, и все, что есть в тебе и у тебя, Его есть. И это что еще? Тебя ради Он с Неба нисшел, страдал, умер на Кресте, воскрес, вознесся на Небо, Духа Святаго послал и учредил на земле Церковь, в коей совместил все ко спасению твоему нужное, и, главное, путем рождения и порядком внешней твоей жизни ввел уже тебя в сию сокроищницу благ духовных!.. Видишь, сколько любви! И за все сие от тебя требует Он единого сердца твоего. И капля воды, согретая солнцем, восходит горе... Ты же что медлишь обратиться к Господу, со всех сторон согреваемая теплотою любви Его?!

Не видишь ли, все вокруг идут ко Господу, и бедные, и незнатные, и неученые. Что же ты стоишь, попуская всех предварять тебя в Царствие? Будто ты хуже других? Заделена ли ты чем?!. Лишена ли ты чего, что всем дается?!. Что же стоишь?! Подвигнись, поспеши, пока не заключилась дверь, отверзшаяся к принятию всех обращающихся ныне.

Что стоишь? Обратись к Господу и начни Ему усердно работать... Время течет... силы стареют, грубеют и приближаются к неподвижности в своем превратном направлении. Между тем ныне-завтра смерть. Смотри, не остаться бы тебе совсем в этом закоснелом охлаждении ко Господу. Вспомни страшный конец, когда и Бог окончательно отвратится от не обращающихся к Нему, отвергнет отвергающих Его, и страхом подвигнись устремиться ко Господу.

Взыщи Господа! Бог или мир... середины нет. Или ты так беспечно спишь, что ничего не видишь?!! Там все – здесь ничего; там истина – здесь призрак; там покой – здесь болезненные заботы; там довольство – здесь непрестанное томление; там радость и веселие – здесь только скорби и туга сердца. Все это ты знаешь, испытала и все, однако ж, остаешься в той же суете ума и сердца... Рай на земле устроить хочешь?.. Осьмая уже тысяча, как миролюбцы истощаются в средствах устроить рай на земле... И не только нет успеха, напротив, все идет к худшему... Не успеешь и ты, а только измучишься, гоняясь за призрачным благом мира, как дети за убегающею радугю.

Таковыми и подобными сим речами будем уговаривать душу свою возлюбить Господа, всецело к Нему обратиться... возревновать наконец решительно о спасении своем. Не случится ли и с нами то же, что бывает с воздушными шарами... Будучи наполнены газом, тончайшею стихиею, с какою быстротою устремляются они кверху! Наполним и мы душу свою небесными истинами и убеждениями. Они проникнут и в сердце, привлекут желания, а там и все существо наше устремят к Небу и всему небесному.

Впрочем, какая душа не знает всего этого? Все мы знаем, что надо исключительно Господу сердцем принадлежать и все

обращать на угождение Ему единому – и малое, и великое. Но когда надлежит приступить к делу – отрешиться от всего, – начинаем разные употреблять отговорки, чтобы остаться при своих пристрастиях... «Где нам! – говорят. – Эта высокая жизнь принадлежит только избранникам... Мы же – хоть кое-как... Кто избран, тот особенно и призывается... Вот апостол Павел... и прочие, подобно ему видимо призванные...» На это вот что скажу: а эти избранники разве не сами пошли по зову Господа? Разве их связанными как бы влекла благодать? Услышали слово, покорились и устремились ко Господу... Пусть, впрочем, есть особые избранники... и у них все особо. Но есть ведь и общий для всех путь... Сим общим путем и пойдем... Вообще же мы все избраны. Коль скоро слово истины коснулось нашего слуха, значит, мы избраны... нас зовет Господь, и мы безответны, если не пойдем вслед Его. Посмотрите, как обращались другие... Один услышал: «не скрывайте себе сокровищ на земле» – и все оставил... Другой прочитал: «всуется человек! сокровиществует, и не весть, кому соберет я» – оставил суету и вступил на прочный путь богоугождения. Третий взглянул на распятие с надписью: «Вот что Я для тебя сделал; что делаешь ты для Меня?..» – и всем сердцем предался Господу... Что это, разве все чрезвычайные призвания?!. Да мы всякий день тысячу подобных истин слышим и читаем... Можем ли после сего считать себя непризванными?.. Нет, братия, не за призванием, а за нами дело. Как обратились сии обратившиеся? Сознали, что нет жизни, как только в Господе, и переменили свою неподобную жизнь. Так должно быть и у всех. Внутреннее изменение, или перелом, зависит от добросовестности в отношении к сознанной истине. А эта добросовестность – всегда от нас... приложим ее – и одолеем сами себя... Во внутреннее святилище сердца никто сторонний не войдет... Там все решает человек с своею совестью и сознанием... Станем же сами в себе пред лицом Бога и, живее воспроизведши все, чего хочет Бог, и сознавши неизбежность и неотложность того для спасения, положим в сердце своем сей завет: отселе начну принадлежать Господу всем сердцем и Ему единому работать всеми силами своими...

И совершится наше избрание, ибо избрание и есть сочетание нашей решимости с призыванием Божиим. «Господь близ»... Ко всем приходит и толчет в сердце, не отверзет ли кто? Если сердце – замкнутый сосуд, кто виновен?! Всею вина – наша недобросовестность к познанной истине. Если б этой не было, все бы были всегда устремлены ко Господу. И многое ли требуется?! Ведь мы не совсем же чуждаемся Господа. Только угождение Ему стоит у нас не на первом месте... не есть главное наше дело, а как бы приделок. Дело же у нас – угождение людям и обычаям мирским. Поставьте теперь угождение Господу на первом месте и все прочее перестройте по требованию сей единой цели... и изменится ваше внутреннее настроение... Все останется то же... только сердце станет новое. Вот и все! Много ли это?!

Многое бы еще хотел говорить вам о том же, но вижу, что утомил вас... Остальное сами доскажете душе своей... Ибо кто, кроме нас самих, поможет Господу овладеть сердцем нашим?.. О, когда бы мы покорились Ему и Ему предали бы сердца свои... и лицом к лицу созерцали Его в себе, и все вращались во свете Его, вокруг Его... как вращаются около солнца все светила, обращенные к нему и им освещаемые... составляя свой особый стройный хор! Аминь.

Пять поучений о пути ко спасению

«Учителю, что сотворив живот вечный наследую» (Лк. 10, 25)?

Так некогда вопрошал Господа один законник! И тот вопрошал Господа, искушая Его, как бы любопытствуя только, что скажет Учитель, ибо сам знал, какой надо сделать на это ответ. Но можно вопрошать о пути ко спасению и не из пустого любопытства, а по искреннему желанию получить на него прямой ответ – неведомый или забытый, вопрошать по кровной нужде, потому что душа болит и сердце томится недоумениями – что сотворив живот вечный наследуем?

Такое томительное недоумение тем естественнее, чем неопределеннее сфера мыслей, окружающая вопрошающих, и чем более разномыслия встречаются они в писаниях и речах человеческих. И не в таком ли положении находимся мы ныне?

Осмотритесь кругом и увидите, что и те, кои от нас, не одно говорят. Иной, например, говорит: молись, и спасет Господь; другой – плачь, сокрушайся, и Бог не уничтожит; третий – твори милостыню, и та покроет множество грехов; тот – постись и приметайся в дому Божии; а сей – брось все и удалися бегая и водворися в пустыню. Вот сколько разных ответов у наших! И это все истины, правила спасительные, с которыми неизбежно встретиться на пути спасения. Что же касается до тех, кои считают себя сущими от нас, но перестали уже быть нашими – разумею христиан, увлекшихся духом века и суемудрия, – до тех, которые, присвоив себе несколько здравых понятий, заимствованных в христианстве, и возмечтав о себе много, оставили нас и сердцем отделились от Христа Господа, хотя языком исповедуют еще Его; что до них касается, то между ними еще более самого грустного и болезненного разномыслия, уклонившегося от пути истины и блуждающего на распутьях лжи. Не случилось ли и самим вам или слышать при разговоре, или читать в книге, как иные умствуют о порядке вещей, коему надлежало бы быть по их уму, вместо того, который теперь есть? О спасении души здесь и помину нет. Блаженство вечное, если оно допускается, считается уже как бы обладаемым, по каким-то правам человечества, и вся забота обращена на то, как бы в придаток к тому усладить и земную жизнь и превратить ее из горестной в райскую. В сем духе иной возглашает: не верь ничему, кроме ума твоего, следуй влечениям природы твоей, будь независим, живи в свое удовольствие и не позволяй чужой руке лежать на выи твоей – и будешь счастлив; другой проповедует: где не распложают общественных увеселений, театров и тому подобного – там и жизнь не жизнь. Там слышится: прямою дорогою идти нельзя, нужно уменье жить – уменье так вести дела, чтоб не терять своего интереса и не дать другим подметить своих планов, намерений и чувств (это у них называется благоразумием...); здесь говорится, что если не защищать своей чести и достоинства, то пропадешь.

Замечаете ли, какое все это мрачное мудрование! И однако ж, оно составляет, можно сказать, основание обычаев света и его можно встретить свободно ходящим и в простой беседе, и в

большом собрании, и в книге печатной – не одной. Вообразите же теперь, что должно произойти в уме и сердце вашего знакомого, а иногда, может быть, вашей дочери и вашего сына, когда в одном, другом, третьем месте встретят их подобные речи, когда в одной книге вычитают они такие мысли, в другой и третьей еще хуже – и это не один день или месяц, а целые годы; когда притом вокруг себя они видят обычаи, напитанные тем же духом, а тут в своем сердце, искушаемом соблазнами, возникают прихотливые помыслы, колеблющие доброе настроение, – вообразите, что все сии разносторонние впечатления – за один раз – соберутся в юную, да и не в юную, может быть, душу, – что тогда должно восчувствовать сердце, особенно сердце, еще не забывшее Господа и дорожащее словом истины, исшедшим из уст Божественных? Я слышу из глубины сего сердца исходящий вопль, подобный воплю апостолов, уstraшенных бурей, и Петра, начавшего утопать: Господи! Спаси мя, погибаю. Господи! Что сотворю, да спасуся? Матери и отцы! Слышите ли вы этот вопль?

Не подумайте, что я увлекся. Нет! Я намеренно хотел выяснить, как естественно, особенно ныне, вопрошать о пути ко спасению, или о пути в Царствие Небесное. И я уверен, что если бы здесь, среди нас, стал сейчас Господь, то все ищущие прочного добра и видящие, как нынешний дух, нынешнее учение, нынешние порядки разноречат друг с другом, все эти в один голос обратились бы к Господу прежде всего с вопросом: Господи! Что сотворим, да живот вечный наследуем? Что сотворим, да спасемся? Но, братия, Господь «вчера и днес Тойже и во веки» (Евр. 13, 8). Тогда иудею Он велел искать ответа в законе: «в законе что писано, како чтеши?» Ныне христианину Он повелел бы без сомнения обратиться к святому Евангелию – вообще к новозаветному учению или к Церкви Божией – и спросил бы его: что здесь содержится, как разумеешь? Очевидно, что Господь, обратив внимание иудея на закон, хотел внушить ему: нечего тебе и спрашивать, путь спасения прописан в законе; твори тако – и спасеши. На то и закон дан, чтоб вести тебя ко спасению. Подобное сему должно сказать и христианам, колеблемым навеянными на них

недоумениями: нечего вам спрашивать! Христианство и есть единственный путь ко спасению. Будьте истинными христианами – и спасетесь. На что же святая Церковь, на что догматы и заповеди, на что святые таинства, наши посты, бдения, молитвы, освящения и прочее? Все это, или все содержимое святою Церковью, и есть верный путь ко спасению. Кто сердечно приемлет и усердно исполняет все, что заповедует святая Церковь, тот не вне пути спасительного. Посему если есть это в нас, то нам не совопросничать место, а славословить; не искать, где спасение, а принимать его готовое, нам предлагаемое или нас объемлющее; всю крепостию воздавать славу, честь и поклонение Господу, спасающему нас во святой Своей Церкви. Что, то есть, должны мы творить? Свято чтить и неуклонно ходить во всех учениях, уставах и постановлениях святой Церкви, не слушая никаких пустых умствований новомодной философии, которая стремится все разорить, ничего не созидая.

Думаю, что в нашем уме все еще остается неопределенным – что же именно нужно делать, чтоб спастись? Ныне я отвечу вам на это в нескольких словах: веруйте во все, во что веровать повелевает святая Церковь, и, приемля благодатные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия, молитвования и учреждения святой Церкви, идите неуклонно путем заповедей, возвещенных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей – и спасетесь. Подробное же раскрытие сего отложу до другого времени и заключу слово мое молитвою, чтоб Господь даровал вам свет и разум, да познаете Его и ясно уразумеваете путь спасения, принесенный Им на землю и утвержденный в Церкви и столько уже святых людей прошедший в рай, – чтоб и вам всем не лишенным быть сего благого чаяния. Аминь. От прошедшей беседы осталось за нами объяснение одного довольно важного положения. Мы говорили вам, что и ныне, при великом разномыслии окружающих нас людей, естественно спросить: Господи! Что сотворив живот вечный наследуем? Господи! Что сотворим, да спасемся? Мы сказали также, что такой вопрос излишен для христианина, живущего в недрах Христовой

Церкви, по духу христианства; потому что христианство-то и есть единственный, Богом на земле проложенный путь в Вечное Царство, или путь ко спасению. Идущему по сему спасительному пути что и спрашивать о пути ко спасению? Будь истинным христианином – и будешь в раю; будь истинным христианином – и спасешься.

Но может быть, не для всякого ясно, что значит быть истинным христианином или что именно в христианстве предлагается как неотъемлемое условие спасения и вместе как решительный признак того, что кто-нибудь идет в живот вечный, а не в пагубу. Объяснение сего-то пункта и осталось за нами. Тогда мы ответили на это общим положением – ныне разъясним то подробнее, взяв в руководство сравнение пути ко спасению с обыкновенным путем.

Собирающемуся идти в путь, чтоб благополучно совершить свое путешествие, надобно знать сей путь, знать направление его и долготу, равно как и все могущее встретиться на его протяжении; а при самом шествии надо видеть и его, и то, чем он окружен. Так и христианину, желающему достигнуть живота вечного, надобно знать и ведущий к нему путь, и все ему соприкосновенное, все, что и выше его, и окрест, и впереди его, – надобно осветить умственную атмосферу собранием здравых понятий о всем сущем и бывающем, надобно знать: что есть Бог? Что мир сей, как он стоит и куда ведется? Что мы, зачем мы здесь и что ожидает нас за гробом? Как нам должно держать себя в отношении ко всему окружающему: к верховному Существу – Богу, к братьям нашим – человекам и к миру невидимому – ангелам и святым? Знающий все сие шествует при свете; а не знающий сего сидит во тьме и, если б вздумал идти, поткнется, потому что тьма ослепляет очи его. И только христианство разгоняет тьму сию, давая на все сие верные ответы в своем учении. Оно учит, что Бог, в Троице покланяемый – Отец, Сын и Святой Дух, – сотворив все единым словом Своим, все содержит глаголом силы Своея и все ведет к Своему предназначению, паче же блюдет человека и, падшего, преестественно восстанавливает в Христе Спасителе, вразумляя его откровениями и руководя заповедями,

определяющими все его обязательные отношения и составляющими собственно путь, коим следует идти. Совокупность всех сих понятий и есть свет, указующий нам путь и освещающий его. Итак, узнай православное учение христианское и содержи его всем сердцем – и будешь видеть путь в Царствие, и все окружающее сей путь, и все могущее встретиться в продолжение его. Это первое.

Но пусть и знает кто путь, и путь сей освещен – что пользы в сем знании, если нет силы идти по нему? Больной, расслабленный, безногий, лежа при пути, по которому необходимо идти – и так необходимо, что, если не пойдет, погибнет, – будет только больше сокрушаться от того, что знает и видит сей путь. В таком бы положении были и мы, если б Господь, просветив нас светом ведения, не дал нам сил идти по указанию сего света; ибо сами собою мы не можем идти, не имеем сил, мы расслаблены, разбиты. Но не смущайтесь! «Вся... Божественные силы... яже к животу и благочестию» заготовлены уже нам Господом, призвавшим «нас в чудный Свой свет» (2Пет. 1, 3), и всякому верующему подаются в святых таинствах Церкви, подаются независтно, в таком обилии, сколько кто желает и может вместить. Крещение возрождает, миропомазание укрепляет, святое причастие преискреннейше соединяет с Господом Иисусом Христом, святое покаяние восставляет падшего, который падает снова по крещении, и прочее. Всякое таинство дает особую Божественную силу, нужную человеку на пути в Царство Небесное... Итак, зная содержимые Церковью таинства, бывай сколько можно чаще причастником их, с верою и по всему чину, установленному в святой Божией Церкви, – и силы Божественные, нужные к совершению пути в Царство Небесное, никогда не оскудеют в тебе. Это второе.

Но на пути могут ослабевать и истощаться силы, могут встречаться приманки и увлечения. От первого должно прекратиться шествие; от второго – принять ложное направление; конец же того и другого – пагуба. Как же быть? Надо обновлять силы и отрывать приманки и увлечения. Что нужно для этого? Одно – неуклонно исполнять все

постановления Церкви и все чины ее – священнодейственные, молитвенные и освятительные. И вот почему! В святых таинствах мы приемлем благодать Святаго Духа, как искру Божественную, ниспадающую в наше естество. Как для того, чтоб искра, павшая в вещество, превратилась в пламень, необходим воздух и движение сего воздуха, так необходима своего рода атмосфера и движение сей атмосферы и для того, чтоб искра Божественной благодати, принятая нами в таинствах, проникла в наше естество и превратилась в пламень, – сию атмосферу и составляет наша церковность: все чины священнодействий, молитв и последований Церкви, окружающих человека во всех положениях; а движение сей атмосферы есть непрестанное последование священнодействий Церкви одних за другими и непрерывное участие человека то в одном, то в другом. Здесь разумеются дневные службы: вечерня, утренья, литургия, праздники церковные, крестные ходы, молитвования на разные случаи – в домах и церквях, путешествие ко святым местам, паче же всего святые посты с говением и причащением Святых Таин. Чем кто усерднее участвует во всех сих чинопоследованиях, тем сильнее и сильнее будет разгораться в нем искра благодати, пока не превратится в пламень, поглощающий весь состав его – душевный и телесный. Кто будет так действовать, у того никогда не истощатся силы, тот никогда не потеряет бодрости на пути и не впадет в беспечность. Этот же способ дарован нам и для того, чтобы отрывать от себя приманки и развлечения мира. Кто живет по уставу Церкви, тот, как за оградой спрятавшийся, не боится соблазнов его. Церковность есть как бы отпевание и отчитывание от омрачения, производимого дыханием мирского духа. Коснется ли кого эта зараза – беги в церковь, и все отойдет; или будь неуклонно верен указаниям Церкви – и мир не найдет случая прирастись к тебе; ибо все, что есть в мире, есть и у нас в Церкви, только в чистейшем и божественнейшем виде... Там гулянья – у нас святые праздники; там балы – у нас церковные служения; там театры – у нас божественные священнодействия. Сравнивай всякий, что лучше, и не

увлекаясь пустою приманкою и не оставляй ради ее существенного, плодотворного и питательного. Итак, живи по-церковному – и будешь жить как в духовной атмосфере и ограде, и силы твои никогда не ослабнут в тебе к продолжению пути, и никакие приманки не увлекут тебя на распутия. Это третье.

Чтоб не утомить вас, коротко скажу вам четвертое.

Могут на пути встретиться препятствия, которых не догадаешься, как преодолеть; могут быть расставлены сети, которых не сумеешь миновать; могут быть сочетания стезей, при которых не сообразишь, куда идти; может набежать облако, которое скроет совсем путь и устроит громом и молниями, – к кому тогда обратиться? Как быть? Кто поможет во всех таких случаях? Ангелы с Неба? Но они являются только в чрезвычайных обстоятельствах, оставляя обычное течение дел существующему у нас порядку. Так кто же поможет? Пастыри – отцы духовные, которые и даны Церкви, по апостолу, для того, чтоб не допускать христиан вляться недоумениями и вести всех неуклонно по пути в живот вечный, научая каждого приходить «в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4, 13). Так, будь покорен руководству отцов духовных – и избежишь распутий и преткновений на пути в Царствие Небесное, и скоро и безбедно притечешь к вратам рая.

Вот все, что предлагает нам христианство о пути спасения: 1) знать и содержать учение христианское, которым сообщаются здравые понятия о всем сущем и указывается самый путь в Царствие – в заповедях; 2) быть под действием святых таинств Церкви, чрез которые даруются силы, яже к животу и благочестию; 3) участвовать во всех священнодействиях, молитвованиях и чинопоследованиях Церкви, как положено уставом, чтоб тем возгревать в себе искру благодати Божией и отрывать обаяния мира; 4) вверяться руководству законных пастырей и духовных отцов и повиноваться их руководительным указаниям. Итак, узнайте и сердцем содержите все, чему учит святая Церковь, и, приемля благодатные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия Церкви, идите неуклонно путем заповедей, прописанных нам Господом

Иисусом Христом, под руководством законных пастырей – и несомненно достигнете Царствия Небесного и спасетесь. Аминь.

В прошедшей беседе мы дошли до следующего вывода: узнай и сердцем содержи все, чему учит святая Церковь, и, приемля Божественные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия и молитвования Церкви, иди неуклонно путем заповедей, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей – и несомненно достигнешь Царствия Небесного и спасешься. И это ответ, прямой и единственный ответ всякому вопрошающему: что сотворив живот вечный наследуем? Все спасшиеся спаслись сим, а не другим способом, и все ныне спасающиеся спасаются так, а не иначе.

Нечего бы больше и говорить о сем. Но я боюсь, нет ли кого между вами, кто неправ о сем судит? Не думает ли кто, что не все из сказанного одинаково необходимо или не для всех все необходимо – что без иного, может быть, можно обойтись, не умаляя тем своего спасения, иное может быть оставлено на произвол, не будучи обязательно для всех. Потому вынужденным себя нахожу пояснить вам, что все сказанное нами, то есть здоровое учение веры, хождение по заповедям, принятие таинств, участие во всех молитвованиях Церкви и руководство законных пастырей, – все это существенно необходимо в деле спасения, так что там только и содевается спасение, где есть все в совокупности; где же чего-либо недостает, там дело спасения подвергается великой опасности и портится. Ибо какого спасения чаять тому, кто не содержит истинного учения веры и Церкви и неправ мыслит или о Боге, мире и человеке, или о настоящем состоянии нашем испорченном, или о способе нашего восстановления, который один, или о смерти и будущей участи нашей, или о каком бы то ни было догмате, когда Сам Господь говорит, что если кто отвергнется "словес" Его «в роде сем прелюбодейном и грешном», того и Он отвергнется пред Отцем Своим, Иже есть на Небесех (Мк. 8, 38)? А кого Господь отвергнет, где тому место? Уже, верно, не в Царствии Небесном. А вот есть же люди, которые говорят: как хочешь веруй, только живи хорошо и

ничего не боясь,— как будто можно жить хорошо, не имея здравых понятий о предметах, сообщаемых истинною верою. Не льстите, братия! В состав истинной жизни входит не одно поведение, но и здравый образ мыслей, так что у кого недостает последнего, о том не следует говорить, что жизнь его исправна и хороша. С другой стороны, жить хорошо — значит жить богоугодно; богоугодная жизнь вся ведется по воле Божией, а одно из первых определений воли Божией относительно к нам есть веровать в Того, Кого Он послал, то есть в Господа Иисуса Христа и Его Божественное учение. Значит, тот, кто говорит: как хочешь веруй, только живи хорошо, когда истинно веровать есть заповедь, походит на такого человека, который сам разоряет основание, на котором хочет строить дом, или на такого, который хочет переплыть реку на ладье, которую сам сознательно разбивает под собою.

Какого же спасения чаять и тому, кто нарушает какие-либо заповеди Божии, например: заповедь правды или милосердия, воздержания или трудолюбия, чистоты или нестяжательности, супружеской верности или другой какой, умаляя тяжесть своих грехов каким-нибудь кривотолкованием, например: природа влечет, сердце требует; или стараясь заслонить их безобразный вид от совести какими-нибудь видимыми, не совсем трудными делами благочестия, например: хождением по церквам, устройством ценных икон и возжжением лампад? Какого, говорю, чаять спасения таковым, когда прямо говорится, что, если хочешь «внити в живот, соблюди заповеди» (1Ин. 3, 23; Мф. 19, 17)? Что неправедники, какого бы рода они ни были, Царствия Божия наследовать не могут (1Кор. 6, 9)? Нужны, конечно, и нужны существенно, в деле спасения и внешние дела благочестия, но не одни: необходимо притом исполнение и всех других заповедей Божиих. «Сия подобаше творити», говорит Господь, «и оных не оставляти» (Мф. 23, 23). Как без ног идти или без крыльев летать, так без исполнения заповедей достигнуть Царствия Небесного невозможно.

Как это еще иные самовольно замышляют содевать свое спасение сами собою, не приемля Божественных сил, яже к животу и благочестию, чрез святые таинства и не возгревая их

священнодействиями и молитвованиями Церкви? Я уже объяснил, что мы, падшие, немощны и шага не можем сделать на добром пути без особенной благодатной помощи; что благодать сия приемлется в святых таинствах и, приемлемая, подобна бывает вначале малой искре, которая потом возгорается до пламени деятельным участием во всех чинах святой Божией Церкви. Все это и само собою ясно, и сознается своим опытом, и свидетельствуется всеми. А вот есть же лица, которые говорят: вся эта церковность нужна для простых, понимающим же дело достаточно одного умственного, духовного или сердечного служения Богу. Блаженны вы, простые души, все бесприкословно приемлющие и всякому гласу Церкви охотно повинующиеся! Вы подобны деревьям, посаженным при исходищах вод, которые дают плоды свои во время свое. А те, понимающие дело – по-своему, конечно, – подобны в духовном отношении тощим былинкам, растущим на сухой, каменистой или песчаной почве и едва слабые признаки жизни в себе показывающим; или еще и того хуже: они подобны семенам, заглушенным еще в недрах земли, непрозябшим или перезябшим. Вообразите себе на дворе дождь, снег, дух бурен и поставьте в такую погоду на открытом воздухе человека, не прикрытого, как должно, одеждою, – долго ли он проживет? Точь-в-точь в таких находится обстоятельствах тот, кто чуждается таинств и всей нашей животворной церковности. Жалки такие люди! Эгоизм и самочиние снедает кости их.

Наконец, Господь избрал апостолов, апостолы предали дело свое епископам, определив в сотрудники им пресвитеров. Все они в совокупности составляют богоучрежденное паство в Церкви, коего дело – возводить всех в мужа совершенна, «в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4, 13), освящая таинствами, возгревая священнодействиями, а паче руководя советами в многораспутном течении к духовному совершенству. И благодарение Господу, что так есть! Мы слепы; как слепому нужен вожатай, так нам нужен указатель пути в Царствие Божие – в очень многих случаях нужно лицо, которое как бы за руки взяло нас и вывело из запутанности мыслей и чувств, в какие повергает нас иногда враг и

собственное неразумение. Не говорите, что руководитель всем есть слово Божие – мы и сами прочитаем и увидим, что нужно. Слово Божие содержит общие указания для всех, а что именно нужно мне и в моих обстоятельствах, это должен объяснить мне другой – живой, опытный голос. Не будь сего, я должен блуждать по распутиям и быть в постоянной опасности. И вот почему благопотребна нам помощь благоразумного совета пастырского. Как же это иным, и, может быть, не малому числу, кажется, что у них нет других обязательных отношений к своему пастырю, кроме приглашения в случае нужды совершить таинство или другое какое священнодействие? Такие забывают, что «имже несть управления, падают аки листвие, спасение же есть во мнозе совете» (Притч. 11, 14).

Из всего сказанного выходит снова то же заключение, что и прежде: хочешь ли спасения – узнай и сердцем содержи все, чему учит святая Церковь, и, приемля Божественные силы чрез таинства и возгревая их чрез все священнодействия и молитвования Церкви, иди неуклонно путем заповедей, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей – и несомненно достигнешь Царствия Божия и спасешься. Все это существенно необходимо в деле спасения, необходимо все в совокупности и для всех. Кто одного чего не принимает или не допускает, нет тому спасения – тот не уврачуется своих немощей и не избежит болезней. Церковь Божия есть врачевательница, содержащая в своем устройстве врачевство, всякую болезнь нашу духовную врачующее. Составные части врачевства сего суть: православное учение, жизнь по заповедям, таинства с священнодействиями Церкви и руководство пастырей. Как в болезнях телесных врачевство бывает целительно только тогда, когда оно составлено из всех означенных в рецепте веществ, так и в болезни нашей духовной целительность может иметь место в нас только тогда, когда мы приемлем все стихии, входящие в состав единства помощи благоразумного совета пастырского. Как же это иным, и, может быть, не малому числу, кажется, что у них нет других обязательных отношений к своему пастырю, кроме приглашения в случае нужды совершить

таинство или другое какое священнодействие? Такие забывают, что «имже несть управления, падают аки листвие, спасение же есть во мнозе совете» (Притч. 11, 14).

Из всего сказанного выходит снова то же заключение, что и прежде: хочешь ли спасения – узнай и сердцем содержи все, чему учит святая Церковь, и, приемля Божественные силы чрез таинства и возгревая их чрез все священнодействия и молитвования Церкви, иди неуклонно путем заповедей, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей – и несомненно достигнешь Царствия Божия и спасешься. Все это существенно необходимо в деле спасения, необходимо все в совокупности и для всех. Кто одного чего не принимает или не допускает, нет тому спасения – тот не уврачуется своих немощей и не избежит болезней. Церковь Божия есть врачевательница, содержащая в своем устройстве врачевство, всякую болезнь нашу духовную врачующее. Составные части врачевства сего суть: православное учение, жизнь по заповедям, таинства с священнодействиями Церкви и руководство пастырей. Как в болезнях телесных врачевство бывает целительно только тогда, когда оно составлено из всех означенных в рецепте веществ, так и в болезни нашей духовной целительность может иметь место в нас только тогда, когда мы приемлем все стихии, входящие в состав единственного врачевства нашего духовного – христианства, или Церкви. Отнимите какую-либо стихию из врачевства телесного – оно уже не будет иметь своего действия. Не примите чего-нибудь из того, что входит неизбежно в состав христианства, или Церкви, – и вы сами себя лишите целительности, так вам необходимой, и, следовательно, останетесь в том же неуврачеванном, пагубном состоянии – стало, не спасетесь и не узрите Царствия Небесного. Аминь.

Рассуждая прежде о пути ко спасению, мы узнали, что желающему душу свою спасти необходимо знать и свято содержать Божественное учение святой веры, необходимо притом принимать Божественные силы чрез святые таинства и возгревать их чрез все церковные священнодействия и затем с помощью их идти путем заповедей Божиих, под руководством

законных пастырей. Видели также, как все сие необходимо, и необходимо все в совокупности, так что напрасно будет льстить себя надеждою спасения тот, кто самочинно отвергает какую-нибудь из сих спасение совершающих стихий.

Обращаясь теперь к самим себе – к тому порядку жизни, какой царствует среди нас, что находим? Находим, что все сие уже действует в кругу нас, что мы не лишены законного богоучрежденного пастырства, которым совершаются для нас спасительные таинства со всеми священнодействиями, проповедуется святая вера и толкуются заповеди Божии; что, следовательно, мы обладаем всеми средствами, яже к животу и благочестию, или живем в спасительной, так сказать, атмосфере.

Спасение так близко к нам, что его можно как бы осязать. Как же будет нам горько, если в тот час, когда будет решаться достоинство каждого из нас, мы окажемся несоделавшими своего спасения! Помышляя о сем, снова не удержишься от вопроса: что же сотворим? Что сотворим сими божественными средствами ко спасению, да спасемся?

Вот что сотворим:

1. Возблагодарим Господа, так о нас благоволившего, – возблагодарим за то, что едва рождаемся мы, как уже вступаем в спасительную среду и находим готовым все необходимое ко спасению и, прежде чем придем в сознание, уже несемся по пути спасительному – общим течением спасаемых. Как в видимой природе самое малое насекомое, рождаясь, находит все необходимое к своему существованию вокруг себя, так окружает и нас Господь теплою заботою, едва явились мы на свет, и продолжает потом ее до конца нашей жизни. Из колыбели еще берет нас на свои объятия мать наша Церковь – возрождает к новой жизни, питает и хранит на всех путях наших и не отступает от нас, пока не опустит в могилу с успокоительною для остающихся и небессильною для отшедших молитвою: «во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу (»или: «усопшей рабе)». Чем же все сие заслужено? Ничем. Есть много народов, не знающих пути истинного. Тем, которые рождаются среди их, надо

усиленно искать сего пути, и еще найдут ли? А мы вступаем на него без всяких с нашей стороны усилий, находим не ища. Почему так? Единому Богу то известно. Но всячески в сем действии Божественного промысления нельзя не видеть особенного к нам Божия благоволения.

Возблагодарим же за все сие Господа, так о нас благопромыслившего! Возблагодарим при сем и за самое убеждение в том, что мы обладаем истинно спасительными средствами; ибо в связи с сим убеждением стоит другое убеждение – в особенной Божией к нам близости, в том, что единый истинный Бог есть наш Бог и мы люди Его. А выше этого блага ничего и быть не может на земле.

2. Слыша сие, не один из вас, может быть, готов воскликнуть, как бы осязая уже спасение: Господь мой и Бог мой! Но не забудьте, братия, слово Господа: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи! внидет в Царствие» Божие (Мф. 7, 21). Вот и опять вопрос: что же еще сотворим? Вот что сотворим. Всем помышлением своим, всем сердцем и всею крепостию своею предадим себя сему Божественному устройению нашего спасения, именно:

а) будем блюсти «непоколебимое убеждение» в истине сего устройства спасения и неотложной его необходимости для всех вообще. Ах, братия! Победите искушение своего ума и доходящего до слуха вашего суемудрия других. Не поддавайтесь сомнениям и не позволяйте колебать покоя веры вашей дерзкому и гордому совопросничеству: «для чего то» и «зачем это?» Лучше б "так" или "этак". Отревайте сии соблазны. Не мы первые. Сколько уже было спасенных сим путем?! Мы больны, нас врачуют. Объясняет ли врач, почему он так, а не иначе врачует больного? Умолкнем же и смиренно покоримся всему, яко Божию устройению;

б) и не это одно; приложим еще «сочувствие» ко всему сему устройению, то есть так себя настроим, чтоб сердце наше находило удовольствие и в достойном принятии Святых Таин, и во всяком богослужении и священнодействии, и в слушании проповедания истин Божиих, и во внимании к руководству и советам пастырей, и во всяком вообще деле, предписываемом

законом Божиим. Кто к чему имеет сочувствие, тот туда и влечется. Кто имеет сочувствие к делам спасения, к ним и стремится. Имеет кто сочувствие к другому чему, к тому и бежит. Вот отчего и бывает, что, тогда как одни спешат в церковь, другие едут в театр, на бал или гулянье... Но, сами знаете, чего ожидать от сих последних? Переселите же сердце свое из сих суетных мест в отрадную область Божию и там находите услаждение и всю полноту довольства сердечного. Где сокровище, говорит Господь, там и сердце. Стало, где сердце, там и сокровище. Что же за сокровища предлагает мир? И стоят ли они того, чтоб ими осквернять сердце, предопределенное быть обиталищем Бога?! Не подумал бы кто, что можно совместить то и другое! Нет, нельзя. Сердце наше одно и просто, так что, где оно есть, там есть уже все, и в другом чем уже нет его, и оно быть там не может. Потому кто в мире с сердцем, тот в Церкви без сердца. И наоборот, кто в Церкви с сердцем, тот в мире без сердца. Где-нибудь да неизбежно быть без сердца. А без сердца – что за жизнь! В мире хорошо быть без сердца, а в Церкви Божией быть без сердца – значит быть лицемером пред очами Божиими, пред всевидящим Богом.

Вот почему ко всему прописанному надо еще приложить:

в) «ревностное, неопустительное и несмешанное исполнение всего», что требуется для спасения. Уж одно, так одно: хочешь спастись, держись дел спасительных; а не хочешь, как хочешь – только знай, что не можешь Богу работать и мамоне. Решимся же, братия, идти твердо путем спасения, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе. Отвергнем двоедушие и исправим хромлющие ноги свои! Что скажете вы о больном, который лежит в доброй лечебнице, назидается добрым врачом, получает прямые против болезни лекарства и всем этим пренебрегает – врача не слушает, лекарств не употребляет? Что скажете также о том, кто стоит пред чистым источником, чувствует жажду и имеет возможность, даже понуждается утолить ее из сего именно источника и вместо того оставляет его и бежит к реке, полной тины, гадов и смрада, и оттуда пьет воду, не утоляющую его жажды? Конечно, не одобрите ни того, ни другого. Но не над собою ли самими мы

произнесем этот приговор, если, обладая всеми средствами ко спасению, не будем пользоваться ими как следует? И не к нам ли будет относиться укор Божий: «Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенныя, иже не возмогут воды содержать» (Иер. 2, 13). Так, братия, благодарение Господу, что Он, по великой милости Своей, так приблизил к нам Свое спасение. Но приложим и свой труд! Путь спасения указан и прояснен. Он перед нами. Но все же мы не спасемся, если не пройдем сим путем! Обозрите еще раз все в совокупности устройство сего пути! Мы говорили: узнай и содержи учение веры и, приемля силу чрез таинства, иди путем заповедей, под руководством пастырей. Здесь знание веры и заповедей, таинства со всеми священнодействиями и руководством пастырей составляют устройство спасительного пути, который вне нас. Самое же дело спасения в чем? В том, чтобы идти сим путем. Пойдемте же! «Се, ныне время благоприятно, се, ныне день спасения» (2Кор. 6, 2). Аминь.

Между тем как я придумывал, что бы сказать вам в заключение наших бесед о пути ко спасению, пришло мне на память сказание, которое я читал в одном из древних отечников. Оно очень близко к тому, о чем мы говорили, и я не считаю излишним передать его вам ныне в том виде, как оно рисуется в голове моей.

Один глубокий старец, живший в уединенной пустыне, впал в уныние, и тьма помышлений начала сокрушать душу его, внушая ему недоумения, правильно ли течет он и есть ли надежда, что труды его увенчаются наконец успехом. Старец сидел, поникши главою. Сердце ныло, но очи не давали слез. Сухая скорбь томила его. Между тем как он так убивался горем, предстал ему ангел Господень и сказал: «Что смущаешься и зачем помышления входят в сердце твое? Не ты первый и не ты последний идешь путем сим. Многие уже прошли им, многие идут, и многие пройдут им в светлые обители райские. Ступай, я покажу тебе разные пути, какими ходят сыны человеческие, равно как и то, куда приводят сии пути. Смотри – и вразумляйся!»

Повинуясь мановению ангела, старец встал и пошел; но едва сделал несколько шагов вперед, как стал вне себя и погрузился в созерцание дивного видения, которое открылось умным очам его. Он видел по левую от себя сторону густой мрак, как стену непроницаемую, внутри которого слышались шум, тревога и смятение. Всматриваясь внимательнее в мрак, увидел он широкую реку, по которой волны ходили взад и вперед, вправо и влево; и кто-то всякий раз, как мелькала пред очами его волна, как бы на ухо внятно произносил старцу: это волна неверия, беспечности, холодности; это – немилосердия, разврата, взяточничества; это – неги, забавы, зависти, раздора; а это – пьянства, нечистоты, лености, неверности супругов и прочее и прочее; и всякая волна поворачивала на себе пред ним несметное множество людей, поднимая их из реки и снова погружая в глубь ее. В ужасе старец воскликнул: «Господи! Ужели все сии погибнут и нет им надежды спасения?» Ангел сказал ему: «Смотри далее – и узришь милость и правду Божию!»

Старец взглянул еще на реку и увидел ее по всей широте и по всей долготе своей покрытою малыми ладьями, в которых сидели светлые юноши со всякого рода орудиями во спасение утопающих. Они всех призывали к себе и иным подавали руки, другим спускали жерди и доски, тем бросали верви, а иногда погружали вглубь багры и крюки, не ухватится ли и там кто? И что же? Редкий-редкий откликался на призывный голос их, и еще менее было таких, которые пользовались как следует подаваемыми им орудиями спасения. Наибольшая часть с презорством отвергали их и с каким-то диким услаждением погружались в реку сей, издававшей чад, смрад и гарь. Старец простер взор свой вдаль реки и в конце ее увидел бездну, в которую низвергалась она. Юноши в большом количестве стремительно плавали в ладьях туда и сюда, у самого края бездны, заботливо подавая помощь всякому; но, несмотря на то, каждую минуту, на каждой точке реки целые тысячи людей вместе с рекою низвергались в бездну, откуда были слышны одни стоны отчаянья и скрежет зубов. Старец закрыл лицо свое и зарыдал. И был к нему глас с Неба: «Горько, но кто виновен?

Скажи, что бы еще мог Я сделать для спасения их, чего бы не сделал? Но они с ожесточением отвергают всякую подаваемую им помощь. Они отвергнут Меня, если Я низойду на помощь к ним в самые безотрадные места их страданий».

Успокоившись несколько, старец обратил очи свои на правую сторону, к светлому востоку и утешен был отрадным видением. Те, кои, внимая зову светлых юношей, подавали им руку или хватались за какое-нибудь спасительное орудие, были извлекаемы ими на правый берег. Здесь принимали их другие лица, вводили в небольшие стройные здания, рассеянные в большом количестве по всему протяжению берега, где их обмывали чистою водою, облекали в чистые одежды, опоясывали, обували, давали посох и, подкрепив пищею, отсылали в путь – далее к востоку, заповедав им не озира́ться вспять, идти без остановки, внимательно смотреть под ноги и не пропускать ни одного подобного здания без того, чтоб не зайти в него и не подкрепить себя в нем пищею и советом от тех, чьему попечению вверены сии здания, равно как все заходящие в них.

Старец провел глазами по берегу и увидел, что на всем протяжении его готовятся в путь эти избавленные. На лице всех отпечатлевались радость и воодушевление. Видно было, что они все чувствовали особенную легкость и силу и с некоторою неудержимостию устремлялись в путь, первые стадии которого усеяны приятными цветами.

Старец обратил потом взор свой далее к востоку, и вот что ему открылось! Приятный луг оканчивался не вдали от берега; далее начинались горы, лежавшие хребтами в разных направлениях. Они шли, поднимаясь все выше и выше и пересекаясь пропастями, то голые и утесистые, то покрытые кустарниками и лесами. Повсюду по ним видны были путники-труженики. Иной карабкался на крутизну, другой сидел в утомлении или стоял в раздумье, тот боролся со зверем или змеею; один шел прямо к востоку, а другой по косвенному направлению, а иной перерезывал поперечно пути другим; только все были в труде и поте, в борьбе и напряжении сил и душевных, и телесных. Редкий путник всегда видел дорогу: часто она совсем пропадала или раздроблялась в распутия; в

ином месте скрывали ее туман и мрак, в ином пресекала пропасть или крутой утес; там преграждали ее звери из дубравы или ядовитые гады из ущелий. Но вот что дивно! Повсюду по горам рассеяны были красивые здания, подобные тем, в которые принимаемы были в первый раз спасенные от воды. Коль скоро путник заходил в них, как ему заповедано вначале, то, как бы он ни был изможден до того времени, выходил оттуда бодрым и полным сил. Тогда звери и гады не могли выносить взора его и бежали от него; никакие препоны надолго не останавливали его, и он легко и скоро отыскивал скрывавшийся каким-либо образом путь по тем указаниям, какие получал в тех зданиях. Всякий раз, как преодолевал кто препятствие или одолевал врага, становился крепче, выше и статнее; чем кто выше всходил, тем более хорошел и светлел. К вершине горы местность опять становилась гладкою и цветистою; но вступившие на нее вскоре входили в светлый облак, или туман, из которого более уже не показывались.

Старец поднял очи выше сего облака и из-за него или из-за горы увидел чудный, неописанной красоты свет, из которого доносились к нему сладостные звуки: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» Старец в умилении пал ниц, и над ним звучно пронеслось слово Господне: «также тецьте, да постигнете» (1Кор. 9, 24).

Поднявшись снова на ноги, старец увидел, что с разных высот горы немалое число путников в разных местах стремительно бежали снова к реке, то молча, то с криком и хульными, бранными словами. К каждому из них и сверху и с боков обращено было воззвание: «Остановись, остановись!» Но гонимые какими-то малорослыми муринами, они не внимали остережению и снова погружались в смердящую реку. Тогда старец в изумлении воззвал: «Господи! Что сие?» И услышал в ответ: «Плод самочиния и непокорливости богоучрежденному порядку!» Тем видение кончилось.

Ангел, показывавший его старцу, спросил его наконец: «Утешен ли?» И старец поклонился ему до земли.

Думаю, братия, нет нужды много говорить вам для истолкования сего видения. Река есть мир; погруженные в ней

люди – живущие по духу мира, в страстях, пороках и грехах; светлые юноши в ладьях суть ангелы и вообще призывающая ко спасению благодать; бездна, в которую низвергалась река с людьми, есть пагуба; красивое на правом берегу здание – Церковь, где чрез таинства покаяния или крещения обратившиеся грешники омываются от грехов, облачаются в одежду оправдания, препоясуются силою свыше и поставляются на путь ко спасению; восход на гору с разными затруднениями – разные труды в очищении сердца от страстей; звери и гады – враги спасения; гладкая к вершине местность – умиротворение сердца; светлое облако, скрывающее путников, – покойная смерть; свет из-за горы – рай блаженный; здания, рассеянные по горе, – храмы Божии. Кто заходит в сии здания на пути, то есть принимает таинства и участвует в священнодействиях и молитвованиях Церкви, пользуется советом и руководством пастырей, тот легко преодолевает все препятствия и скоро востекает к совершенству. А кто самочинно отвергает их, не подчиняясь указаниям и советам пастырей, тот скоро падает, и дух мира снова увлекает его.

Прилагать к сему какое-либо увещание считаю излишним. Умоляю только вас, братия, спаситесь от века сего лукавого! Аминь.

Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения

Покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения потребно:

- 1) предать себя руководителю на пути сем;
- 2) обложить себя правилами, как что делать;
- 3) быть готову на труды и скорби, ибо вступил на тесный и прискорбный путь;
- 4) и чтоб выдержать все, гореть духом, или иметь горячую ревность о спасении и богоугождении.

Жизнь под руководством

Как новорожденному дитяти нельзя жить без матери, которая печется о нем, лелеет его, пестунствует, так и новорожденному в духе и обратившемуся существенно нужны

на первый раз пестун и пестунство, руководитель и руководство.

Необходимость в руководителе-отце очевидна сама собою. Всякому начинающему искать спасения нельзя братья за это дело самому или содевать свое спасение по своему разумению и хотению, но с первого же раза надо отдать себя кому-нибудь под науку в сем. Вступил он на новый, совершенно неизвестный ему путь – пусть же пользуется верным указанием, а не останавливается на одних своих догадочностях. Ходит он сначала как в тумане или в лесу каком мрачном, и посреди сетей, – пусть же подает руку тому, кто может вывести его оттуда и поставить на «пространне нозе» его. Он больной – как же можно решиться лечить самого себя в духовных болезнях тончайших, когда и тела своего не только обыкновенные больные, но и врачи сами не лечат? Тому только, к чему естественно рождены, можем мы и не учась навыкнуть; искусствам же и мастерствам обыкновенно обучаемся: например, писать, рисовать, петь и прочему. А дело спасения есть искусство искусств и наука наук – как же можно обойтись тут без учителя? Кто поступает таким образом, тот в самом начале пути спасительного допускает в себе расположение самое пагубное, именно: самонадеянность и самоуверенность. Правда, «един... есть» наш "Учитель" Господь (Мф. 23, 8), и Дух Божий всегда способствует нам в немощах наших (Рим. 8, 26), и «помазание» Его "учит" нас "всему" (1Ин. 2, 27), но начавший нисколько еще не способен к такому внутреннему непосредственному Божественному водительству. Бывают случаи, когда неизбежно оставаться при нем одном и уповающего Господь не посрамляет. Но случаи такого рода должно относить уже к числу чрезвычайных, чудесных. Чаять же себе чудесности при обыкновенном порядке вещей – значит искушать Бога. Господь, явившись апостолу Павлу, сначала послал его к Анании (Деян. 9, 6), а потом уже и Сам непосредственно научал его (Гал. 1, 12), и апостол сей, уже наученный Богом, вступив на поприще проповедания, притекает к совету других апостолов, «да не... вотще», говорит, «теку или текох» (Гал. 2, 2). Может Господь воспитывать и чрез ангелов,

как это было и в наши времена, в американских владениях; в древние же времена бывало нередко так, что и наставление, и пищу, и причащение приносили ангелы, как видно из повествования святого Пафнутия о четырех отроках. Но все это суть пути ко спасению, руководство и воспитание необыкновенные, которых ожидать и неблагочестиво, и опасно по той причине, что и враг наш может принимать образ светлого ангела (2Кор. 11, 14).

Следовательно, надобно держаться смиреннейшей части и покоряться человеку ради Бога, как Богу.

Путь этот оправдан опытами всех святых, просиявших, яко светила, на тверди христианской. Величайшие угодники Божии всегда пользовались советом и руководством. Антоний Великий, Макарий Египетский, Пахомий, Иларион, Евфимий, Савва и все начало содевания своего спасения полагали покорением себя отцу своему духовному и обучались подвижничеству под его наставлением. Зато скоро созревали и усовершеншались без уклонения и опасных преткновений. Напротив, другой путь, своеличный, по своему уму и сердцу, всегда был почитаем путем заблудным и гибельным. Сколько было разительнейших опытов, что подвизающийся, лишь только уклонялся от руководства, тотчас падал в прелесть, был опутываем сатаною и погибал! Святой Иоанн Кассиан повествует об Ироне – старце, который пятьдесят лет провел в посте, трудах, бдениях и молитве и всех удивил своею строгостию, но после, потому именно, что возмнил остаться с одним своим разумом и волею, принял сатану за ангела и по его наущению ночью бросился в пустой колодезь в надежде, что будет взят на руках ангелами, и разбился так, что на третий день по извлечении из колодезя скончался (собеседование 2, гл. 5). Он же упоминает еще о других двух, кои по своей воле и помыслу устремились в пустыню в ожидании, что Господь препитает их там (там же, гл. 6). Один из них, по истощении сил, спасся, приняв пищу, от диких поданную; а другой погиб, оставшись и здесь при своей воле. Тот же Кассиан говорит о некоем принимавшем откровения от беса, свет в келии видевшем и наученном принести в жертву сына, что, впрочем, не сбылось (гл. 7); и еще

о труженике подвижнейшем, которого бес совратил в иудейство чрез сновидения (гл. 8). Подобная же повесть предлагается в Прологе на 9-й день января: молодой подвижник своевольно поселился в пещеру горную, принимал откровения от беса и поверил ему, что будет взят на Небо, и погиб бы, если б не сохранила его благодать и не внушила, хотя не с истинным расположением, открыть о том игумену.

Так-то нет несчастнее, нет ближе к гибели того человека, который не имеет для себя руководителя на пути Божиим, особенно кто едва только отстал от худого образа жизни. Пространно и назидательно изобразил это святой Дорофей в своем слове на сей предмет, которое можно посоветовать всякому подвижающемуся иметь при себе и почаще прочитывать (см. поучение 5).

Святой Петр Дамаскин в первой книге своей в «Добротолубии» осматривает всех людей всех времен, бесконечно разнообразных по возрастам, сложению, званиям и состояниям, и находит между всеми ими, несмотря на различие до противоположности, и спасаемых и погибающих. Помышляя о сем, говорит он, я сокрушался душою и в недоумении до изнеможения вопрошал: что за причина сему и какое начало нашему спасению или гибели? Долго трудился он над этим, ища умом неложного решения, и вот какое нашел у святых отцов рассуждение: начало всякого блага и всякого зла есть данный человеку разум и по разуму воля. Начало спасения: да оставит человек своя хотения и разумения и сотворит Божия хотения и разумения. Прежде закона, в законе и во благодати много обретается спасенных, потому что они предпочли разум Божий и волю Его паче своих разумений и хотений; и опять во все те времена много обретается погибших, поскольку своя хотения и разумения предпочли паче Божиих. Волю же Божию (в частных случаях) узнать иначе нельзя, как чрез рассуждение, и рассуждение не свое, а утверждаемое вопрошением имеющих дар рассуждения и опытных. Только сим образом узнаем, какие хочет Бог, чтобы мы проходили делания. Если же не так, не можем спастись никак. Без сего даже и то, что мы почитаем благим, не бывает на добро или потому, что неблагоприятно,

или потому, что не нужно. Также и святой Иоанн Кассиан, доказав, что все должно делать с рассуждением, для познания, какое есть истинное и от Бога рассуждение и какое лжеименное и притворное, диавольское, говорит от лица аввы Моисея: истинное рассуждение не приходит иначе, если не от истинного смирения, когда не только то, что делать хотим, но и то, что помышляем, открываем отцам и ни в чем своему помыслу не веруем, но во всем последуем словесам старцев, то одно и добром почитая, что они таким признают. Такое действование не только благоустраивает человека невреждимо шествовать правым путем, но и от всех сетей диавольских сохраняет его невреждимым. Ибо тому, кто судом и советом предупевших управляет жизнь свою, невозможно пасть от прелести бесовской, так как он самым этим действием объявления и открытия злых помыслов отцам обессиливает их и немощнейшими творит. Как змей, из темной норы изнесенный на свет, тщится убежать и сокрыться, так и лукавые помыслы, будучи обнаруживаемы исповедью и сказыванием о них отцам, убегают от человека (собеседование 2, гл. 10).

Так велика нужда и столь неисчетно благо подвергнутия себя руководству других, однако ж не без разбора и кому прилучится. Многие из старцев, как там же говорится у святого Кассиана, вместо пользы вред, вместо утешения отчаяние причиняют вопрошающим, и сие оправдывается примером. Святой Петр Дамаскин о себе говорит, что сам он много раз терпел вред от тех, коих спрашивал. Почему пишет: не всякий, кто стар летами, уже способен к руководству, но кто вошел в бесстрастие и приял дар рассуждения. Хорошо не таить своих помыслов от отцов, однако ж не всякому, кто ни прилучится, надо их сказывать, но старцам духовным и дар рассуждения имеющим, мудростию, а не одними летами поседевшим. Многие, смотря на один возраст старости, открывали свои помыслы и вместо врачевства по причине неискусства выслушавших их впадали в отчаяние. Не всякий может руководить, и это не только по собственной неуспешности и незрелости, но нередко по быстроте созрения. Многие, по причине великой простоты и великого жара ревности, очень

скоро проходят первые степени и многого не испытывают. Неискушенные же не могут и «искушаемым помощь». Сверх того, рассуждение есть один из даров Святаго Духа, коих много, и не все даются всем, «а коемуждо якоже хочет Бог. Чувствия обучена» в рассуждении добра и зла свойственны всякому очищенному, но разбирать всякие случаи, решать обычайное и необычайное и что из того может быть допущено и что должно отвергнуть,— это могут только зрящие. Вообще такие светильники Богом образуются и Богом изводятся на дело. Смотрите в житиях: подвизается человек Божий в трудах общежития, отходит на уединение, живет скрытно от всех; наконец говорится о нем: явил Господь светило. Годный не может укрыться; начинают около него собираться — и строится премноголюдная обитель; так у Антония Великого, Саввы Освященного, Антония Киево-Печерского, Сергия Радонежского; так прежде, так и теперь.

Отсюда видно, что истинным руководителем может быть только победивший страсти и чрез бесстрастие соделавшийся сосудом Святаго Духа, научающего всему, или тот, кто прошел первую степень и чрез внутренний крест и распятие восприял Бога или восприят Им и есть Им действуемый и водимый. Только такой может быть назван опытным, непрелестным, искусным, надежным руководителем. Святой Иоанн Лествичник сравнивает его с Моисеем по дерзновению пред Богом и с ангелом по чистоте и совершенству в духе. Желая выйти и избежать из Египта и от фараона, поистине и мы имеем нужду в некоем Моисее, в ходатае к Богу и по Бозе, который бы, стоя посреди деяния и умозрения, воздевал о нас к Богу свои руки,— чтоб путеводимые им, прешедши греховное море, то есть страсти, обратили в бегство Амалика. В прелести находятся те, кои, возложив упование на самих себя, возмнили, что не имеют нужды в путеводителе. Из Египта исшедшие имели своим путеводителем Моисея, а из Содомы избегшие — ангела. И одни из них подобны исцеляющим душевные страсти под попечением искусных врачей — каковы исшедшие из Египта; другие же подобны желающим совлечься нечистоты бедственного тела, почему и имеют нужду, чтоб им споспешествовал ангел или по

крайней мере, скажу так, кто-либо равноангельный,— ибо, по гнилости ран, потребен нам и врач, и язвочелитель (Слово 1, п. 7).

Каков должен быть руководитель, полнее можно видеть у того же святого Иоанна Лествичника в наставлениях его настоятелю. Там назван он врачом, кормчим, учителем, книгу, в сердце написанную, имеющим и не от человек наученным, бесстрастным, в Боге живущим и прочее. Видимо, то есть, что он должен быть из коснувшихся последних степеней совершенства. Василий Великий так говорит об этом: со многим попечением и разумением потрудись найти в предводителя твоего жительства мужа непрелестного, хорошо умеющего наставлять идущих к Богу, цветущего добродетелями, в своих делах имущего свидетельство своей к Богу любви, разумеющего Божественные Писания, немногозаботливого, несребролюбивого, нелюбостязательного, безмолвного, боголюбивого, нищелюбивого, безгневного, непамятозлобного, многоназидательного для сближающихся с ним, нетщеславного, негордого, неласкательного, не непостоянного, ничего не предпочитающего Богу.

Таковы совершенства истинного отца! Без этого он не возможен, при всем усердии, вести ко спасению души, вверившие ему себя. Путь, ведущий к Богу, можно изучить из книг, из примеров и учения святых отец и указывать его другим; но руководитель должен не указать только, но и вести, и не вести только, но как бы несть на себе. Он должен быть сильным в молитве ходатаем пред Богом и отгнателем невидимых врагов, а для сего должен иметь дерзновение и силу веры, наступающей неблаженно на всю силу вражью,— это дается, или стяжается, на "второй" степени, то есть совершенными. Святой Иоанн Лествичник является во сне и пробуждает ученика, на которого готова была пасть гора. У святого Варсонофия множество опытов, что ученики, ради молитв его, избавлялись от мучительства страстей и стужения бесов. Чтобы вести, надобно видеть все распутия, опытно знать их и знать, как они отклоняются; а для сего надобно стоять на некоторой высоте, с коей можно бы обозревать и все пути, и всех идущих,

и того между ними, кто вверился. Словом своим, как рукою, он наставит его, как идти прямо, без уклонений, скоро, среди всех распутий без блуждания. Не очистившиеся от страстей все стоят на одной линии в уровень, ученый ли кто или неученый, читал ли кто науку о подвижничестве или не читал. Толпу же составляющие люди не видят, куда и как пройти, а толкают только друг друга и идут, как идется, то туда, то сюда, ожидая, не попадется ли им нужная тропинка, чтоб выйти на простор; между тем как по голосу, который вне толпы, тотчас выйти можно. Дело все в покорении страстей: не победивший страстей не может дать надежного правила на их покорение, потому что сам страстен и судит страстно. Затем-то умный, но сам не испытавший руководитель никогда не поведет далеко, при всем своем желании. И сам он, и руководимый будут говорить, рассуждать о путях Божиих и все толочься на одном месте. Сверх того, ему должна принадлежать некоторая естественная властная сила над душою ученика, чтоб она беспрекословно, молча покорялась ему, была как ведомая. Силу же духа, не покоривши страстей и не приявши Духа Божия, иметь нельзя. А без этого слово всегда будет бессильно, бесплодно, потому что не может родить того собою, чего в себе не заключает, как учит преподобный Макарий Великий.

Таких совершенств должен быть истинный руководитель и верный наставник! Но и вверяющий себя ему, когда Господь сподобит обрести такового, подвергается великим и строгим обязательствам.

Существо руководства и сила его состоят в завете между духовным отцом и учеником, полагаемом пред лицом Бога, в коем отец берет на себя спасение души ученика, а ученик предает ему себя всецело. В этом завете существенное отличие руководства от совещаний и вопрошений. Наставление, даваемое в последних, не связывает, а в том всякое слово – закон; там вопрошающий имеет еще свободу рассуждать и рассматривать, а тут всякое рассмотрение неуместно и губительно. Ученик предает себя всецело. Ты, говорит святой Василий Великий, отдай ему себя совершенно упраздненным, то есть чтоб уже у тебя своего или на свою долю ничего не

оставалось, а все принадлежало отцу; иначе этот остаток древней закваски будет портить вновь влагаемое в тебя и все такое смешение будет безвкусно, негодно Богу, противно. У святого Иоанна Лествичника приводится пример, как один говорил к своему наставнику: как ковачу вручается железо, так и я, преподобнейший отец, тебе предался (Слово 4, п. 23). Как чистое полотно у живописца или как доброе вещество у скульптора, таков ученик в руках отца. Он взял иго Христово на себя в решимости угождать Ему, а теперь, как говорит святой Лествичник, с выи своей на чужую возложить оное тщится (там же, п. 5). Он походит на того, кто поверх воды, руками чуждыми поддерживаемый, переплыть море намеревается (там же). Посему и называет он жизнь под руководством добровольною смертью, гробом, сонным путешествием, безопасным плаванием. Ученик есть как бы не действующий, а деемый.

Это со стороны ученика. С своей стороны и отец дает решительное уверение о спасении его души собою, берет на себя его грехи и ответ пред Страшным судом Божиим. У святого Варсонофия это выражается во многих местах и очень часто. Например, одному, который просил: дай мне слово, господин мой, что ты отвечаешь о мне Богу и не будет мне вреда,— он отвечал: я сладце душу мою полагаю за тебя, "смерть" только «разлучит между мною и тобою» (ответ 57); другому: уразумей, что пишу, и скрой у себя: сделаю, что ты услышишь радование небесное, владыческое, Божественное, наследником моих дарований будешь (ответ 10); иному еще: беру половину грехов твоих — и, когда тот усугубил прошение: беру и все, послушания ради (ответы 163, 164). Даже что обещает? Если соблюдешь мою заповедь, паче же Божию, исповедаю, что отвечаю за тя в день оный, в который Бог имеет судить тайная человеков (ответ 58). А в другом месте молится: Владыко, или введи со мною и чад моих в Царство Твое, или и меня изгладь из книги Твоей (ответ 110). Но такое великое обещание дается под условием решительного, охотного, беспрекословного исполнения учеником всех заповедей отца, от сердца, как Божиих, так что, коль скоро допущено уклонение, завет нарушен и обещание теряет обязательную силу. Отец берется как бы вознестись на

себе душу ученика на Небо, но под условием, чтобы и этот искал, напрягался, трудился. Такому ищущему по вере Господь помогает, и тот, в уповании на Бога, хотящего всем спастися, не сомневается, что все будет ему и словом и делом во спасение. Собственно, он становится посредником между ним и Богом, посредником неложным, верным, безопасным: что сказано, то и будет.

Так, он говорит одному: да напишутся "слова" мои в сердце твоём, навяжи их на» руки, «да будут пред» очами...— а далее: покажи их и чрез совершение делом (ответ 11). Другому говорит: молюсь, день и ночь подвизаюсь за душу твою, но и ты спотрудись, сподвигнись, иначе все бесплодно. Ищи соли — и соосолю тебя (ответы 24, 70). И еще: если ты нарушишь что из сего, я неповинен; ты узришь и отвечать будешь в день он страшный (ответ 57).

Вследствие сего между ними образуется неразрывный, сердечный, духовный союз, по коему отец в сыне и сын в отце пребывают духом сорастворены; и это не на время только воспитания, но и на всю вечность. Святой Варсонофий одному скорбевшему пишет: видя скорбь и мятеж постигшего тебя искушения, я возболел так люто, как никогда,— наипаче помянув, что апостол говорит: «кто изнемогает, и не изнемогаю» (там же). Другому говорил: я неотходно с тобою; когда идешь ты на послужение общежитию, всячески с тобою идет и сердце мое, соблаговолящу Богу (ответ 27). Или: благодатию Христа Сына Божия, не отлучаюсь я от тебя, но с любовью твоею есмь присно духом (ответ 55). Еще: брате, как своей собственной душе говорю, ибо Господь связал душу твою с моею, говоря: да не отступиши от него (ответ 159). И истинный ученик у святого Иоанна Лествичника изображается так: душа, Христовою любовью и верою к пастырю своему привязанная, не отстанет от него даже до пролития крови, особенно когда она и исцелена некогда чрез него от ран своих. Она помнит слова того, кто говорил: «ни ангелы, ни начала, ни силы... ни кая тварь другая может разлучити нас от любви» Христовой. Если же она у кого сим образом привязана, сплетена и прицеплена не будет, то сей напрасно житие свое препроводит, обращаясь лицемерно и

притворно пред отцом (Слово 4, п. 28). В этом сердечном союзе вся сила и сущность завета. Через него на немощного ученика изливается вся сила отца. Потому враг всемерно старается всячески расстроить его и тайными внушениями и даже призраками внушает то недоверие, то подозрение, то желание отойти к другому, как есть примеры тому у святого Варсонофия (ответ 159 и далее). По такой важности, этот сердечный союз должен быть первым предметом молитвы ученика: открой мысленно Богу свою веру и любовь нелицемерную к настоящему своему, и Бог втайне возвестит ему о твоей к нему любви и сотворит его равно к тебе благосклонным и дружелюбным (Лествица, Слово 4, п. 45).

Такой, впрочем, союз есть великое духовное таинство, совершаемое Самим Богом. Не всякий истинный отец для всякого ученика и не всякий истинный ученик для всякого отца. Ищущему с полною верою и преданностью Господь указывает и приводит к тому, кто может, силою Его, привести его ко спасению; и истинному достойному отцу полагает в духе извещение принять и несть тяготу сего именно немощного. Так у святого Варсонофия: Иоанн показался было и потом долго не приходил. Когда авва Серид помыслил, что он не придет уже, святой Варсонофий говорит: "телом" отстоит, а духом с нами и не разлучится отныне и до века (ответ 5); и еще прежде говорил: за два года Господь сказал мне, что придет (ответ 1). Один из учеников говорил ему: прибежище и пристанище послал тебя Господь мне (ответ 159); другому он говорил: верим, что Господь привел тебя сюда: не иждиви же тщетно благодати (ответ 163).

Отсюда само собою открывается, каков должен быть ученик в отношении к отцу своему.

Все сюда относящееся само собою вытекает из того духа, в каком предает себя ученик отцу, и того союза, какой сочетается между ними.

К отцу своему ученик должен иметь полную и несомненную веру – веру в то, что он знает путь Божий, может доводить по нему к совершенству и доведет именно и его, что он силен у Бога и Бог чрез него укажет ему прямой и незаблудный путь;

потому все его наставления принимать как совершенно истинные, решительно спасительные и богоугодные. Эта вера должна быть светла, чиста и никаким даже слабым облаком сомнения не омрачаема, ибо ее ослабление есть ослабление и сердечного союза, а ослабление сердечного союза извращает все дело и делает его бесплодным. Потому должно хранить эту веру как зеницу ока. Сколько вера цветет в сердце, говорит святой Лествичник, столько тело успевает в своем служении; а как скоро кто о камень веры преткнется, то уж нет сомнения, что таковой падет, ибо справедливо то, что все, что «не от веры, грех есть» (Рим. 14, 23)... В простоте сердца повинующиеся если чрез любопытство о настоятельных повелениях не станут воздвигать на себя бесовских хитростей, то добре о Господе путь свой совершат (Слово 4, п. 7, 9). Потому и сами отцы прежде всего удостоверялись в вере к себе тех, коих принимали под руководство, и если замечали ее отсутствие, то не принимали. Так святой Варсонофий одного не принял под свое руководство, когда заметил в нем неверие; а когда оно закралось (по наваждению бесовскому) в принятого, то поспешил уврачевать его (ответ 161).

Тем, кои восприяли о Господе попечение о нашем спасении, говорит Лествичник, мы без всякого любопытства должны верить, хотя бы нам казалось, что они и противное что-нибудь спасению нашему устанавливают. Тогда-то наше к ним доверие, как в горниле смирения, искушается. Ибо то и есть знак истинного доверия, когда кто хотя видит что-нибудь чаянию своему несколько противоречащее, однако, поскольку учреждают то начальники, верит им несомненно (Слово 4, п. 104).

Должно всячески чествовать отца своего, иметь лицо его честным, светлым; не только в слове и чувстве, даже в мысли не иметь ничего омрачающего его или умаляющего сей свет. Если, говорит Лествичник, желаем со всяким смиренномудрием под иго Господне выю свою подклонить и другому нелицемерно вверить спасение свое, то, прежде вступления нашего в монастырь, должны мы, если есть в нас сколько-нибудь проницательности и разума, рассуждать и испытывать о своем

кормчем, должны его искушать, чтобы не попасть нам, скажу так, вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо непорочного на сластолюбца, вместо пристани в пучину и не уготовать самим себе кораблекрушения. По вступлении же на поприще благочестия и отвержения мира уже не должны со всею строгостию рассуждать о добром нашем подвигоположнике, хотя в нем, как в человеке, может быть, увидим и погрешности некие маловажные. Иначе с таким строгим о делах наоно закралось (по наваждению бесовскому) в принятого, то поспешил уврачевать его (ответ 161).

Тем, кои восприяли о Господе попечение о нашем спасении, говорит Лествичник, мы без всякого любопытства должны верить, хотя бы нам казалось, что они и противное что-нибудь спасению нашему устанавливают. Тогда-то наше к ним доверие, как в горниле смирения, искушается. Ибо то и есть знак истинного доверия, когда кто хотя видит что-нибудь чаянию своему несколько противоречащее, однако, поскольку учреждают то начальники, верит им несомненно (Слово 4, п. 104).

Должно всячески чествовать отца своего, иметь лицо его честным, светлым; не только в слове и чувстве, даже в мысли не иметь ничего омрачающего его или умаляющего сей свет. Если, говорит Лествичник, желаем со всяким смиренномудрием под иго Господне выю свою подклонить и другому нелицемерно верить спасение свое, то, прежде вступления нашего в монастырь, должны мы, если есть в нас сколько-нибудь проницательности и разума, рассуждать и испытывать о своем кормчем, должны его искушать, чтобы не попасть нам, скажу так, вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо непорочного на сластолюбца, вместо пристани в пучину и не уготовать самим себе кораблекрушения. По вступлении же на поприще благочестия и отвержения мира уже не должны со всею строгостию рассуждать о добром нашем подвигоположнике, хотя в нем, как в человеке, может быть, увидим и погрешности некие маловажные. Иначе с таким строгим о делах настоятеля своего испытанием никакой не получим мы пользы от оставления мира. Тем, кои желают

навсегда соблюсти несомненное к своим наставникам доверие, нужно хранить в сердце своем неизгладимо и незабвенно добрые их дела, дабы воспоминанием о них заграждать уста бесам, когда они станут в нас всевать недоверие к ним... Если мысль твоя понуждает тебя к тому, чтобы ты осудил или похулил своего наставника, то ты от сего отскочи, как бы от блудодеяния, и отнюдь не давай змию сему ни обнадеживания, ни места, ни входа, ниже какого приступа, а, напротив, воскликни к нему: о, прелестник! не я приял суд над моим начальником, но он надо мною судиею поставлен (Слово 4, п. 6–7)! Сие чествование и благоговеинство непоколебимое растет от веры и ею утверждается; как, напротив, сейчас слабеет, коль скоро слабеет вера, и обратно. Потому на сии два пункта особенно и устремляет враг свои стрелы. Нередко даже привидения строит в помрачение чести отца, чтоб отбить от него ученика, как пострадал Елисей, ученик аввы Исаии. Потому-то когда, в «Лестнице», инок спрашивает у Иоанна Савваита, советовавшего ему предаться отцу: что, ежели сей отец, по нерадению своему, в чем-нибудь погрешит? – то старец сказал на это: хотя бы ты увидел его творящим грех, не отходи от него, но скажи сам себе: друже, зачем ты сюда пришел? Тогда увидишь, как тотчас исчезнет в тебе всякое возвышение (Слово 4, п. 112).

Во всем следует положиться на отца или стоять в той уверенности, что удовлетворение всякой его нужды будет исправлено молитвою отца, всякое зло отвращено, всякое благо подано. Мене держись, часто говорит святой Варсонофий, выведу тебя и скоро введу в покой и Богу представлю; или так: наследником моим будешь, даров моих сподобишься; или: вместе ляжешь в одной раке. Все сие содержится в вере, в той вере, что Господь, ищущий спасения всех, спасет его чрез отца и все сделает для него по вере его. Ученик чает, что Господь, по благи Своей, ради молитв отца и помилует, и грехи простит, и благ духовных не лишит. Оттого со всем бежит к отцу, как сын, в несомненном чаянии, что получит удовлетворение,— и получает. У святого Варсонофия ученики часто говорят: скажи

слово – и будет так; ты нам пристанище. Когда заболел он, то зывали: куда нам деваться?

Естественным следствием веры, чествования и надежды должно быть успокоение под руководством отца, как под безопасным кровом. Преданностию ему он пресекает всякое попечение о себе, всякую заботу и опасение. Он, пишется у святого Варсонофия, говорит от сердца к отцу: верю, что Господь тобою спасет душу мою; твори со мною, что внушит тебе Господь. Я – уже не я (ответ 57). Если кто, говорит Лествичник, по чистой совести навсегда предал себя своему отцу, таковой прочее смерти своей, как сна, не боится, ведая точно, что при исходе из сей жизни не от него, но от настоятеля его востребуют ответа (Слово 4, п. 50). Потому дело спасения своего он считает как бы решенным. Не забудь, говорит еще Лествичник, в жизни твоей одного великого подвижника, который хотя в целые восемнадцать лет телесными ушесами от наставника своего не слышал сего слова «спасайся», однако ежедневно душевным слухом ощущал от Бога не слово «спасайся», что означает одно только желание говорящего, и то неизвестное, – но речь «спасен еси», которая знаменует точное вещи определение и несумненность (там же, п. 106). Так решительно успокаивает ученика Сам Господь. На его стороне остается только охотное, усердное, живое действовање по указанию и определению наставника – отца. Ибо успокоение не означает недеятельность, а только пресечение всякой заботы о ней и ее плодах или успехе. Ученик должен быть всегда наготове, в бодрой напряженности, а не в разлениии. Святой Иоанн Лествичник изображает его стоящим на ничем не связанных ногах, из коих одну стопу к услужению простирает он, а другую при молитве неподвижно держит (Слово 4, п. 2); послушание же называет сонным путешествием (там же, п. 3): путешествием – по трудам и успехам, а сонным потому, что все это строится не им. Святой Варсонофий часто обращает к просящим его помощи такую речь: спотрудись, сподвигнись, вспотей над тем, что я сказал (ответ 61). Я приступаю, говорит, за тебя к Господу, но если и ты также не приступишь, то срам велик (ответ 70). Духовный отец берется спасти ученика, но как

бы его силами; хочет быть делателем, но в нем, быть его душою. И ученик успокоен только в отрадной благонадежности и несомненности касательно своей участи, а сам все же в потах и трудах.

Действование по манию отца-наставника обязывает к следующим трем действиям:

а) ничего не слагать умом и сердцем ни касательно прошедшего, ни касательно настоящего, ни касательно будущего, или не верить себе, своему уму и сердцу ни в чем. Не знать, что как есть, даже не хотеть знать и бояться думать, что оно так и так есть без указания отца. Не решать самому: то и то хорошо или худо, в себе ли или в других, а как скажет отец. Не замышлять и не определять ничего, даже за одну минуту вперед, потому что это зависит от отца. Таким образом, сие неслагание есть решительное замолчание всякого внутри произвольного движения сил, пустота, праздность от всего. Оно требует, чтоб умом ничего не было определено, сердцем не вкушено, волею не возжелано; помысли, возжелай, вкуси, когда и как велят, а без того стой в пустом, ожидательном состоянии. Это, по святому Лествичнику, нелюбопытная жизнь (Слово 4, п. 3), или недоверчивость к самому себе во всех добрых делах даже до конца жизни (там же, п. 5). Этим заглушается собственное чувство, собственный в вещах вкус. Хорошо то, что по отцу хорошо; худо то, что по нему худо, хотя бы и казалось тебе хорошим. В этом состоянии упраздненный стоит пред лицом наставника, готовый принять влагаемое;

б) но при всем желании и напряжении, поставить себя в молчательное положение решительно невозможно. Будут рождаться мысли, определения, суды, планы, пожелания, страхи, похоти; непрестанно изнутри будет точиться то то, то другое. Касательно всего этого один закон: «все открывать» своему наставнику, и доброе и худое. Этим будет очищаться всегда внутреннее. Наставник будет иметь основание, как судить о состоянии ученика; не будет траты времени; всевозможные уклонения мысленные и сердечные устранятся; под руководством наставника будет приобретаться опытность в разбирании помыслов сначала своих, а далее и всех других.

Потому-то святые отцы сему откровению приписывают необычайную силу в деле спасения, даже хотя бы оно было и не пред отцом-руководителем. При нем можно избежать всякой опасности заблудиться или пасть, встречая предостерегательный совет. Василий Великий так заповедует: всякий из подчиненных, если хочет показать достохвальное преспеяние и стяжать навык жить неуклонно по заповедям Господа нашего Иисуса Христа, не должен ни единого душевного движения у себя хранить втайне, но должен обнажать тайности сердечные пред теми, коим вверено благоутробно и милостиво пещись о немощных братиях. Таким способом что достохвально, то утверждается, а что непохвально, то подобающего врачевания удостоивается; и чрез такой подвиг мало-помалу будем мы возрастать в совершенстве жизни (Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах, вопрос 26). При этом не должно устранять себя, как учит тот же святой отец, от открывания помыслов и совещания тем, что совесть покойна, не зазрит. И в телесных болезнях, говорит он, бывает, что немощные не чувствуют их, но верят наблюдению врача более, нежели своему нечувствию; так и в душевных. Скажись другому – и он определит, здоров ли ты или немощен и какая у тебя немощь. Так поступали апостолы. Когда Господь сказал: «един от вас предаст Меня», тогда все, один по другому, спрашивали: "не я ли?" (Краткие правила, 301). Святой Варсонофий говорит: никто да не скрывает помыслов. Кто скрывает помыслы, о том злые духи радуются, видя возможность погубить душу его (ответ 583).

Скрывающий помыслы пребывает неисцелен, ибо они исцеляются только частым вопрошением о них отцов духовных (ответ 317). Не скрывающий никакого змия в недре своем действительную показывает веру, а скрывающий еще вне пути спасения своего блуждает, говорит святой Лествичник (Слово 4, п. 46). Такое правило открывать все великий налагает страх на душу не только сделать, но и сказать что-либо и помыслить худое, напоминая имеющий быть суд от отца-наставника; налагает страх и на бесов, ибо при сем никоим образом нельзя им укрыть своих козней (там же, п. 53). Потому-то и стараются

они отклонить от сего и, опасаясь обличения, бегут от того, кто во всем открывается; ненавидят и терпеть не могут самого даже гласа откровенности, как учит святой Дорофей (поучение 5). А какое облегчение душе от этого! Три года один томился под тяжестью неоткровенности (Пролог, мая 6-го) и потом, когда одолел себя, тогда вышло из него мрачное облако – знак, что неоткровенность есть дело сатанинское. Иначе как будет пользоваться нас отец, когда не знает, что в нас; а общие наставления можно найти и в книгах. Потому-то святой Лествичник учит, что как с первого раза должно открыть все своему отцу, всю жизнь рассказать, так и во все последующее время не отрицаться – духовнику, споспешнику своего спасения, исповедоваться со смирением, яко Богу (Слово 4, п. 10, 63, 66). В одном монастыре, пишет еще святой Лествичник, увидел я у гостинника на поясе книжицу малую и, спросивши, для чего она, узнал, что он в ней записывал все то, что чрез весь день помышлял, и все оные помыслы пересказывал своему пастырю. И не только его, но и других многих той обители иноков я видел так поступающими. Был же сей устав учрежден великим отцом той обители, как я после слышал (там же, п. 39). Добрый домостроитель каждый вечер исправно считает дневную прибыль или расход. Но как он узнает это, если не будет ежечасно записывать всего в счетную книгу (там же, п. 115);

в) но главнейшее дело ученика есть искреннее, неразмышляющее, от веры и чистого сердца «беспрекословное повиновение» учителю своему и отцу во всем до малейшей йоты. Ученик должен быть как бы автоматом, без своей души, которая у него заменяется душою отца. Ученичество, по святому Лествичнику, есть совершенное души своея отвержение, посредством телесных действий во всей точности показываемое, умерщвление телесных членов в живом уме, неискусненное движение, отвержение своего рассуждения, хотя бы и богат кто был оным, гроб воли... Ученик – блаженный и живой мертвец (Слово 4, п. 3, 4). Повиноваться должно в простоте, без размышления и разбирания, хорошо ли повеленное или худо, трудно или легко; постоянно, терпеливо, неуклонно, без всякого лукавства и сомнения помышлений (там

же, п. 5, 9). Держать себя должно в таком настроении, чтоб, что бы ни делалось, делалось не потому, что сам придумал или восхотел, а потому, что так приказано. Нужно что, спроси и сделай; не велят, хоть и с трудом, а терпи. И если не имеешь приказаний и дела – лучше сиди, но не делай сам, по-своему. Все от себя и по-своему есть разорение духа – то же, что прием яда. Предался отцу, и пусть уже творит он из тебя и в тебе, что знает. Иначе выйдет: «един созидаешь, а другой разоряешь». Последний творит тщетным и свой труд, и труд другого, и дело спасения превращается в празднодетельство. Кто однажды повинется, а в другой раз исполнит свою волю, говорит Лествичник (там же, п. 60), тот походит на того, кто в глаз пускает в одно время лекарство, а в другое известь. Поищи послушания, исполни волю другого и будь беспечален. Блажен, кто волю свою до конца умертвил и все о себе попечение поручил своему по Бозе наставнику: таковой станет одесную распятого Спасителя (там же, п. 44). Из трех подвигов – поста, чистоты и послушания – первый доводит до половины пути к Богу, вторая приводит ко входу, а последнее поставляет пред самое лице Господа. Какой покой и мир у него на душе! Нисколько не смущается он, хорошо ли то, что делает, что скажут другие, к чему оно послужит, угодно ли Богу. Даже тогда, как из двух послушников волю наставника, будто несообразную, один без раздумывания исполняет, а другой нет, по своему усмотрению, – первый получает пользу, а последний вредит себе (Лествица, Слово 4, п. 108).

Потому общее правило всех святых: кто сам по себе живет, тот бесплодно живет. Пусть он и хорошо делает, но совесть и в таком случае не может быть у него мирна. У него должна быть постоянная нерешительность, смутность, а главное, настроение своеволия остается то же. Все с советом твори. Без совета как без ограды. Ежели же это не безопасно, то что сказать о прямой непокоривости и прекословии! Это уж прямое бесовство. Есть еще надежда исправления, если кто прекословит равному или низшему, но кто идет против наставника, о том и говорить нечего. Отбившийся от послушания предается своей воле, а от своей воли – и злобе врагов – и погибает. Слушающийся же во

всем скоро достигает меры детства, или совершеннейшей простоты, как это изображает святой Лествичник (там же, п. 121). Решительным послушанием одни всю внутреннюю со страстями брань во веки разрушили; другие приобрели к обидам совершенную нечувствительность и безболезненность; иные достигли высочайшей степени незлобия и непринужденного простосердечия, явились младенцами, ничего хитрого не имеющими как в речах, так и в поступках (там же, п. 20, 21). Пример сему – Павел Препростой. Василий Великий послушание такое считает первейшею добродетелию (Подвижнические уставы подвижающимся в общежитии и в отшельничестве, гл. 19, 22). Он учит ему примером обучающихся какому-нибудь искусству, кои до мала, во всей точности исполняют указываемое; выставляет в пример молчаливую покорность Авраама, когда повелено было ему выйти из Халдеи и после принести в жертву сына; от противного – пример апостола Петра, который после великой похвалы за одно прекословие, будто и благожелательное, услышал: «иди за Мною, сатано!» К этому именно предмету относит он и места Писания: «повинуйтесь наставникам» (Евр. 13, 17); «слушаяй вас, Мене слушает» (Лк. 10, 16).

Вся же совокупность законных отношений к своему отцу состоит в том, чтоб не иметь своей воли, своего разумения, своего вкуса: все у него должно быть отцово, по его указанию, им измерено и установлено до малейшего движения. Состояние же человека, действующего по сему правилу, то есть под руководством, под начальством, не по-своему, есть состояние послушничества, великими похвалами превознесенное у святого Лествичника и у всех вообще святых отцов.

Путь послушничества, или совершенного отречения от своего ума и воли и всякого управления собою чрез предание себя надежному и Богом данному руководителю-отцу, есть путь краткий и непродолжительный, как называется он у святого Лествичника (Слово 4, п. 5). Вступившие на него в истинном духе скоро востекают на совершенство и безопасно минуют все уклонения, блуждания и задержки. И это как по настроению самого ученика, так и по действию на него отца.

Ученик ничего не имеет своего. Подобно апостолам, сказавшим Божественному своему Учителю: «се... оставихом вся», и он говорит и чувствует: я не свой, потому что ни мысли, ни желания, ни слова, ни дела не должно быть у меня своего. Хотя бы и хорошо что было, но для меня уже оно нехорошо, коль скоро я творю то по своему хотению и разумению. Таким расположением и действованием он бьет непрестанно в самую главу гнездящегося в сердце нашем змия – самость, главное свойство которой – все делать по-своему и в свою угодую. А поскольку на самости держатся все страсти, то по мере погашения самости стихают и страсти, душа светлеет, близится к чистоте и бесстрастию. Тем, что не дается исхода из сердца ничему самоделаемому и самоначинаемому, замаривается всякая самостная деятельность; тем, что все незаконнорожденное открывается, она истощается, лишаясь пищи, чрез извержение ее порождений; тем, что делается все не по-своему, она уязвляется в самое сердце. Не делать по-своему даже и в таком случае спасительно, если кто, не имея отца, поверяет себя другому, даже не мудрому, с той только целью, чтоб жить в отречении от своего разума и воли. И успех бывает высокий и быстрый. Акакий, у святого Лествичника, жил у своенравнейшего старца и терпел побои и напраслины, но ради терпения и послушания приял венец мученика, как было то открыто свыше (Слово 4, п. 110). И Иоанн Савваит советует одному из трех пришедших к нему: избери себе наставника, строже и суровее которого не было бы в роде человеческом (там же, п. 112). Видно, что чем круче отречение от себя, от своей воли и своих чувств, тем спасительнее. Потому-то так была вожденна святым жизнь под чужою волею. Они скорбят, смущаются, когда остаются на своей воле, ибо ощущают, что вступили в путь безвестный. Так прекращается и заграждается исток самостного и греховного изнутри. Но этим же отражается приток всякого возбуждения их и совне. Что ни наваял бы мир или сатана, на все то не дается никакого согласия, не слагается с тем ни ум, ни сердце, а, напротив, откровением передается отцу и тем извергается и осрамляется. Мысль затаенная есть мысль прелюбодейная, а истинный послушник не

прелюбодействует сим образом. Он мертв, превратился в ничто, не надеется ни на себя, ни на дела свои и чрез это содействуется пространным вместилищем и готовым приятелищем благодати.

Это благо ученичества со стороны настроения ученического духа. Оно вознаграждено и без мудрого, опытного отца; но что далее доставляет отец опытный своим действием на дух ученика или содействием ему и истинным руководством, того ничем не заменишь. Как "зрящий", он сразу видит все состояние ученика, его настроение, главную боль; и, как "опытный", знает, что и как употребить к врачеванию его. Болезнь всякая, точно признанная и верно врачуемая целительным против нее лекарством, скоро уступает. Святой Варсонофий заметил у своего ученика Иоанна гневливость, раздражительность и начал действовать прямо против нее и словом, и делом (ответ 10). Исидору, лицу княжеского достоинства, пылкому, свирепому и жестокому, отец, которому он предал себя, велел стоять у врат и просить всякого: молись о мне, я одержим злым духом,— и он скоро достиг глубочайшего смирения и сокрушения (Лествица, Слово 4, п. 23). Сам человек часто и видеть не может своей немощи и гибнет в самодовольстве. Потому-то мудро, если он придет к зрящему и скажет: посмотри, что во мне? Зрящий начнет действовать и изгоняет из него его немощь. Так святой Варсонофий одного безмолвника, утопавшего в самообольщении, довел до сознания, что он стоит в кичении и самомнении, и привел к покаянию, без чего он и умер бы в своей мысли погибельной (ответ 68 и далее). Только просвещенный и зрящий отец и откроет, что в нас, только он и поведет и приведет к врачеванию, потому что действует безошибочно.

Действующий во спасение идет вперед к совершенству; но не все всем полезно: что одному споспешествует, то другому вредно или по крайней мере может остановить его, как длинное платье мешает на ходу. Кто же скажет: это сделай, а к этому не прикасайся, объяснив при сем, как это истинно и спасительно для нас? Ум опытный, зрящий весь строй нашего образования в духе, от первого его зарождения до совершенства, и видящий,

что идет к нему и что нейдет. Все это может только истинный отец, и только он один. Сам же человек чего не надумает, на что не бывает готов решиться! Мало ли есть такого, что благовидно только, а не спасительно! Без предостережений и указаний он может измучиться, истратить силы без пользы или наделать ненужных наростов, кои, как болячки, будут безобразить его внутреннего человека.

Хорошо ли углубляться в Писание и исследовать его тайны? Хорошо, особенно когда есть к тому способность, приготовление, жажда. Между тем святому Дамаскину было воспрещено что-либо писать и умствовать. Досифей терпит наказания и укор за вопросы о разных местах Писания. После оказалось, что это и тому и другому было спасительно. Кто довольно умиротворил страсти, тому хорошо поспешить на безмолвие, чтоб быть с Богом, но иногда и часом упрежденное дело ведет не к добру. Святой Варсонофий не одному говорил: потерпи еще... скажу... и будет хорошо; так и было. Воду кипятят, но для одного дела раз, а для другого дважды и более – так и здесь. Иногда вещь безразличная много может сделать помехи. Вообще, ровность образования, спешность шествия к совершенству без уклонений, блужданий и всяких остановок принадлежит исключительно жизни под руководством отца, и притом зрящего. Без того путаница, застои, наросты неизбежны.

Наконец, бывает, что и ревностные вначале стихают, слабеют и делаются вялыми и безжизненными, а нередко и падают. От чего? От недостатка упражнения, опытов трудничества или движения живущего внутри духа. Когда сам себе назначит человек правила делания, то, пока труд навыковения занимает его, он говорит духом; но потом, когда совсем с ним освоится, то и потому, что это дело обделано, и потому, что дух возросший требует больших дел, все прежнее уж не возбуждает его: он легко, без напряжения совершает то, как дело обычное. Кто же будет доставлять ему дело для упражнения сил? Кто подложит как бы дрова под огонь ревности? Надобно, чтоб был изобретатель дел, и притом опытный, а то и камень можно подложить вместо древа. Так и бывает: отец-руководитель постоянно содержит ученика в

некотором трении под занятиями все более и более трудными и тем хранит дух. Так, у Лествичника, один настоятель разные употреблял для сего способы: одного вызвал из-за стола и приказывал ему стоять без обеда; другого высылал из церкви; третьему, когда он поклонялся, повелевал лежать на земле, пока прочитает все правило, и прочее. И потом, когда Лествичник спрашивал его: для чего он так делает? – «Затем, – отвечал настоятель, – чтоб доставить им венец и подать другим пример, но более для того, чтобы не ослабел дух». – «Но можно подумать, что это несправедливо и может повредить». – «Нет, – заметил настоятель, – кто соединен любовью с моим духом, того ничто не разлучит» (Слово 4, п. 25 и далее). То есть вся плодovitость такого делания обуславливается первоначальным заветом и союзом сердечным.

Но особенно нужда содействия отца оказывается на переходе от деятельной жизни к созерцательной. Дух зреет, и, когда истинно очистятся страсти, он естественно парит выпры. В сем-то парении без руководителя он большею частию попадает в злобные руки врагов воздушных, попадает в прелесть и или погибает, или застаивается на ней. Потому-то всеми отцами решительно заповедуется не прикасаться к сему сокровищу без опытного отца, такого, кто знает и сам прошел путь к нему. Тут уж один опыт – указатель. И понять нельзя, что там есть, хоть и написано понятными словами. Самочинный делатель бьется без плода, а нередко и на пагубу себе. Под руководством же с верою скоро понимает, входит во внутреннее святилище и зрит духом.

Вот выгоды жизни под опытным руководством, ничем не вознаградимые! Правда, Господь милосерд: ищущего и «уповающего... милость» Его "обыдет". Но и Он оставляет нас более обыкновенному пути. Сам человек всегда путает. И что мог бы сделать в день, то делает год, делает и переделывает. Может быть, и так делает, но поскольку не уверен в том, то начинает снова переделывать. И время, и труды тратятся. Но что особенно – редкий избежит самомнения без послушничества. Послушник, говорит Лествичник, не видит своих дел, потому что не сам, не по себе их делает, а, хотя бы

чудодействовал, все то относит к отцу своему и его молитвам; напротив, кто один, тот неизбежно стоит в той мысли, что сам собою делает дела добрые, и падает в самомнение (Слово 4, п. 54, 55). Некто Евфимий, пришедший к Варсонофию после долгого безмолвия, показал это опытом. Сколько трудов нужно было, чтоб привести его к сознанию, что он в самоправедности! И дал Бог, что наконец и он сказал: окаянен аз (ответ 160 и далее). Напротив, какой умиленный характер образуется у живущего под руководством! Сначала образуется у него смирение, от смирения бесстрастие, тишина духа и свет Божий; далее – простота, незлобие, детство; это и есть мера возраста Христова, как изображает святой Лествичник.

Таково руководство в существе своем, такого требует оно руководителя, к таким условиям обязывает руководимого и такие обещает великие плоды. Все это составляет отличительные принадлежности руководства и непременно есть и должно быть везде, где только есть и устраивается истинное руководство. Будучи, таким образом, единично само в себе, оно является в действительной жизни не в одном виде. Первый, обширнейший, и общегоднейший, и повсеместнейший, есть «пастырство церковное»; второй – «настоятельство монастырское» и третий – "отчество", или «старчество».

Что пастырство именно такого есть свойства, это видно из того, что пастырю вручается или вручает себя паства для пасения, то есть воспитания; она слушает гласа пастыря, идет вслед его и бывает только там, где он укажет. Пастырь душу свою полагает за овцы; он есть страж, которому говорится: «души их от руки твоея взыщу». Взаимный союз и отношение между пастырем и пасомыми выражает апостол в следующем месте: «повинуйтесь наставником вашим... тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще» (Евр. 13, 17). Видимо из этого отдавание себя пастырю пасомыми и ответственность пастыря за души их. В других местах паства изображается нивою, молчаливо предлежащею пред возделывателем, а пастырь – делателем (1Кор. 3, 9). Отсюда и заповедь: «настой благовременне и безвременне» (2Тим. 4, 2).

Так было вначале, так есть и должно быть доселе. Господь Иисус Христос воспитывает двенадцать апостолов; апостолы, по сошествии Святого Духа, образуют Церковь, в коей сердце и душа едина, под их руководством и распоряжениями. И потом, по рассеянии по лицу земли на проповедь, где ни посеявали они семена веры, везде оставляли наставников и руководителей – пастырей и обязывали верных к решительному им повиновению, а на них самих налагали ответственность за души их. В такой именно силе выяснено пастырство в посланиях апостольских; в той же осталось оно понимаемым в Церкви. Посему в послании к Ефесеям святой Игнатий Богоносец увещевал пребывать в подчинении епископу и пресвитеру, для освящения, для того, чтобы, подобно струнам, стройно настроенным, стройно петь. Его Домовладыка посылает для управления домом Своим; смотрите на него как на Господа. Так это делалось и после. Епископ и пресвитеры – не немые свидетели спасения других и не голословные только проповедники пути спасенного, а действователи, возделывающие пасомых, как ниву. Для того-то впоследствии общим судом Церкви усвоены им известные права, с целию иметь в руках возможность спасать других, как бы от огня восхищающе.

Что настоятельство монастырское есть такого же свойства, видно само собою. В этом состоит существенное строение монастырского образа жизни и богоугождения. Вступающий в братство с тем условием и принимается, что не будет иметь воли своей и своего разума, а будет жить в беспрекословном повиновении и под руководством отца-настоятеля. Приходя в монастырь, говорят: спасти хочу душу. Настоятель есть также лицо, могущее управить во спасение; с этим условием он и избирается братиею, с этим они и предаются ему.

Старчество состоит в том, когда не настоятелю, а другому опытнейшему в обители или вне оной предают себя ищущие спасения. Большею частию на деле заменяют его ныне духовники, а в иных обителях старцы, коим благословлено открывать помыслы и на коих разделена бывает вся обитель. Завет друг с другом тут невидимый, совестный, но тем не менее

сильный и плодоносный. У пустынных и отшельников это – единственный способ руководства, как видим из истории. К нему идет все то, что пишется в отечниках о послушании. Сила его действия, между прочим, зависит от того, что, не будучи гласно и официально, оно вызывает на большую откровенность и искренность. Посему ныне если есть руководство, то оно проявляется именно в этом виде.

Теперь вопрос – где и как найти руководителя – решается сам собою. Возьми того, кого Бог послал, и ему вверься, как учит святой Игнатий Богоносец. Показанные виды руководства обнимают все христианское жительство. Следовательно, кто бы ни был пробудившийся, он всегда имеет уже над собою руководителя. Кто пробудился в гражданской и общественной жизни, тот пусть следует руководству пастыря; кто – в монастыре, пусть вверится настоятелю или тому, кого он укажет. "В немже" кто «звании призван» есть, «в том да пребывает» и пользуется предлагаемым руководством, не перебегая своевольно из одного места и стада в другое, с кичением, презорством, тем более не оставляя себе самонадеянно своеобразного пути к совершенству. Это очень опасно и есть одно из кознодейств сатаны, что, покайся, человек, в чувстве нужды руководителя, хочет бежать от своего законного, не разобравши, не осмотревшись, не исследовавши. Пребывая в грехе, он не думал о спасении; также судил и о всех, всех ставил себе в уровень. Теперь, покайся и обратившись к Богу один, как ему кажется, думает, что другие все остались там, где он был прежде, то есть во мраке, в грехе, а сам он возник, приподнялся, вступил в свет Божий. Тогда как на самом деле он, может быть, впервые вступил на то поприще, на котором другие уже давно действуют и стяжали искусство, хотя внешне вращались, в обыкновенной жизни, с ним наряду. Тут очевидна уловка сатаны – оставить его без руководства, одному самому себе, следствием чего уж неизбежно падение и прелесть или переход с места на место, что расстраивает только, а не созидает. После сего покавшегося или восприявшему ревность о спасении души своей остается только возобновить союз, или завет, с отцом, который дается от Бога

для устройства жизни в лице пастыря, или настоятеля, или духовника. Прежде он не думал об этом и, однако ж, был под ним, но внешне, по заведенному порядку; теперь пусть восстановит веру в истинное его значение и по вере сердечно соединяется с ним, то есть пусть придет и скажет: спаси, вверяюсь, буду обращаться со всякою нуждою, со всяким смущением – и уж потом и поступать так. Со стороны же тех лиц обязательство всегда состоит неизменным; из них никто не может и не должен отказываться от этого. Не должен ссылаться и на невозможность: стоишь на такой чреде, потому как хочешь, а выдерживай свое назначение. И пред Церковью, и пред судом Божиим, и пред судом людским это его дело. Он ответчик за всякую душу, тем более за ту, которая готова предаться ему и предается. При этом только может сказаться истинно и то, оставаться ли навсегда при таком отце. Неспособность руководить сейчас откроется, и добросовестный священник или духовник тотчас сознается: не могу брать этого на себя. После сего хоть и будет перемена, но она будет сделана законно и, главное, с совета. Не могущий может указать могущего, и дело это устроится по-Божьему, а не своевольно, не наобум.

Так бы должно. Но между тем не подлежит никакому сомнению, что очень часто те лица носят только имена своего звания, а не и силу его; часто пастырь – «тать есть прелазяй инуде» или волк в овечьей одежде; часто настоятель – простой корабельник, вместо кормчего, и старец – старец только по сединам. И это бывает или очевидно для всех, или очень невидно, глубоко скрыто под благовидною наружностью. Потому всегда есть опасность попасть вместо истинного руководителя на ложного и потерпеть потом вместо пользы – вред, вместо спасения – гибель. Неискусный кормчий губит корабль. Много потерпел я, говорил Петр Дамаскин, вреда от тех, к кому прибегал. Многие из старцев, говорит Кассиан, вместо окормления в отчаяние ввергали обращавшихся к ним – и приводит на то примеры. Такие жалобы во всякое время можно слышать и встречать. Одно слово «живи, как живешь» или «что много затевать» – сильно погасить все усердие и, следовательно, опять вринуть бедного, лишь опомнившегося, в

то же. Спрашивается: как же поступить в таком случае человеку, который сознает нужду в руководстве и опасность крайнюю оставаться без него, знает также обязанность обращаться именно к тому и тому, а между тем не без основания может страшиться, не потерпеть бы вреда, не быть бы столкнуту опять в пропасть прежнюю?

С другой стороны, нередко – а то и часто – и те, кои стоят на чреде руководителей, вполне сознают свое значение, всю силу обязательства и великость лежащей на них ответственности, имеют усердие, горят ревностью быть тем, чем должны быть, а между тем, по своему духовному возрасту, видят, что еще далеко отстоят от того, чтобы могли безошибочно, как надлежит, руководить других. По неопытности же и безвестности пути, коим должны вести других, справедливо могут опасаться, не сгубить бы других из ревности к их спасению и вместо управления не ввести их в заблуждение. Спрашивается: как поступить ему в таком случае? Как руководить, сознавая себя неспособным к тому, не достигшим в ту меру?

Очевидно, что тот и другой вопрос прямо касается настоящего порядка вещей. Без руководства нельзя. Но в истинном виде оно очень возвышенно и оскудевает в настоящее время. Спрашивается: как быть именно нам? Куда обратиться – и ищущему руководства, и нареченному быть руководителем?

Что касается до первого вопроса, то в отношении к нему можно приложить мудрое правило святых отец: все делать с пожданием, в богопреданности. Не должно уклоняться, как прежде видели, от нареченных руководителей, но можно не вдаваться им всецело, тотчас, а ждать особенного в этом случае устроения Божия, особенного мановения, сердечного склонения, состоя между тем в преданности в волю Божию, в молитвенном, болезненном взывании к Нему, чтобы Он Сам указал нам путь. Итак, опасаясь прельщения, взывай с болезнию к Богу, да скажет Он путь, воньже пойдеш, всецело предаваясь, в крепком уповании, Его промыслительному попечению, – и Господь никогда не оставит. Священник или настоятель иногда ни для кого не полезен, а для иного

единственно он и полезен. Сам изменяется при нем, откуда мудрость берется – и устрояется спасение от Господа и там, где не чается. Вся сила здесь в решительной преданности в волю Бога, всем хотящего спастися. Святой Дорофей решает этот вопрос именно таким образом. Если, говорит, кто не имеет человека, у которого бы спросить мог совета, то что в таком случае делать? Если кто истинно, всем сердцем взыщет воли Божией, то Бог никогда не оставит его, но всяким образом будет руководить его по воле Своей. Если же кто не будет искренно искать воли Божией, то, хотя бы он пошел и к пророку – и самому пророку внушит Бог отвечать ему по желанию развращенного его сердца, как говорит Писание: «и пророк еще прельстится... речет слово, Аз Господь прельстих пророка того» (поучение 5). Так говорит и Лествичник. Но и тогда, когда ясно видишь, что нареченный не полезен тебе, не решает сомнений, не дает совета, вообще не созидает по неопытности или по невниманию, – не спеши оставлять его или переменять. Ибо на кого переменишь? Около тебя все так же безвестны, как и этот, а этого Бог дал. Он Богом тебе указан, ибо все наше от Бога; а другой что нам! Но как же быть тут? Нужда. Чувствуй ее, боли, сильно вопи к Богу, прося Его не оставить в опасности и не предать прелести: или сего настави, или укажи иного, – а сам все будь под ним, с пожданием, терпением, вопиянием. Что же делать под ним? Ведь надо же действовать во спасение? Надо. Но порядок благочестной жизни известен; ходи в нем и будь покоен. Этого на первый раз предостаточно. У покаявшегося все покрыто мраком безвестности, неопределенности. Пусть не выдвигается из своего, промыслом устроенного, порядка. Это смиреннее, безопаснее, прочнее. Кто во мраке, тот лучше делает, оставаясь на одном месте, нежели перебегая с места на место, ибо может статься, что в яму упадет. Предпринимать что-нибудь особенное, отличное, великое очень опасно; оставайся смиренно в простоте. Начнешь с самого начала переменять – уж и не остановишься. В мыслях можно, положим, прилепиться к другому, но опять к тому, кого Бог пошлет; можно даже искать его деятельно, особенно молитвенно, да укажет Сам Господь, но все же ждать и терпеть, пока придет указание решительное.

Богом дан – не противься, не суди, не пренебрегай. От Бога жди иного. Не оставит Господь, а даст, если нужно.

Это должно принять законом в избежание самочиния, невнимания к промыслу Божию, опасности быть запутанным от врага. Но вот еще что: время от времени мрак начнет редеть, более и более разоблачаться строй жизни, яснеть видение опасений и уклонений; множатся потребности, недоумения, сомнения. Все это требует разъяснения, вразумлений, умирения духа. Нареченный наставник не решает, не внушает доверия, не располагает к откровенности. Что же делать в таком случае?

Некоторые советуют, оставаясь под данным руководителем относительно общего порядка, в частных, собственно нас касающихся случаях все делать с рассуждением – рассуждение определит, что полезно и что вредно, – и приводят на это слова апостола: «вся... искушающе, добрая держите» (1Сол. 5, 21), и особенно общее мнение всех святых отцов, что высшая из всех добродетелей есть добродетель рассуждения. Но это мнение святых отцов не должно брать без ограничений, какие они же полагают. Притом святые отцы утверждают, что рассуждение есть дар, стяжаваемый долгим трудом, смиренномудрием и прилежным молением. Кто приобрел дар сей – храни его и употребляй во благо свое и других. Кто же не принял, да не дерзает ни в каком случае составлять своего разумения, или слова, или дела. Его дело вопрошать искусных и опытных. В отношении к начавшему должно положить такое правило: все твори с рассуждением, но все твоё рассуждение должно состоять в одном правиле – ничего не творить по своему рассуждению, а обо всем спрашивать, хорошо ли то, и идет ли то, и идет ли к тебе, – ибо не все всем хорошо, но, как указывает Петр Дамаскин, время, начало, состояние, возраст, сила, здравие, воспитание и прочее делают многое в этом различие. Почему знать, что ты все это решишь как должно, незаблудно? Рассуждение должно поставить целью, нужно искать его, а для того и опытно упражняться в нем, но не самим собою, а по тому, как рассуждают другие, надо обучаться рассуждению. Итак, рассуждение хорошо и велико, упражняйся в нем, но никогда

ему не доверяй, пока опытом и советами других не укрепишься в нем.

Другие говорят: внимай Божественному Писанию и учению отеческому – и всему научишься. Нет сомнения, что и чтение поставляется между первейшими средствами образования христианского духа и столько же нужно, сколько для тела глаз, для мира свет. Святой Нил Сорский учит: ныне один указатель – Писание Божественное и отеческое. Паисий старец так же учил и действовал. И точно: оскудели зрители пути спасенного, но, по смотрению Божию, оставили нам описания этого пути. Придерживайся их. Движимые Духом Святым, они написали законы окормления и на путь спасения руководство. Если не можно найти наставника, говорит старец Серафим, могущего руководить к умозрительной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: «испытайте...». Должно также тщательно прочитывать отеческие писания и стараться сколько можно, по силе исполнять то, чему научают они и таким образом мало-помалу восходить к совершенству.

Но опять: что, кому и как читать? И потом: что из прочитанного и узнанного взять себе в правило и чего не брать? Кто скажет неискусному и неопытному? Правило само по себе хорошо, но не для меня; будет оно идти ко мне, но не теперь. Сколько гибнущих именно оттого, что они все вычитываемое хотят взять на себя! Есть, говорят, люди такого сложения, что, о какой бы болезни ни услышали, тотчас переводят ее на себя и начинают болеть. То же может быть и с чтением, которое не управляется советом. Итак, читай, вникай, исследуй, обогащайся духовною мудростию, но что именно исполнить самому, что поставить себе в правило, это решай не сам собою; иначе: все твори с совета, а не по своему разумению. Вычитал – поди, спроси, как оно есть, идет ли к тебе и как можешь ты исполнить то.

Но спрашивается: кого же спросить? Нареченный молчит, потерял доверие – боишься открыться ему. Оставаться в нерешительности опасно: это застой, пустое медление. Что же

делать? Тут одно: все твори с совета, с пожданием. Никогда, ни на что не решайся вдруг – сам ли рассудил что или вычитал, – но жди, пока установится, а между тем ищи совета и решения. Во всякое время и во всяком месте можно найти людей, упражняющихся в благочестии, ревнующих, ищущих Господа и всегда более или менее опытных. Надлежит войти с ними в сношение братское и обращение сердечное и потом всякое недоумение и сомнение поверять им. Один, другой, третий, как-нибудь разберут, поодиночке или все вместе, и решат. Как решат, так и поступи – и ты поступишь не по своей воле и разуму. Все сделанное в предании себя Богу не по своему разумению есть богоугодно и спасительно. Потому, когда нареченный не решает, а другого, кому предаться, не указал еще Господь, мудрые люди советуют поступать так: если есть что сомнительное и не имеем, кто бы решил, воззови к Богу о нужде своей и иди к тому или другому благоговейному и уважаемому и будь уверен, что Бог, все блюдущий и все содержащий, не оставит тебя без истинного решения, не пустит в прелесть, только бы была болезненна нужда и крепко упование.

Это касается частных случаев, но и вообще можно оставаться при этом законе, ибо и вся наша жизнь сложена из частных случаев. И составитя таким образом особенная жизнь, "по совету". Это новый, преимущественно приличный настоящему времени образ руководства. Человек, в предании себя Богу, вразумляется Писанием Божественным и отеческим, употребляет и свое рассуждение, но ничего не решает сам, а творит все с совета и вопрошения. Здесь руководитель – Бог и Писание; отречение воли и разума – в совете; сила же исходная – богопреданность с болезненным, опасливым вzywанием об избавлении от прелести, заблуждения и ошибок.

Такая жизнь бесхитростна и смиренна, а для смиренных Господь открывает тайны и уповающего не постыждает. Младенца научит сказать, что тебе нужно, говорит святой Дорофей, а если не веришь, то и пророк не упользует. Когда, напротив, кто спрашивает и наперед уже желает и чаёт определенного решения, то это уже прелестное правило

действия. В таком случае лучше не вопрошать. Когда же спрашиваешь, пусть весы сердца стоят ровно, не склоняясь ни на десно, ни на шуе,— и Господь управит. Безвестен путь истинно христианской жизни, и нельзя идти по нему с собственным усмотрением.

Сокровенно водительство Божие — иди, как во мраке, только руки своей не отрывай от руки Божией. Из жития старца Паисия видно, что он образовался именно этим путем. Он встречал множество советников, и по советам всех слагал себя, и хотя не имел одного окормителя, чем нанес себе, как сам сознается, большой вред, но образовался в одном духе и созрел в мужа совершенна. Исходным его началом во всю жизнь было болезненное припадание к Богу. Оно и наставляло его, и единило дух его при всем разнообразии. Наученный опытами целой жизни, он наконец вот до какого дошел закона и начала руководства. Выяснив всю нужду в руководителе, изобразив, каков он должен быть, с плачем помянув, что ныне "негде" обрести такого, он выводит: «Отсюда убо крайняя нам, брате, ныне нужда Божественным и отеческим Писанием со многою печалию и со многими слезами день и ночь поучатся и, с тождемыслящими ревнители, старейшими отцы советующеся, наставлятися на заповеди Божии и на делания святых отец наших. И тако, милостию Христовою и понуждением нашим, можем спасение получитьи». Так советуют все отцы; так советовал и делал святой Нил Сорский: «Прежде духовные отцы всех наставляли; в нынешния же притрудныя времена, еже многому плачу и рыданию достойно, до зела таким оскудевшим ревнителем, Сам Бог и Божественное учение преподобных отец есть учитель и наставник».

Так вот какой ныне лучший, благонадежнейший способ руководства или воспитания в жизни христианской! Жизнь в преданности в волю Божию, по Божественным и отеческим Писаниям, с совета и вопрошения единомысленных. По милости Божией, она может и должна быть благоуспешна, ибо содержит все условия усовершенствования, отсечения своей воли и разумения. Но очевидно, что она далеко стоит ниже личного, деятельного руководства и воспитания. В нем нет

всезрящего, а только как бы гадающие; нет решительно действующего, а движущиеся с робостию. Нельзя так решительно и скоро врачеваться и совершаться, так успешно поддерживать дух ревности, так безопасно входить в созерцание. Оттого так мало ныне успевающих и совершенных. Правда, они суть Божии, но кого Бог совершит, того не станет держать под спудом. То только надобно прибавить, что способ этот является гораздо плодovitейшим, если кто стяжет одного советника и, соединясь сердечно, будет жить с ним во взаимно откровении и вразумлении, или духовном дружестве. Один другого видит и знает и, таким образом, скорее и благонадежнее может советовать. Писание в богопреданности – свет для них. Умудряясь взаимно, они взаимно и руководят друг друга в предании себя Богу и Господу, Который обещался быть посреде двоих, собранных во имя Его. При этом, однако ж, должно не отделяться от нареченного Богом, но всякое взаимное решение и определение хорошо, если можно верить ему и с его разрешения исполнять. Взаимный любовный союз даст крепость, а прибегание к духовному отцу – Божие благословение. Такого рода совещание, или взаимно руководство – опять-таки если подается, ибо Бог дает друга, – очень плодно. Припомните двух монахов, живших во времена Макария Великого во взаимном союзе и взаимно руководствовании и укреплении, – до какой они достигли меры совершенства! Старец Паисий рассказывает о себе, что он, с самого начала прилежно искав окормителя с болезненною молитвою к Богу, скитался там и сям: и у нас, и в Молдавии, и Валахии, и на Афоне – и все не находил. Нашел только, говорит, обратившись к чтению писаний отеческих, что очень много я потерял оттого, что сначала жил без деятельного руководства. Чем же он кончил? «Не обретши, – говорит, – где бы повинутися, умыслих царским путем житие свое проходить, с единым, единомушным и единомысленным братом, вместо отца; Бога имети себе наставника и учение святых отец и повинутися друг другу и послужити», не отделяясь, однако ж, от своего духовного отца, как он в другом месте говорит. Такой путь, говорит он, благословен всеми отцами. Он был монах, и

такое правило более идет к монашеской жизни. Но оно не невыполнимо и в жизни общественной и, сколько видеть можно по настоящему ходу дела и состоянию нашему, должно быть признано единственно верным. Единодушно ревнующие, наставляемые писаниями отеческими в предании Богу, мирно и безбедно оставаясь в том же порядке, шествуют прямым путем к христианскому преспеянию. Сюда можно отнести великую похвалу дружеству, воспетую Сирахом, которая здесь только вполне и приложима. «Друг верен – кров крепок... Боящийся Бога «обрящет его» (Сир. 6, 14, 16).

Итак, касательно руководства можно положить такие правила: бойся оставаться без всякого руководства; взыщи его как первого блага. На первый раз ходи в определенном порядке благочестном, под нареченным отцом. Когда назнаменует Господь пользою от него очевидною, великою, испытанною, что это есть твой окормитель, – предайся ему. Скажется противное – желай иного, но ищи его с опасением, терпением, пожданием, чая указания Божия или сретения кого Бог пошлет, оставаясь все в том же порядке благочестной жизни и под тем же отцом, в неотделении от него. Между тем вступи в союз откровенный с единомысленными и с их совета по Богу под отцом духовным ходи, уповая. Сретишь единого единомысленного, приобщись к нему искреннее, не оставляя других, и живи с ним душа в душу, Господа ради, во спасение. Только главное держи – решительную богопреданность с болезненным вzywанием об избавлении от прелести, и ни в чем никогда не следуй своему разуму и воле, а все, что ни делаешь, делай с совета – и Бог устроит путь невидимо, незримо, неосяземо, неизвестно для тебя.

При этом припоминается само собою еще особенный способ руководства себя и воспитания посредством собеседования или вопрошения не одного, а многих подвижников-отцов, известных в свое время в своем ли месте или и в других. Так преподобный Антоний Великий ходил по всем и добродетели всех их усвоял себе. Так святой Василий Великий обтек Египет, Палестину, Сирию, вопрошая и советуясь со святыми в то время отцами, и таким образом и сам себя

образовал, и составил систему подвижнической жизни, которую осуществил в своих монастырях и пастве, которую руководствуемся доселе и мы. У святого Кассиана Римлянина составлена из этого целая книга совещаний; то же делали Софроний и Иоанн, составившие свой «Лимонарь». Преподобный Нил Сорский ходил по Востоку, научился и других научил скитской жизни. Такой способ обучения и руководства может употребляться и ныне. Но очевидно, что он должен быть предпринимаем мужем крепким в вере, уже успевшим, особенно призванным, горящим любовью к мудрости духовной, с крепким разумом и в тех местах, где ожидается подвижная жизнь,— иначе мало ли что может встретиться? И опять, из действительно подвижничаствующих сколько есть разноразличных? А не соблазняться этим многообразным, провидеть единство кроющегося под ним духа — какая для этого требуется крепкая душа! Это подвиг странничества с целью умудриться духовно. Робкий не решится на него, но и другой всякий нелегко придет к этой мысли. А кто придет и созреет в ней, тот пусть действует с преданием себя Богу, решением себя на всякого рода лишения — и Бог устроит путь его во благо. Нужны бывают такого рода странствователи в свое время, чтоб познать виды настоящего подвижничества, увидеть, в каком оно состоянии именно ныне, и потом, применительно к настоящему состоянию христианства, к его внешнему быту, определительно выяснить и установить правила подвижничества, удобоприменимые ныне по возможности. Хотя существо подвижничества едино и неизменно, но внешний вид его может быть разнообразен.

Таково же решение и второго вопроса — как руководить других сознающему, что он сам еще не вошел в меру руководителя истинного, надежного? По Божественным и отеческим Писаниям — в богопреданности. Помянутый старец Паисий говорит: «В древния времена, много от святых отец, от просвещения благодати Божией ученики своя поучаху, и не книжны сущи. В нынешняя же времена отнюдь не повелевают святые отцы от себе кому поучати, но от Священного Писания и от учения преподобных отец».

Взывание к Богу о вразумлении ради спасения душ, Им Самим ему вверенных, не может оставаться не услышанным: «призови, и услышу». Это больше всего может идти к стоящему на месте руководителя. И то еще – из таковых большая часть стоят уже выше других тем, что имеют в своих руках более способов, более видали и слышали, прикасались хоть к образованию и опытности духовной. Теперь, возникши к ревности о спасении своем и других (о нерадящих нечего говорить), он вступил в должный путь и лучше других может видеть и назад и вперед. Пусть предметы сбивчивы еще и нераздельны, он имеет Писание, описывающее их, – углубится, рассудит и, может быть, узнает. В то же время пусть поставит и себя на чреду руководимых и с большим усердием взыщет совета одного или многих – и, таким образом, сам преуспевая более и более, вместе с собою будет влечь и вести и всех приходящих чрез него к Богу. Когда, сознавая свою немощь, он внушит руководимым, что путь спасения ныне один – чтение и слушание Божественных и отеческих Писаний, и расположит их к тому, то составится, таким образом, союз людей, вникающих в Писание для открытия спасенного пути и взаимного руководства под нареченным главою и наставником.

Вот окончательное определение спасительного, безопасного руководства в настоящее время. Им руководствовался святой Нил Сорский, который говорит: я не исполняю, но указываю Писания. Кто хочет жить со мною, вот ему правило – исполни; нет – отойди. То же и в житии старца Паисия; оно выяснено подробно и им самим, и современным ему старцем Михаилом. И священноинок Дорофей, составляя руководство к подвижничеству, вместо предисловия поместил убедительное наставление о прилежном прочтении и послушании Писаний Божественных и отеческих, внушая, что это есть единственно благонадежный и безопасный путь спасения.

Таким образом удовлетворится первая неминуемая потребность покаявшегося, именно: руководство, пестунство. Другая существенная его потребность – это правила жизни, определение, как что делать.

Жизнь по правилам

Нужду сих правил мы отчасти уже видели. Не надо забывать, что она не такова, чтоб только лучше других была, а существенно необходима. Правила – безопаснейшая ограда жизни спасительной.

Без правил нельзя сохранить постоянство усердия, твердость намерения и стяжать крепость воли. Ревнующий дух, как сила, держится и крепится упражнением; при недостатке же его неизбежно слабеет и истощается сам в себе. Когда положены правила, то при должном их размещении всегда есть нечто для благочестного занятия, есть такое, что напоминает о новой жизни и занимает ею внимание. Переход от дела к делу есть продолжающееся трение духа, единого, в одном тоне, по одному чертежу. Этим непрестанно поджигается огонь ревности. А не будь правил, будут промежутки, затишья, остановки, уклонения – и жизнь не единична, и напряжение расслаблено, и ревность должна хладеть. Потому-то святой Исаак Сирианин говорит (Слово 85, с. 534), что омрачение ума, смятение внутри, разленение и все нестроения в жизни зависят от того, что ей не положено определенного чина или порядка. В противном случае все будет зависеть от присутствия духа – но можно ли положиться на него? Он есть перемежающееся дыхание ветра. Хочется – все делается быстро; нападет разленение – и малого не сделаешь. Когда же положено правило, хотя, не хотя, а делай – и будешь непрестанно делать.

Правила нужны для развития и образования сил. Начата новая жизнь – всем силам, следовательно, должно дать соответственное направление. Но они все чужды ее, иначе настроены, потому и должно определить, как именно ими действовать в новом духе, как новобранцу воину все до малого движения указывают, пока он не навькнет.

Без правил не будет ровности образования и развития. Что сухие палки при молодых растениях, то правила при благочестивых занятиях. Когда всему положена мера и следуют не склонению сердца, а положенному правилу – не станут заниматься одним более, а другим менее, а сколько и как узаконено. Оттого не будет успеха в одной части более, чем в

другой, а все, соразмеряясь одно с другим, будет стройно расти по одному чертежу в меру предначертанного совершенства.

Да и вообще, что бывает без правил и плана или чертежа? Дом строят – составляют чертеж; войну начинают – пишут план; суд наряжают – дают программу. Всякому делу свое правило, мера, вес, число. Что значат уставы – воинский, учебный, судебный и прочие? Правило, порядок, чертеж действия. Без этого не может состояться, организоваться никакой род действующей жизни: в них отпечатлеваются характеристические черты известного круга деятельности. То же и в подвижнической жизни христианской. Если она имеет свой характер, то должна иметь и свой чин. Оттого в них всегда чувствуется особенная потребность. Всякий расположенный к делу сейчас требует наставления, как и что делать. Без правил он, словно во мраке, идет ощупью, с нерешительностью, с боязнию. С ними же идет бодро, не сомнясь, уповая. Потому-то что делают ищущие спасения? Всегда спрашивают: как мне быть, что и как сделать? Все сказания об отеческих преданиях состоят из них. Целые патерики составлены из таких вопросов и ответов – то о посте, то о бдении, то о молитве.

Надобно, впрочем, и самые правила составлять по правилам. Касательно сего должно заметить:

1) кто имеет руководителя, для того он сам начертает правила. Ученик есть смиренный, не размышляющий исполнитель. Кто лишен сего блага, тому со всем опасением надлежит углубляться в отеческие писания и опыты их жизни и найденное там, по совещании с кем можно, принимать себе в правила делания;

2) при определении их должно употреблять великую осмотрительность и строгое рассуждение, чтобы вместо пользы не нанести вреда, вместо созидания – разорение: не все всем. Возраст, сила, прошедшая жизнь, воспитание, обстоятельства жизни, мера способностей, характер и прочее – все это должно брать во внимание и соответственно тому ставить правила. Нельзя одинаким образом действовать ученому и воину, торгующему и служащему;

3) должно, впрочем, помнить, что эти правила, при всем разнообразии внешнем, всею своею совокупностью должны выразить дух жизни и подвижничества в том или другом роде. Например, правила телесного делания разны, но в существе их должно быть одно – нежаление плоти, ее стеснение. Не внешнее ценно, а это внутреннее – дух, с каким что творится;

4) закон, которого должно держаться в применении правил, есть "мерность", всесторонняя соразмерность с силами лица. Это общая им от всех похвала: «умеренному деланию цены нет». Надобно учредить так, чтобы в них не было места ни послаблению, ни излишней строгости. Последняя истощает без пользования и изнуряет, а первая разленивает и погашает дух ревнующий. Умеренное же правило содержит дух в сообразном горении;

5) из этого закона сам собою вытекает и другой, именно «постепенность». Дух упражнением зреет, крепнет и требует труднейших дел – соразмерно тому должна возрастать и мера правил. Пощение, молитвование, трудничество постепенно восходят от силы в силу. Должно возвышать постепенно и правила в них. Стоять на одном почти то же, что отступать назад, это – самая крайняя опасность;

6) потому очевидно, что лучший руководитель в построении правил есть "опыт". Испытай и, что найдешь полезным, того и держись. Так опытом узнают меру пищи, молитвования и прочего. И не должно решать окончательно, пока опытом не установится, как лучше чему быть: это безопаснее. Не будет заносчивости теоретической и несообразности с жизнью действительною, а стало быть, и нужды отступать от правил – что очень вредно;

7) надобно только приложить к этому искренность, добросовестность, имея в виду цель – трудничество во спасение и богоугождение, без всякой поправки саможалению. Твердо должно содержать в уме, что все "льготное" есть прелестное. Истинная оценка правила полезного есть некоторая его притрудность. Она отрезвляет, крепит и содержит в бодрости; а коль скоро льготность проглядывает – беги от такого правила, как от язвы;

8) не должно также и того упускать из внимания, что правила должны обнять всю жизнь, во всем ее объеме, во всех проявлениях: и тело, и душу, и дух, и деятельность внешнюю, и внутреннюю семейную, и гражданскую, личную и общественную. Весь человек должен быть обложен, объят правилами. Только при таком условии будет и требуемая ровность развития, и целесообразный дух правил, или тон;

9) теперь само собою уже видно, в каком взаимоподчинении должны стоять все правила. Именно: телесное должно быть подчинено душевному, душевное – духовному, внешнее – всему этому. Правила эти должны стоять ровно и во взаимном благоприятствовании. Коль скоро правило одного отдела мешает другому, надобно тотчас подозревать, что оно не в своем виде, то есть должно быть или отменено, или изменено. И действительно, кто возвысится до созерцания всего строя, тот редко может ошибаться в избрании правила и определении меры ему. Как для искусного архитектора или живописца мера одной части служит нередко указанием для построения всего плана дома или фигуры человеческой – так и в этих правилах. Кто строит, тот не допустит, чтобы что-либо отступало от общего плана и стиля. В этом все искусство правилополагателя. Цель же всего – дух, который должен быть в Боге;

10) совокупность всех такого рода правил составит устав делания подвижнического. Так как подвижание соответствует видам действительной христианской жизни, а жизнь христианская является в двух видах – общественной и монашеской, то особый должен быть устав общий и особый монашеский; и тут опять – один общежительный, а другой отшельнический;

11) действие по этим правилам есть подвижание, предполагающее напряжение сил, труд; навык в них есть добродетель подвижническая. Отсюда видно, что нет христианской жизни не подвижнической, не труженической, не потовой. Кто отказывается от подвига, тот отступает от жизни. Это навыковенение – цель, в нем ограда, обезопасение жизни. Подвижнические добродетели – твердая нерушимая стена

истинно христианской жизни. Говорят: правило на время. Нет, труд в правилах на время, а правила неперестающи. Только со временем они обратятся в сок и кровь и будут исполняться охотно, любезно, что сначала творится с принуждением. Вот почему надобно дорожить подвижническими добродетелями! Никогда не кидай в небрежении стяжанного. Хоть малое что, береги: оно приведет к большему. Укрепился в чем-либо – вот уж и безопасен с одной стороны.

Чтобы начертанные показанным образом правила привели к желаемому благу и могли выдержать свое назначение – для сего должно держать себя в отношении к ним так:

1) когда начертается весь план действия и определится вся совокупность правил, обратись к Богу с крепким взыванием, да даст Он благословение на постоянное, полезное, Ему угодное их исполнение. Отвергни всякое кичение, самомнение, мечтательное наперед присвоение себе совершенства, имеющего прийти чрез них. Приступи с робостью, боязнию, опасением – не посрамиться бы отступлением и нарушением;

2) положи завет с сердцем твоим – не отступать от положенного правила, несмотря ни на какие труды и жертвования. Потому после не допускай и помысла о том, чтобы то оставить, другое изменить: пусть стоит, как есть;

3) для сего прими их с верою, что они угодны Богу, и, следовательно, как закон совести, как волю Божию, от тебя именно требуемую, и, таким образом, нарушение правил считай преступлением. Лучше не определять, нежели, определивши, отступать. Чрез это образуется неустойчивый характер, готовый всегда делать и так и этак;

4) потому борись с искушениями, обращенными против правил. На первый раз враг особенно борет чрез них. И коль скоро мало в чем успеет, надеется, что будет успевать и в другом. Святые отцы живот свой за них полагали. Устояние в них есть отражение врага, победа. И это уже опытом изведено, что ни в одном правиле нельзя утвердиться без борьбы, коль скоро оно действительно полезно. Правило без борения – бесполезно, льстиво, ложно.

Путь тесный и прискорбный

Обложив себя правилами, подвижник возлагает на себя ярем благий и спасительный, но «притрудный». Это – узы на его самость, очень ощутительные, пока она еще жива и в силе; это – указатели правой деятельности, сначала тяжелой, по неопытности и непривычке. Ходя по ним, он непрестанно нудится и исполняет их с болезнью. От этого путь, которым начинает он идти, всегда и везде есть тесный и прискорбный. Теснота, нуждность, прискорбность составляют неизбежную принадлежность пути спасенного; это первое, что встречает вступивший на него, чего он должен ожидать, к чему готовиться.

Такого рода теснота и притрудность неизбежны по самому свойству христианской жизни и подвижания в ней. Надо жить в отсечении своей воли и разума, в борении и погублении страстей, или непрестанном самоумерщвлении и самораспинании. Бороть страсть то же, что отдирать живую плоть от живой, вынимать самую глубокую и зубчатую занозу. Надо оставлять все угодное себе, видимо лишать себя многого, истощаться, болеть. С другой стороны, навывкование в добром или в новой жизни требует непрестанного напряжения, внутреннего и внешнего. Ни одно добро истинное не достается даром, а стяжается потом, слезами, труженичеством. Подвижнические добродетели – пост, бдение, молитва и прочие – трудны, болезненны до навыка, а очень часто и после. Но на них останавливаться еще не велено: они суть средства к нравственным благорасположениям. В насаждении сих последних еще больше труда, но они тоже средства к жизни в Боге. Жизнь же в Боге столь же большего требует труда и подвига, сколько это божественное сокровище возвышеннее телесного делания. Таким образом, и там и здесь – труды, пот, болезнь. Ведь отдираем зло, и зло любимое, – больно; насаждаем добро, добро нелюбимое, – опять больно. «Обратись к Богу, – говорит преподобный Макарий Великий, – чтобы воспринять прежнюю славу. Но знай, что во многом труде и поте лица твоего восприимешь богатство сие. Прежде (в раю) без труда получил, но без труда и погубил; теперь не дается так. Желаящий спастись да подвизается, елико имать сил, очистить себя. Тогда, ради насилия, которое творим себе, умилосердится

Господь» (Слово 4, 10). Надобно насилить себе творить и нудить себя на всякое добро, хотя сего и не хочет сердце (Слово 1, 13–14). «Великий подвиг и скрытный и невидимый труд требуется для исследования помыслов, для обучения немощных душевных чувств, различения добра и зла, для укрепления и возбуждения к Богу ослабевших душевных членов. Этот же скрытный подвиг и труд непрестанно мы должны иметь внутри сердца при всяком исполнении заповедей, пока придем к совершенству, где все будет легко» (Слово 2, 13–14).

К внутреннему подвигу и труду всегда прилагаются скорби совне. «Вы не от мира», говорит Господь, "Я избрал", отделил "вас от" него; «сего ради ненавидит вас мир... В мире скорбни будете». И точно: «многи скорби праведным». Кто бы ни был, сильный или бессильный, стань только действовать по Богу – сейчас озлобления, скорби и нужды, когда действуют по чистой совести, без человекоугодия, имея в виду только славу Божию. Потому-то все святые, особенно Исаак Сирианин, отличительными признаками и истинно добродетельного, и истинной добродетели поставляют скорби. Даже так: сделаешь ли истинное добро – жди скорби.

А тут и враг не дремлет. Он и внутреннее наше возгревает и затрудняет, и внешнее тяжелит и обставляет преградами. И сверх того, сам то призраками, то явлениями, то особенно какими-то ужасающими навеяниями и нападениями внутри как ветром провеет или как огненную стрелу прожжет тебя, говорят святые.

Таким образом, лишь только ступит кто на путь правый – со всех сторон на него вражда, и извне и изнутри, и видимо и невидимо. Он – агнец посреди волков. Так ему и говорится вначале: «многи скорби праведным» (Пс. 33, 20), «многими скорбми подобает... вникнуть в Царствие» (Деян. 14, 22). Будут скорби, "на сие" бо и "лежим" (1Сол. 3, 3), «вникните узкими вратами» (Мф. 7, 13). Читай еще: Мф. 6, 24; Ин. 15, 20; 1Пет. 4, 12–13; Сир. 2, 1; Мф. 5, 10; Иак. 1, 12; 2Кор. 4, 8–17; 1Пет. 4, 1; Апок. 7, 14; Мф. 7, 13–17 и другое. Все мы во тьме и сени смертной, в руках врагов, злобных и хитрых, – исход не может быть легким. И внешней свободы ищущие сколько труда и пота подымают;

так здесь – сколько запинаний и поражений, боязни и страхов! Может быть, кто-нибудь спросит: а что же Господь? А то, что Он как бы намеренно устроит такой скорбный путь то для того, дабы приобщить Своим скорбям, то для того, чтоб скрыть нас от нас самих в этом безотрадном состоянии. Господь лучше не может явить Своей любви ищущим Его, говорит святой Исаак Сирианин, как подвергая их скорбям. Оттого-то это даже несомненный признак благоволения Божия, признак того, что Он обратил око Свое, избрал того, кто начинает страдать ради правды, ради имени Его. Такой человек поступает как бы в перечистку, как золото в горнило. Чуждые страданий, те, коим все льготно, – «прелюбодейчищи суть», по апостолу. Труды, слезы, скорби – самая лучшая перечистка, как для белья колоченье.

Потому-то от начала мира до ныне пересматривает апостол праведных и всех до одного видит страждущими, болезненными, утружденными. Патриархи страдают; пророки страдают; Господь – подвигоположник – больше всех; апостолы тоже; далее – мученики, подвижники и все святые, как видит Иоанн Богослов в «Откровении». «Откуда приидоша?.. от скорби великия» (7, 13–14); они те, как там говорится, кои не пощадили душ своих.

Потому-то приступающему работать Господу должно уготовать душу свою на искушения. Не покоя, не сластей, не льгот, а труженичества, озлоблений, лишений жди, и не только жди, но ищи. Надо знать твердо, что кто творит добродетели, но без труда, стоит в подвигах, но льготно, без болезненных понуждений – тот на пути прелестном. Что-нибудь да не так здесь. Между людьми в правде нельзя стоять мирно. Дух мирской есть плотоядный коршун – тотчас нападает. Потому и надо быть готовым на все...

Святые отцы готовность эту определяют очень просто и немногословно. Именно: иди, как на смерть, и такой завет положи в сердце твоём, что ты оброчник смерти, которая поминутно готовится тебе не зная как и откуда. Только тот, говорят, и устоит непоколебимым, кто пойдет путем истинной христианской жизни с такими расположениями. Ибо коль скоро

он умрет чувством и заветом сердца, то, что ни встретилось бы, будет уже слабее того, чего он ожидает, то есть слабее смерти. К этому они применяют притчу Спасителя о царе, рассчитывающем войско при наступлении войны, и о хозяине, начинающем строить дом. Рассчитай, говорят, ожидающие скорби и умри в помысле и чувстве, потому что только смерть составит достаточную сумму, какую должно иждивать на пути Христовом. «Не может быть Моим учеником тот», говорит Господь, «кто... не возненавидит... души своей». Быть готовым, как на смерть,— это преимущественно полно выяснено и часто повторяется у святого Исаака Сирианина: что ни встретится, говорит он, скажи, что умер, — и полегчает; покой и упокоение есть дело самое ненавистное Богу.

Это нужно не одним отрекшимся от мира; живущим в мире еще нужнее такое расположение. Все это сретаает "истинных" ревнителей благочестия; "ложным" — легко. К такому завету с своим сердцем должно еще приложить твердое и несомненное упование на Бога Вседержителя, нужно держать веру, что, несмотря на всю примрачность пути, ты — Божий, не отверженный, не презренный, а блюдомый Им; что Он с тобою, держит тебя в то самое время, как терзают тебя со всех сторон. Воображай себя держимым рукою Божиею, подобно замаранному плату, который треплют, чтоб очистить. Держи веру, что, какое бы ни было искушение, внутреннее или внешнее, оно тебе под силу, потому что Господь не даст тебе искушиться более, нежели можешь. Он ведет и воспитывает премудро. Помни также, что помощь Его близ, что она тотчас готова, лишь только воззовешь, и что только с такою помощью ты сможешь одолеть и не пасть; а потому всякое одоление Ему приписывай. Перенесенное без воззвания к Богу и не отнесенное к Нему по перенесении неужодно Ему и бесплодно, ибо всегда оставляет кичение и память о себе.

Не должно, однако ж, и ввергаться в скорби: отважная самонадеянность богопротивна и всегда наказывается. Стой в готовности на все, хоть бы даже на смерть,— однако ж ожидай сего в твердом уповании на Бога и предании себя Ему. Куда и как поведет, пусть ведет как угодно. Не поперечь, не желай того

и того, ни льгот, ни скорбей. Пусть ведет; иди открытым лицом, ожидая всего скорбного, в уповании и предании себя Богу. Без такого расположения шагу не сделаешь на истинном пути. Все возвращающиеся вспять возвращаются именно от неприготовления себя на подвиг и борьбу или от самонадеянности. Свой жар может помочь, но ненадолго. Он охлаждается естественно – и человек остается ни при чем.

Ревность о спасении

Отсюда видно, что вступающий на путь христианской жизни, еще слабый, больной, неустроенный, должен уже обладать великою силою и крепостию – иначе падет под готовую ему тяжестью скорбей и подвигов. Сила, делающая его сносливым и все его труды плодоносными, есть "ревность", усердие, тщание, забота о богоугождении и спасении души. Как ищущий верного сокровища не смотрит на трудности, не задерживается и не устрашается препятствиями, так и христианин, когда имеет ревность, искание, все одолеет и пройдет безбедно все пути. Искание все доставляет; ему Господь дал особое обетование: «ищите, и обрящете». Искание есть жизненный дух, с погашением которого замирает жизнь. Это огонь, принесенный Спасителем на землю; это Его свет и живот. Пароход останавливается, когда выпускаются пары, – и текущий вслед Христа падает или скатывается назад, когда охладает. Вот чем запастись должно, вступая в делание заповедей и очищение страстей! Без того нельзя и начать этого дела в истинном духе; а если и начнет кто, то будет трудиться без плода, вяло, исподволь. Это празднодетельство. Много людей есть, проходящих подвиги и делание, но без плода: плод от духа, а дух Божий – в ревности. Проходит он в страстную и нечистую природу чрез сродные с ним и с нами подвиги или правила жизни и там полагает целение, врачует и совершает. Следовательно, подвиг, делание – проводник благодати; а путь или нить проводящая – дух ревности. Потому-то все отцы особенно настаивают на том, чтобы не погасал сей дух. Святой Исаак Сирианин называет его псом лающим и заповедует непрестанно раздражать его. Святой Кассиан потерявшего сей дух почитает таким, коему Господь сказал: «имам тя изbleвати»

за то, что ни тепл, ни хладен, вял, делает – не делает или то делает – того не делает. Макарий Великий говорит: ищи и толки; в этом начало; этою дверью входите. Ты только ищи, а Господь не забудет Своего... Тщание имеющий уже и общается с Богом. Святой Варсонофий почти непрестанно повторяет совет возгревать в себе огонь, принесенный Господом. И у Лествичника ревность "то" есть огонь, поядающий хвастие, "то" основание доброе, надежное и безопасное. Потому он и заповедует спешить восстанавливать ее, когда случится погубить каким-нибудь образом. Иным думается, что лучше заменить ревность твердостью произволения или воли, опасаясь от ревности опрометчивости; но твердость воли опасна – она близка к расчетливому рассудку, холодному равнодушию и действованию эгоистическому. В мире она идет; в христианской жизни – опасна. Опасна и ревность, если ее оставить одну; но кто оградил ее послушанием или отречением от своей воли и разума и связал правилами, тому нечего бояться – только ревнуй. Ревность, правда, предполагает быстроту действования, но не опрометчивость и не необдуманность. Она означает: иди, не мешкай, не стой, гони с усердием, но гони по указанному и определенному пути, под надзором.

Все строение этой ревности можно выразить так: ищи в надежде, без определения и непрестанно начиная. Это мысль святого Макария Великого, которую он почти непрестанно повторяет. Очевидно, что недостаток чего-нибудь из входящего сюда или портит ревность, или расслабляет (например, Слово 4, 18, 27–28).

Впереди много труда, много опасностей – иди, будет плод. Земледелец трудится в поте и ест хлеб, то же и у тебя. Скоро минуешь скорби, вступишь в покой и насладишься и здесь внутренно, и там. Ты – воин; смотри на венец и не бойся смерти. Скоро явятся знаки чистоты, начатки удобрения сердца. Чем решительнее, тем скорее, лучше и спасительнее.

Гони, делай, трудись, но не определяй плода. Плод есть дар Божий ради труда, а дать дар – в воле Даятеля. Потому, что бы ты ни сделал, не говори: достиг или достигну, а: если достигну. Корабельник три четверти пути проплывает, а все еще

не доплыл и не может сказать, доплывет ли. Так и ты: никогда не считай себя достигшим, а только ищущим. Умалению страстей не верь, на крепость своих добродетелей не полагайся. Все можешь погубить в один раз. Не назад смотри, а вперед. Все, что имеешь, Господь дал; в Его же власти и взять обратно. Потому ничего не должно считать верным, а взывать только: Господи, спаси мя! Имиже веши судьбами, спаси мя!

Потому никогда не говори себе: ну, теперь довольно, потрудился, можно и отдохнуть. Такая льготность, послабление – первый враг. Помысл будто и малый, и слабый, но он самый коварный изменник: он отворяет врата врагам. Кто сложится с ним, тот падет. Святыми отцами он замечен, и всякому начинающему непрестанно внушается: смотри, не говори: уже довольно, можно и послабить, а говори: зачем ты здесь? или: что ж ты ничего не делаешь? Или, обращаясь к Богу, молись, чтобы Он помог тебе положить начало спасения – и непрестанно начинай. Непрестанно начинай и напрягайся, но о льготах и думать не думай, а так и сложи в сердце своем, что тяготу и труд тебе несть по самую смерть, что впереди не облегчение, а все преутрудждение.

Вот истинное строение духа ревнующего, безопасное, прочное, не дающее ни ослабы, ни необузданной горячности, ни самонадеянности, ни самомнения!

Три слова о несении креста

«Мне же да не будет хвалиться, токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа», говорит святой апостол Павел (Гал. 6, 14). Как это святой апостол до такого дошел расположения, что ничем другим хвалиться не хотел, кроме Креста Христова? Крест всяко есть скорбь, теснота, уничижение; как же хвалиться им? И вот, однако ж, апостол Павел хвалится им; вместе с ним хвалились, конечно, и все апостолы, а за ними и все другие крестоносцы. Почему же это так? Прозрели богомудрые мужи великое значение креста, высоко ценили его и хвалились, что сподобились носить его. Они зрели в нем вместо тесноты широту, вместо горести сладость, вместо уничижения величие, вместо бесчестия славу – и хвалились им, как хвалится иной великолепным каким украшением и отличием.

О, когда бы и нам даровал Господь такой смысл и расположение, чтобы понять и ощутить силу креста и начать хвалиться им!

О значении креста вот краткое общее объяснение: Господь совершил спасение наше крестною смертию Своею; на Кресте растерзал Он рукописание грехов наших; Крестом примирил нас Богу и Отцу; чрез Крест низвел на нас дары благодатные и все благословения небесные. Но таков Крест Господень в нем самом. Каждый же из нас становится причастным спасительной силы его не иначе, как чрез свой собственный крест. Свой собственный каждого крест, когда соединяется с Крестом Христовым, силу и действие сего последнего переносит на нас, становится как бы каналом, чрез который из Креста Христова преливается на нас всякое даяние благо и всяк дар совершен. Из этого видно, что собственные каждого кресты в деле спасения столько же необходимы, сколько необходим Крест Христов. И вы не найдете ни одного спасенного, который не был бы крестоносцем. По сей-то причине каждый всесторонне обложен крестами, чтоб не затрудняться исканием крестоношения и недалеко быть от спасительной силы Креста Христова. Можно сказать так: осмотрись около себя и в себе, усмотри крест свой, понеси его как следует, соединенно со Крестом Христовым – и будешь спасен.

Хотя и нехотя всякий несет крест свой, и крест большею частию не простой, а сложный, но не всякий смотрит на него чрез Крест Христов; не всякий обращает его в устройство спасения своего; не у всякого потому крест бывает спасительным крестом. Пересмотрим все возможные кресты и разберем, как следует нести каждый из них, чтоб он был силою во спасение.

Крестов много, но видов их три: первый вид – кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед и вообще из горькой участи земного пребывания; второй – кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотями ради добродетели; третий – кресты духовно-благодатные, возлагаемые совершенною преданностию в волю Божию.

Ныне скажу вам несколько слов о крестах внешних. Это самые многосложные и разнообразные кресты. Они разбросаны на всех путях наших и встречаются на каждом почти шагу. Сюда относятся скорби, беды, несчастья, болезни, потери близких, неудачи по службе, всякого рода лишения и ущерба, семейные неприятности, неблагоприятность внешних отношений, оскорбления, обиды, напраслины и вообще доля земная, у всякого больше или меньше нелегкая. У кого нет какого-либо из сих крестов? И не быть нельзя. Не избавляет от них ни знатность, ни богатство, ни слава и никакое величие земное. Они срослись с земным пребыванием нашим с той минуты, как заключился рай земной, и не отступят от него до той, когда отвернется рай небесный.

Хочешь, чтоб сии кресты были тебе во спасение,— употреби их по намерению Божию при назначении их в отношении к человеку вообще и в отношении к тебе в частности. Зачем так устроил Господь, что на земле никого нет без горестей и тяготы? Затем, чтоб не забывал человек, что он изгнанник, и жил бы на земле не как родич на родной стороне, а как странник и пришлец на стране чужой и искал возвращения в истинное отечество свое. Как только согрешил человек, тотчас изгнан из рая и вне рая обложен скорбями и лишениями и всякого рода неудобствами, чтоб помнил, что он не на своем месте, а состоит под наказанием, и заботился искать помилования и возвращения в свой чин.

Так, видя скорби, несчастья и слезы, не удивляйся и, терпя их, не досадуй. Так следует. Преступнику и ослушнику не к лицу полное благоденствие и счастье. Прими сие к сердцу и благодушно неси долю свою.

Но зачем, скажешь, у меня больше, а у другого меньше? Зачем меня тяготят беды, а другому во всем почти счастье? Я раздираюсь от скорби, а другой утешается? Уж если общая это участь, всем бы без исключений и раздавать ее. Да так ведь она и раздается. Присмотришь и увидишь. Тебе ныне тяжело, а другому вчера было или завтра будет тяжело, ныне же ему отдохнуть позволяет Господь. Зачем смотришь на часы и дни? Смотри на всю жизнь, от начала до конца, и увидишь, что всем

бывает тяжело, и очень тяжело. Найди, кто ликует целую жизнь? Сами цари нередко не спят ночи от туги сердца. Тебе тяжело теперь, а прежде разве не видел ты отрадных дней? Бог даст, и еще увидишь. Потерпи же! Прояснится и над тобою небо. В жизни, как в природе, то светлые, то мрачные бывают дни. Бывало ли когда, чтоб грозная туча не проходила? И был ли кто на свете, кто бы так думал? Не думай и ты так о своем горе – и обрадуешь себя упованием.

Тебе тяжело. Но разве это случайность беспричинная? Восклони несколько главу твою и помяни, что есть Господь, отечески о тебе пекущийся и глаз с тебя не спускающий. Если постигло тебя горе, то не иначе как с Его согласия и воли. Никто как Он послал его тебе. А Он очень точно знает, что, кому, когда и как послать; и когда посылает, во благо того самого посылает, кто подлежит горю. Так осмотришь – и увидишь благие о тебе намерения Божии в постигшей тебя скорби. Или грех какой хочет очистить Господь, или от греховного дела отвести, или прикрыть меньшим горем от большего, или случай тебе дать терпение и верность Господу показать, чтоб на тебе потом показать и славу милосердия Своего. Что-нибудь из сего, конечно, идет к тебе. Отыщи же, что именно, и приложи то к ране своей, как пластырь, – и утолится жгучесть ее. Если, впрочем, и не увидишь ясно, что именно хочет даровать тебе Бог чрез постигшее тебя горе, общее не размышляющее верование воздвигни в сердце своем, что все идущее от Господа есть во благо нам, и толкуй мятущейся душе: так Богу угодно. Терпи! Кого наказует Он, тот у Него как сын!

Наипаче же останови внимание на твоём нравственном состоянии и соответственной вечной участи. Если ты грешен – как, конечно, и грешен, – то радуйся, что пришел огонь скорби и поглотит грехи твои. Ты все смотришь на горе с земли. А ты перенесись в другую жизнь. Стань на суде. Воззри на огонь вечный, уготованный за грехи. И оттуда посмотри на свое горе. Если там придется быть осуждаему, каких горестей не пожелал бы ты перенести здесь, чтоб только не подпасть сему осуждению? Пожелал бы, чтоб каждый день теперь резали и жгли, нежели там неопisanному и не престающему подпасть

мучению. Не лучше ли же, чтоб там не испытать сего, теперь и не столь большое нести горе так, чтоб чрез то избавиться вечного огня? Говори сам себе: по грехам моим посланы мне такие удары, и благодари Господа, что благость Его на покаяние тебя ведет. Затем вместо бесплодного горевания распознай, какой есть за тобою грех, покайся и перестань грешить. Когда так расположишься, то, конечно, скажешь: мало еще мне. По грехам моим и не того стою!

Так, общую ли несешь горькую долю или частные испытываешь горести и скорби, благодушно терпи, благодарно приемля их от руки Господней, как врачевство от грехов, как ключ, отверзающий дверь в Царство Небесное. А роптать не ропщи, другому не завидуй и бессмысленному гореванию не предавайся. Ибо в горе так бывает, что иной досадовать и роптать начинает, иной совсем теряется и падает в отчаяние, а иной погрузится в свое горе и только горюет, не движась мыслию своею окрест и не возводя сердца своего горе – к Богу. Все таковые не пользуются посылаемыми им крестами как следует и пропускают время благоприятное и день спасения.

Господь в руки подает содевание спасения, а они отвергают его. Постигли беда и горе. Уж несешь крест. Сделай же, чтоб сие несение было во спасение, а не на пагубу. Для сего не горы преставлять требуется, а малое произвести изменение в помышлениях ума и расположениях сердца. Возбуди благодарность, смирись под крепкую руку, покайся, исправь жизнь. Если отошла вера в богоправление всем, возврати ее в недро свое – и облобызаешь десницу Божию. Если скрылась связь горя с грехами твоими, изостри око совести – и увидишь, оплачешь грех и увлажишь сухость горя слезами покаяния. Если забыл, что горькость здешней доли искупает от горчайшей вечной участи, воскреси память о том – и к благодушию придашь желание скорбей, чтоб за малые здешние скорби милость вечную сретить нам от Господа. Много ли и трудно ли все сие? А между тем такие помышления и чувства суть нити, коими крест наш связуется с Крестом Христовым, и из него истекают спасительные для нас силы. Без них же крест остается на нас и тяготит нас, а спасительности не имеет, будучи

разъединен с Крестом Христовым. Тогда мы являемся не спасаемыми крестоносцами и не можем уже хвалиться о Кресте Господа нашего Иисуса Христа.

Из многого малое сказав вам о внешних крестах, приглашаю вас, братие, в мудрости ходить, искупая время горести и скорбей благодушным, благодарным и покаянным терпением. Тогда ощутим спасительное действие скорбных крестов и будем радоваться, подвергаясь им, прозревая сквозь них свет славы, и научаться хвалиться ими не будущего только ради, но и настоящего плода от них. Аминь.

Из трех видов креста я сказал вам несколько слов об одном, именно о крестах внешних – скорбях, бедах и лишениях. Теперь скажу что-нибудь о втором виде крестов, крестах внутренних.

Кресты внутренние встречаются нам во время борьбы со страстями и похотями. Святой апостол говорит: «иже Христови суть, плоть распяша со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). Распяли? Стало, был крест, на коем у них распяты сии страсти и похоти. Какой же это крест? Борьба с ними. Распять страсти значит обессилить их, подавить, искоренить. Поборет человек страсть какую несколько раз – обессилит ее; поборет еще несколько – подавит; еще поборет – и совсем искоренит с помощью Божиею. Как сия борьба трудна, прискорбна и болезненна, то она есть воистину крест, внутри нас водруженный. У борющегося со страстями иногда будто руки пригвождаются, терновый венец на голову надевается, сердце живое прободается. Так ему бывает тяжело и больно.

Труду и болезненности нельзя не быть, ибо страсти хоть суть чужие нам, но, пришедши совне, так приросли к телу и душе, что корнями своими проникли во все составы их и силы. Стань вырывать – и больно. Больно, зато спасительно, и спасительность сия не иначе достается, как чрез болезненность. Есть болезнь полип – какое-то чуждое нам тело зарождается в нашем теле, растет и пускает корни. Не вырежешь – не исцелеешь, а стань вырезывать – больно. Пусть больно, но сия боль здоровье возвращает. А оставь, не вырезывай – тоже будет больно, только боль сия не к здоровью, а к усилению болезни,

может быть, даже к смерти. Вот и сибирскую болезнь как лечат? Вырежут прыщ, и прижгут то место, и еще ядовитым чем намажут и натрут. Больно, зато целительно. А оставь так – боль будет болью, да еще смерти не миновать. Так и борьба со страстями или искоренение их – болезненны, зато спасительны. А оставь страсти, не искореняй – они тоже будут причинять тяготу, болезненность, страдание, но не на спасение, а на пагубу и смерть духовную, ибо «оброцы... греха смерть» (Рим. 6, 23).

Какая страсть не болезненна? Гнев жжет, зависть сушит, похоть расслабляет, скупость есть и спать не дает, гордость оскорбленная убийственно снедает сердце; и всякая другая страсть: ненависть, подозрительность, сварливость, человекоугодие, пристрастие к вещам и лицам – свое причиняет нам терзание, так что жить в страстях то же, что ходить по ножам или угольям босыми ногами или быть в положении человека, у которого змии сосут сердце. И опять, у кого нет страстей? У всякого есть. Коль скоро есть самолюбие, все страсти есть, ибо оно есть мать страстей и без дочерей своих не бывает. Только не у всякого они все в одинаковой степени: у одного одна, у другого другая преобладает и заправляет другими. А когда есть у всякого страсти, есть и мучение от них. Всякого мучат и распинают страсти – только не на спасение, а на пагубу.

Так, нося страсти, терзаешься ими и гибнешь. Не лучше ли же взяться за себя и самому в себе устроить страдание, тоже по поводу страстей, но не на пагубу, а во спасение? Стоит только обратить нож и вместо того, чтоб, удовлетворяя страстям, себя поражать им, поражать им страсти, начав борьбу с ними и во всем им попереча. И тут будет боль и страдание сердца, но боль целительная, за которую тотчас последует отрадное успокоение, как бывает, когда целительный пластырь попадет на рану. Рассерчает, например, кто – трудно одолеть гнев и неприятно; но когда одолеешь – успокоишься, а когда удовлетворишь ему – долго будешь беспокоиться. Оскорблен кто – трудно одолеть себя и простить; но когда простишь – мир возымеешь, а когда отмстишь – не увидишь покоя. Загорелось

пристрастие – трудно погасить; но когда погасишь – свет Божий увидишь, а не погасишь – будешь ходить, как убитый. Так в отношении ко всякой страсти. И страсть мучит, и борьба с нею скорбь причиняет. Но первое губит, а второе спасает и исцеляет. Всякому страстному надо сказать: ты гибнешь на кресте страстей. Разори этот крест и устрой другой – крест борьбы с ними. И будет тебе распинание на нем во спасение! Все сие ясно как день, и выбор, кажется, должен бы быть очень незатруднителен. И однако ж, делом он не всегда оправдывается.

И удивляться надобно нашему ослеплению. Страдает иной от страсти – и все еще удовлетворяет ей. Видит, что удовлетворением больше и больше себе причиняет зла, – и все удовлетворяет. Необъяснимое вражество против себя самих! Иной и собирается восстать на страсть, но лишь только пробудись страсть с своими требованиями, тотчас идет вслед ее. Опять соберется и опять уступает. Несколько раз так – и все успех один и тот же. Непонятное расслабление нравственной силы! Лесть и обман в чем? В том, что страсть за удовлетворение себе обещает горы удовольствий, а борьба с нею ничего не обещает. Но ведь сколько уже раз было испытано, что удовлетворение страсти приносит не счастье и покой, а муку и томление. Она много обещает, но ничего не дает; а борьба ничего не обещает, а все дает. Если не испытал сего, испытай и увидишь. Но то горе наше, что испытать-то не соберемся с силами. Причина тому саможаление. Саможаление есть самый льстивый наш изменник и враг, первое исчадие самолюбия. Жалеем себя и губим себя сами. Думаем, что добро себе делаем, а делаем зло; и чем более делаем зла, тем более желательнее нам делать зло. Оттого зло растет и конечную пагубу нашу приближает к нам.

Воодушевимся же, братие, и мужественно пойдем на крест самораспятия, чрез распятие и искоренение страстей и похотей. Отвергнем саможаление и возгреем ревность самоумучения. Возьмем сердце врача, который в нужде и любимым, и чтимым особам делает жестокие резания и прижигания. Не буду вам указывать способа и всего хода борьбы. Возьмитесь за

дело – и оно само все пояснит и всему научит. Приведите на мысль тот покой, ту радость и тот свет, кои водворятся в сердце по одолении страстей, и возгрейте тем ревность свою к восстанию на них. Свет, покой и радость зарождаются с самого начала вступления в борьбу сию и все растут и возвышаются, пока в конце не завершатся мирным устройством сердца, в коем почивает Бог. И Бог мира истинно выну пребывает с тем, кто достигает сей степени. Тогда-то вполне оказывается, что крест точно есть древо жизни.

Райское древо жизни осталось в раю; на земле вместо его водружено древо креста. Цель же и этого одна: вкусит человек и жив будет. Приди, прильпни к нему устами твоими и пей из него жизнь. Прильпнешь ко кресту, когда, отвергнув саможаление, возревнуешь о самораспятии; а пить жизнь из него станешь, когда вступишь в борьбу со страстями. Каждое одоление страсти будет то же, что прием живительных соков из креста живоносного. Учащай – скорее напоишься и исполнишься жизни. Дивно свойство самораспятия! Оно будто отнимает, но, отнимая, дает; оно будто отсекает, но, отсекая, прививает; оно будто убивает, но, убивая, живит. Точно Крест Христов, коим смерть поправа и живот дарован. Какое благо, а велик ли труд! Первый шаг трудноват – первое себя одоление, первая решимость на борьбу; а потом, что ни схватка в брани, все легче и легче. И ревность будет сильнее разгораться, и умение одолевать увеличиваться, и враг слабеть. Как в обычной брани воинам страшно бывает только начать, а потом они уже ни на что не смотрят, все им становится и сподручно и легко – так и в духовной брани: только начни, далее брань будет сама себя разгорять и облегчать. И затем чем ретивее и живее схватки, тем скорее конец брани и ближе покой. Сил недостает начать? Молись. Господь пошлет. Окружи себя помышлениями об опасности пребывания в страстях – и погонишь себя тем из тьмы их к свету свободы от них. Оживи чувство мучительства страстей – и возгоришься досадою на них и желанием избыть от них. Но паче всего, исповедав немощь свою пред Господом, стой и толки в двери милосердия Его, вопия о помощи. Придет помощь! Воззрит на тебя Господь, и свет от очей Его попадет в

тебе саможаление и возжжет ревность бодро вооружиться против страстей. А там, аще Господь с нами, кто на нас?

Подвигоположнице Господи, воодушевивший нас ревностию вступить в подвиг борьбы со страстями, Сам и устоять в ней подай силы, да под знамение Креста Твоего воинствуем доброе воинствование, взирая на Тебя, Начальника и Совершителя веры нашей, Крестом спасение нам устроившего и живот нам в нем даровавшего. Аминь.

Осталось еще изъяснить вам третий вид креста, спасительного для нас,— крест преданности в волю Божию. Скажу и о нем слово-другое, потому что полное о нем учение превосходит силы мои. На крест сей восходят уже совершеннейшие христиане. Они и знают его, и говорить о нем могли бы ясно, полно и с силою. Другим же где говорить так? А не помянуть нельзя, чтоб кто из вас, одолевши одну-другую страсть и несколько успокоившись от тревог их внутри, не подумал, что уже все сделал, что должно и что ожидается от христиан.

Нет, и при этом не все еще сделано. Кто даже совсем себя очистил от страстей, не совершил еще главного действия христианского, а только приготовился к нему. Очистил ты себя от страстей – принеси же теперь себя чистого Богу в жертву чистую и непорочную, каковая одна и приличествует Ему Пречистому. Посмотри на Голгофу. Там крест благоразумного разбойника есть крест очищения себя от страстей, а Крест Господень есть крест жертвы чистой и непорочной. И оно-то есть плод преданности в волю Божию – беспрекословной, полной, безвозвратной. Кто вознес на Крест Спасителя нашего? Сия преданность. В саду Гефсиманском молился Господь наш Иисус Христос, да мимо идет чаша, но решительное о сем определение изрек так: «обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты» (Мф. 26, 39). От слова Его: "Аз есмь" – падают пришедшие связать Его. Но потом они же вяжут Его. Почему? Потому что Он Сам Себя прежде связал преданностию воле Божией. Под Крестом тварь вся содрогается и жизнь умершие приемлют, а Он неподвижен пребывал на Кресте, ибо предал дух Свой Богу.

Таковы и все возросшие в мужа совершенна, достигшие в меру возраста исполнения Христова. Они все бывают распяты, так сказать, на воле Божией. На ней пригвождено всякое их своеличное движение, и мысль, и желание. Или сих последних в обыкновенном смысле и виде совсем нет у них: свое все у них умерло, пожерто будучи волею Божиею. Что движет их – это есть Божие мановение, Божие внушение, которые, им только одним ведомым образом печатлеясь в сердце их, определяют всю их деятельность. Святой апостол Павел в отношении к себе изображает сие состояние так: «Христови сраспяхся. Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19, 20). Как только сораспяхся он Христу – он, апостол, муж совершеннейший, перестал уже жить сам, но стал жить в нем Христос. Или он стал в таком положении, о коем пишет в другом месте: «Бог есть действуя в нас и еже хотети, и еже деяти о благоволении» (Флп. 2, 13).

Это верх совершенства христианского, до которого только способен достигнуть человек. Он есть предначатие будущего состояния по воскресении, когда Бог будет всяческая во всех. Почему все удостоивающиеся достигнуть его нередко состоят в противоречии со всеми порядками земного пребывания и или терпят гонения и муки, или становятся и почитаются юрдами, или удаляются в пустыни. Но во всех сих видах внешней участи их внутреннее их одно: едины, с единым Богом пребывая в сердце. Им единым живут и действуют, скрываясь во внутреннейшем, глубочайшем безмолвии, при совершенном отсутствии всяких движений своих. Говорят, что высоко в последних пределах атмосферы нашей прекращается всякое движение стихий земных. Там спокойно пребывает одна всемирная стихия. Это образ сораспавшихся Христу, переставших жить своею жизнью и начавших жить токмо Христом, или, иначе, восшедших на крест преданности на волю Божию, которая одна качествует и действует в них с отрицанием всяких своеличных усмотрений и действий.

Больше не имею вам сказать ничего о сем. И это сказано, чтоб только намекнуть вам, что вот где конец, вот где надобно нам быть и чего достигнуть, и чтоб, зная сие, вы расположились

все, что ни имеете и ни делаете доброго, считать ни во что, если не дошли до сей нам определенной и от нас ожидаемой высоты духовной жизни. Многим думается, что христианство то же, что и другие виды жизни; а оно не то. Зачинается оно покаянием, спеет борьбою со страстями, завершается чрез сораспятие Христу чистого внутреннего человека, погружением в Бога. "Умросте", говорит апостол, «и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге» (Кол. 3, 3). Тут все совершается внутри, незримо для людей, и ведомо только совести и Богу. Внешнее тут ничто. Оно есть, конечно, приличная оболочка, но не решительный свидетель и тем менее производитель внутреннего. Внешнее исправное поведение как часто бывает прекрасною наружностью гроба, полного костей!

Сие ведая, станем, братие, на Голгофе у крестов и начнем применять себя к ним и их к себе, какой к кому придется. Симон Киринейский, несший Крест Господа, есть образ тех крестоносцев, кои подвергаются внешним скорбям и лишениям. Кого изображает благоразумный разбойник распятый и кого Господь на Кресте, я только что сказал пред сим: первый изображает борющихся со страстями, а Господь – мужей совершенных, распявшихся в богопреданности. А крест злого разбойника кого изображает? Изображает тех, кои работают страстям. Страсти их мучат, терзают, распинают насмерть, не давая никакой отрады и никакой благой надежды. По сим признакам примеряй всякий к себе кресты и сам себя по ним определяй, кто ты – Симон ли Киринейский, или благоразумный разбойник, или подражатель Христу Господу, или разбойник злой по страстям, тебя снедающим?

Каким себя найдешь, такого и конца себе ожидай. Я только прибавлю: выбросьте вы из головы, будто можно путем утешной жизни стать тем, чем подобает нам быть во Христе. Утехи если бывают у истинных христиан, то совершенно случайно; отличительнейший же характер жизни их суть страдания и болезнования, внутренние и внешние, произвольные и невольные. Многими скорбями подобает внити в Царствие, и в то, которое внутрь является. Первый шаг здесь – перелом воли от худа на добро, составляющий сердце покаяния, – отражается

смертельною болию от раны сокрушения, из которой потом сочится кровь во все продолжение борения со страстями и которая закрывается уже по стяжании чистоты, возводящей христианина на крест сораспятия со Христом в воле Божией. Все – скорби, и болезни, и тяготы. Можно сказать так: утешность есть свидетельство непрямого пути, а скорбность – свидетельство пути правого.

Помышляя о сем, радуйтесь, крестоносцы! А вам что, утешающиеся? Слово Авраама к богачу в притче о богатом и Лазаре. Здесь вы утешаетесь, а другие страждут Христа ради и закона Его святого; а на том свете будет наоборот: крестным идущие путем будут утешаться, а утешавшиеся страдать. Вы говорите обыкновенно: вот и повеселиться будто нельзя или какое-либо себе позволить удовольствие. Да вы главное-то прежде сделайте, а потом позволяйте и это. А то у иного только и дела, что ныне бал, завтра театр, там гулянье, да веселое чтение и беседа, да развлечения разные – переход от одних приятностей к другим. А о главном, о том, как достигнуть того, чем должен быть всякий христианин, и помышления нет. Какого же плода ожидать от такой жизни? То внутреннее наше к Богу отношение во Христе будто само будет зреть, несмотря на эти внешние нестроения?! Как ему зреть? Горит ли свечка на ветре? Спеется ли жизнь от приемов яда? Нет. Хочешь добра себе – брось утехы, вступи на крестный путь покаяния, перегори в огне самораспинания, закались в слезах сокрушения сердечного – и станешь золото, или серебро, или камень драгоценный и в свое время будешь взят небесным Домовладыкою на украшение Его пресветлых и премирных чертогов. Аминь.

Примеры записывания добрых мыслей, приходящих во время богомыслия и молитвы, числом 162¹

Писал я вам не раз, чтобы вы записывали в особую тетрадь мысли, приходящие во время молитвы или и кроме ее, – такие мысли, которые, пришедши, не скоро отходят, а долго занимают ум и сердце и своим образом благоустраивают душу. Чтоб побудить вас к усердному в сем роде занятию и дать образец, посылаю вам тетрадь, в которую один человек записывал

иногда подобные мысли. Посмотрите, как это делается, и себе так же делайте.

1. Сердце – губка, полная разных жидкостей. Пожми – и потечет. Нажим сердца – впечатления и обстоятельства текущей жизни, которые вызывают из сердца то доброе, то худое, судя по тому, что содержит та часть его, на которую сделан нажим. Внимай. Это может привести к хорошему познанию себя.

2. Бывает, что иной куда ни ткнется, все его чуждаются. Это образ встревоженной совести, которая к Богу ли обратится – видит Его отвращающим лице; к ангелам ли и святым – и те смотреть на него не хотят; к людям ли, вместе живущим, – и те кажутся презрительно относящимися; к себе ли – и в себе не видит ничего, на чем бы можно было с утешением остановиться. И это здесь еще. Что же будет там?! Почаще держи это в мысли.

3. Испытывал ли ты обманутую надежду? Увы, как она поразительна! Ее испытали девы юродивые. Чаяли встретить Жениха – и не удалось. И это бы не так еще тяжело. Можно было утешаться надеждою еще как-либо увидеть Его. Но то беда, что Сам Жених отверг их однажды навсегда. Девы эти не были порочны, но чего-то очень нужного не доставало в них. Чего же? Об этом стоит подумать теперь и заранее восполнить недостающее, чтоб нам и себе не испытать такой же участи.

4. В школах на экзаменах бывает иногда, что об ином все думают, что он знает предмет, а когда вызовут – ни слова, и получает нуль. Смотри, как бы и тебе не пострадать того же, когда позовут на экзамен туда, откуда нет возврата. Здесь еще дело поправимо, а там уж нельзя будет его поправить.

5. Грозит ли беда отвержения? Да. Ибо вот сатана отвержен же. И тебе не на чем основать привилегию неотвержения, когда обременен грехами. Как же быть? Надо исправиться и вопиять о помиловании с безотступством, как вдовица к судии.

6. По грехам ты – головня обгорелая, труп раздувшийся, посиневший и преисполненный смрада, тьма тьмущая, в коей и зги не видно.

7. Господь на Кресте. Стань пред Ним мысленно и подумай, каким взором сретил бы тебя Господь со Креста? Побудь

подолее в этом положении, и совесть твоя внятно скажет тебе о сем.

8. Об древнем Израиле сказано: «уты, утолсте, разшире – и» забы "Бога". То же идет и к чадам нового Израиля, когда они, удовольствовавшись тем, что имеют, предаются беспечности и нерадению об угождении Богу. Сыты и почивают.

9. На чем опираешься надеждою, то и бог для тебя. Если на имении – то имение тебе бог; если на власти – власть твой бог; если на другом чем – то другое есть тебе бог. Когда истинный Бог восхощет обратить кого к Себе, то прежде разрушает ложных богов, чтоб, испытав их ненадежность, ты скорее и искреннее обратился к Нему.

10. В житейском быту бывает так, что иного слугу, провинившегося и прогнанного, опять хозяева принимают, когда сознается в вине и пообещает быть исправным. Принимают, если и во второй раз провинится, склоняясь на его умоления и обещания. Принимают и в третий, и в четвертый раз... и столько, насколько достанет терпения и снисхождения. Но если слуга все попадает в тех же неисправностях, они наконец говорят ему: ступай и вперед уж не приходи; и затем, сколько бы он ни умолял их, не слушают его, говоря: уж мы изверились в тебе. Не возможно ли тому же случиться и с грешником, который многократно возвращался на те же грехи и все еще не перестает возвращаться? Пусть подумает об этом виновный в таких падениях.

11. Бывает, что иному поручают управление имением, а он верхогляд: все планы строит, делает и переделывает, не соображаясь с нуждами и потребностями хозяйства, а по своим фантазиям, – хлопочет много, а толку нет, и имение скоро расстраивается. То же случается и в нравственном порядке, когда кто страдает парением ума, – и не худ он, и делает дела, а толку нет: все не к цели, а так, с плеча, на ветер.

12. Куда пробрался не имевший-то одеяния брачна? Уж и за стол сел. А конец каков?! «Связавше ему руце и нозе... вверзите во тьму кромешную» (Мф. 22, 13). О сем почаще надо подумывать тем, кои мнятся быти что.

13. Иное изделие ходит по рукам, и все хвалят. Но знаток дела только взглянет, как видит фальшь – по ошибке ли допущена она, или по неумению, или намеренно. То же бывает и в нравственном отношении: иные дела сходят за очень добрые и похвальные, иные лица слывут за святых. Но знаток сразу и дело разберет, и лицо распознает с нескольких слов.

14. «Помяни, откуда ниспал еси,»– слышится в совести того, кто взялся за дело спасения как должно и преуспел в нем несколько, но потом рассеялся и возвратился на прежние дела или еще худшие. Как это горько!

15. Когда возвратившийся на путь покаяния начнет трудиться над собою, тогда, видя, как все у него будто из рук валится по причине крайнего расстройства сил и упорства дурных привычек, невольно взывает: «имиже веси судьбами, спаси мя, Господи».

16. Что есть дух под властью души и тела – и что есть душа и тело под властью духа? Об этом пусть всяк рассудит по себе. Восход из области плотской к духу представляют святая Пелагия, святая Мария Египетская, святая Таисия, святой Моисей Мурин, святой Давид и подобные.

17. Дело крайней важности творится в мире, человечестве и каждом человеке под действием воплощенного домостроительства в Господе Иисусе Христе. В движение событий в сем направлении введены и мы всеправящею десницею Божиею. Потому нельзя шутить не только жизнью вообще, но и всяким делом, помня, куда оно должно быть направляемо. И времени ни одной минуты не должно тратить попусту. В растении, например, и в теле животном ни один момент не проходит так, чтоб там не совершилось и вообще, и в частности в каждой частичке, что требуется для жизни. Но там творится это бессознательно и произвольно, а разумная тварь должна то же самое делать в нравственно-религиозном порядке самодеятельно, сознательно и самоначинательно.

18. Человек деловой душевно – ученый, практикующий по какой-либо части, художник – все Божеское приносит в жертву делам своим, всегда отодвигая его на задний план – именно

молитву, богомыслие, дела благочестия,— и упованием своим опирается он на своих делах и силах.

19. Грешащему – поскольку всякий грех уже осужден есть – следовало бы так себя чувствовать, как чувствует осужденник, о котором смертный приговор уже произнесен и остается только несколько минут до исполнения его. Вот-вот отворится дверь и войдут исполнители казни.

20. Действу благодати Святого Духа предшествует прощение грехов с очищением сердца от страстей; прощению и очищению предшествует возненавидение всего греховного; а сему возненавидению – чувство осужденности и отвержения Божия. Это последнее приходит, когда пробудится совесть под действием страха Божия и начнет перебирать все срамоты и неправоты жизни. Главное – пробуждение страха Божия и совести. Это стихии нашего духа. Оживают они действием благодати предваряющей.

21. Патриарх Иаков за Лию работал семь лет и за Рахиль семь лет. Лия – образ деятельной жизни (деяния), а Рахиль – созерцательной (разума). То и другое, выходит, достается трудом – то есть и деяние, и разум.

22. Человек, которому оказывают невнимание и холодность, негодует и раздражается. Что же Бог, везде сый? А мы ведь не можем похвалиться всегдашним к Нему вниманием и теплым сердечным отношением.

23. Кто на месте, у того установившаяся жизнь течет спокойно. Но случись потерять ему свое место – и пошла во всем неурядица. Есть свое место и в духовной жизни. Кто держится на нем, у того все спокойно внутри, а кто сдвигается с него, у того тотчас начинается внутри неурядица, страшнейшая и пагубнейшая всякой внешней неурядицы.

24. Кто держит себя как должно, тот трудится, себя не жалея, себе внимает и возгревает в сердце религиозные чувства. Как только начнет он оттягивать от трудов по богоугождению, тотчас за сим следует блуждание мыслей и охлаждение сердца. Если не остановится, то быстро ниспадет в нерадение и беспечность, нечувствие и рассеянность. Это паралич душевный, или погружение души в смерть.

25. Бывают и внутренние наказания от Бога. Это отъятие духовных чувств. Случается так, когда сердце вкусит что-либо страстное, имевши возможность избежать сего. Тогда оно становится неспособным к приятию духовных чувств и будет таким, пока не испарится всякий след страстного приражения.

26. Есть помысл миродержитель. Забыв себя, душа начинает все в мире передвигать и перестраивать по-своему – и вещи, и лица, и события. Враг посаждает ее на кресло и строит из ней обезьяну мироправительства. Бывает ли что смешнее этого уродства?

27. Во время молитвы враг обычнее всего приводит на ум какие-либо дела, будто крайне нужные, а потом и от этих дел отводит и заводит не зная куда. Надобно поселить в сердце убеждение и решение – Бога предпочитать всему, по крайней мере во время молитвы. Ему и все время должно принадлежать. Но будем Ему нераздельно посвящать хоть это недолгое время молитвы. Этого, однако ж, мало. Надо добиться того, чтоб непрестанно ходить пред Богом со страхом и благоговеинством. Ибо Он везде есть, и во всем Своем величии.

28. Помазание дверей кровию пасхального агнца было символом для нас. Что же оно означает? Означает таинственное помазание душ наших кровию Господа Спасителя во святом крещении. Надо молиться, чтобы кровь сия проникла всюду в нас и все собою запечатлела и в духе, и в душе, и в теле. И будет она безмолвною ходатаицею за нас на суде, имеющем решить на жизнь или смерть – вечные.

29. Молитва бывает умовая, или мысленная, и бывает молитва сердечная, молитва чувства. Первая одна никогда не бывает чистою и невозмутимою. Только чувство может сообщить молитве сии качества, когда сердце исполнено бывает каким-либо религиозным чувством. Это Бог дает, но и самим надо стараться вводить сердце в такие чувства, особенно пред молитвою. Молитва подогреет сие чувство – и сама может пройти исправно.

30. В производстве покаяния скорбное жаление, что грехами оскорбляем Бога, дает более прочное решение не

грешить, нежели как сожаление, что грехами себя губим, хоть и это уместно при раскаянии и обращении.

31. Кто не испытывает действий благодати Святаго Духа в сердце, того спасение под сомнением. Ибо такое состояние может зависеть и от того, что совсем ничего нет в душе. Но обычно Дух Святой нескоро показывает въявь действия Своей благодати – из опасения, как бы человек сам с глаз не съел это добро.

32. Разрешений от грехов два – таинственное и бытовое (как бы физическое). В первом разрешается совесть – и человек радостно чувствует себя разрешенным от всякого осуждения за грехи; во втором разрешается естество от всех вяжущих его страстей. К сему последнему ведут подвиги самоумерщвления и труды доброделания и молитв. И это епитимия Божия (физическая), хотя бы священник и не налагал церковной; но если наложить ее, то с нею скорее кончается и Божия епитимия. К этому же разрешению способствуют дойти усопшим молитвы о них Церкви и благотворения за них.

33. «Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог» (Пс. 45, 11). Упраздниться – значит изгнать из души все такое, что могло бы заслонить собою лице Бога, зримого умом с соответственными тому чувствами, – что отклоняет внимание и чувство от Бога. Но как упраздниться сим образом при делах? Расположись исполнять их как поручения Божии, а не как свои начинания или что-либо совне навязываемое.

34. Враг непрестанно около нас хлопочет. Первое его дело – занять чем-либо второстепенным, хоть не худым, и отвлечь от главного – единого на потребу. Когда успеет в этом, тогда начинает подбрасывать и дурное и мало-помалу доводит до мыслей и чувств дурных...

35. Вообрази царя в его приемной. Нашло много лиц разного рода с целию просить – кто о чем. Но вместо того, чтоб обратиться к царю с прошениями, иные из них в окно смотрят, другие сор собирают, те любуются на украшения залы, эти ссорятся. Шум. На царя никто почти и не смотрит. Таковы бывают и наши церковные собрания и домашние молитвы. А все жалуемся, что не услышаны молитвы!

36. Бог строит Свой град духовный на Небе. Материалы заготавливаются здесь, на земле, в Церкви Божией, из душ человеческих. Годность их оказывается по смерти. Гожие помещаются в здание в соответственном месте, негожие бросаемы бывают в свое место.

37. Как Бога представлять? На Небе, в себе или еще как? Никак. Прибрати навык стоять в убеждении, что Бог везде есть и, следовательно, в тебе и видит все твои сокровенности, и в сем убеждении держи себя благоговейно пред невидимым Богом, без всяких Его воображений. Но молись, чтоб Бог Сам научил тебя сему.

38. Внутреннего человека Бог созидает. Но Бог начинает действовать внутри, когда человек сознает себя совершенно ничем по всем частям и предает себя всецело в руки Божии, вседетельству Божию.

39. Все в Господе Спасителе. Он умилоствует Отца и Духа Святаго посылает. Совершив домостроительство спасения, Он стал Владыкою нашим, и мы Его рабы, купленные кровию Его. Чувствуешь ли ты это?

40. Когда слышишь, что про иного говорят: сыт, развалился и дрыхнет,— не забудь подумать, что это образ твоей беспечности от самодовольства.

41. Молитва бывает то так, как говорят: привязался — за уши не оттянешь; а то так: за повод тяни — не притянешь.

42. Слышишь, что об ином говорят: зазнался. Смотри, не сказали б так ангелы Божии о тебе, судя по тому, как ты себя держишь в отношении к Богу в молитве. Не стал ли ты иметь Его запанибрата? Царь земной, как ни будь милостив и снисходителен, не может сносить запанибратства и зазнающимся пресекает доступ к себе. А Царь Небесный, думаешь, будешь поблажничать?

43. Покой плоти губит все доброе, трудом добытое. Это похоже на то, как если б хозяин сам своими руками обламывал прекрасное дерево, возвращенное с большим старанием.

44. Сердце — яма змей. Змеи — страсти. Их бездна: плотоугодие — есть, пить, спать вдоволь; ничегонеделание, леность; любоимание, любовещие, скупость, корыстность,

опора на имении; самость, гордость, тщеславие, человекоугодие, зазнавательность; гнев, ненависть, зависть, злорадство; многозаботливость, рассеяние и прочее и прочее... Как быть? Какая высунется – бей по голове. Молот – безжалостность к себе.

45. Некто из старцев написал: я похож на коня, который пасется без хозяина: кто ни вздумает, садится и ездит; лишь только слезет один, наездившись, как садится другой и то же делает, и так далее. Это говорил он о блуждании туда и сюда помыслами. Посредством их враг ездит на нас. Надо прибавить, что то же делает он и посредством многоделия и многозаботливости в парительной зазнавательности.

46. Покаявшийся сначала грехи только свои видит, но когда внутреннее нестроение несколько уляжется, начинает видеть под грехами страсти, облегающие душу. Прежде вопиял: Боже, милостив буди мне, грешному; а тут, кроме того, прибавляет: Боже, очисти мя, грешного, или: исцели душу мою.

47. Благовещению и воплощению соответствует в нас начало взыскания спасения и приятие благодати, полагающей семя новой жизни; а Рождеству соответствует образование внутреннего нового человека.

48. Воистину сидим во тьме; и это не тогда только, когда нерадиво живем, но и когда начинаем радеть о спасении. Заметить это и почувствовать дает жизнь, а додуматься до сего нельзя.

49. Слышишь, как про иного говорят: куда затесался? Это очень прилично повторять себе, когда набредут помыслы высокоумия.

50. Сначала покаянные чувства бывают более из самосохранения – что погиб; потом они переходят в скорбь по причине оскорбления Бога. Это, надо полагать, пойдет уже на всю жизнь.

51. Дела – долг неотложный. Их не следует уничивать, они ценны. Но основывать на них спасение нельзя. Это не их дело, а дело благодати Божией – и как спасающей милости, и как силы во спасение.

52. Что дом нежилой? Пусто, затхло, бесприютно. Такова душа не кающаяся и страха Божия не имеющая.

53. Бог, создавши мир, благоустраивает его и ведет к последней цели. Всякая тварь – орудие. Но несвободные твари суть покорные орудия, а свободные – упорничают. Они и замедляют приведение мира к цели. Так как без их исправности цель сия достигнута быть не может, то теперь все попечение Божие обращено на то, чтоб поставлять и держать на должном пути разумные твари. В основе сего попечения лежит воплощенное домостроительство. И сие есть что сказал Господь: «Отец Мой доселе делает, и Аз делаю».

54. Душу не кающуюся враг делает помойною ямою, в которую он бросает всякую дрянь.

55. Видал, как иногда окружит человека стая псов? Бедный только повертывается, отбиваясь чем попало. Но подбежит к нему кто посильней – и стая разбегается. То же случается с покаявшимся и идущим путем самоисправления. Враг иногда возбуждает в нем стаю страстей, которые, как с цепи сорвавшиеся псы, то та, то другая начинают рвать его. И только помощь свыше рассеивает сию стаю.

56. Если замечаешь следы страстных движений, дел же по ним не имеешь, то не мечтай много о себе. Нет дел, может быть, потому только, что случаев к ним нет. Явись случаи – и ты окажешься чувственнее турка, злее башибузука, корыстнее жида.

57. Сначала труды покаяния, как ни будь сильны, кажутся ничем; но потом, когда совесть насытится, они могут показаться за нечто. Не надо допускать до этого.

58. Отпущение грехов таинственное бывает тотчас по исповеди, в момент разрешения священнического, а отпущение следов их из естества совершается по трудах покаяния. Умершие, не достигшие сего в жизни, доходят до сего там молитвами святой Церкви.

59. Снизу к сердцу подходящий и покушающийся все его захватить дух туги и томления не доброго есть свойства. Отрывать его надо. Эта туга неопределенна; доброе же

скорбение всегда имеет определенно предметом грехи свои и свое недостойнство.

60. Бывает, что внешне служба идет исправно, а по внутреннему она очень неисправна. Бывает и служащий, который внешне состоит в порядке, а внутренне есть как расстриженный.

61. Духовную жизнь, кажется, лучше бы называть внутренней. Это и понятнее, и объятнее, и точнее.

62. Не грех только плотской, но всякое угодие плоти в пище, питии, сне, покое, положении или пресекает духовные движения, или умаляет силу их напряжения.

63. С заботою не приходи к молитве, иначе молитвование твое не будет молитва. Умение отрезывать заботу вымоли всякий сам себе. Ею враг бросает туда и сюда души, как пшеницу в решете.

64. Без заботы душа как на молитву – так к Господу. А с нею – и молитва ею полна, и по молитве все она.

65. Чуждоприсвоение духовное (себе приписывание успехов) является в разных видах и бывает причиною научительного отступления благодати. Отсюда окаменение, забвение, омрачение, потеря энергии. Средство против него – все как от руки Божией принимать, с благодарностию, как дар и жить всегда в предании себя Богу, всего чая свыше.

66. Добрые мысли, внезапно посещающие и приходящие в душу, бывают от Господа или от ангела-хранителя. Они упорядочивают все внутри, освещают как внутреннее, так и внешнее и поставляют в обрадованное состояние. Вражьи же помыслы и нехудые производят смятение и омрачение, сопровождаясь самодовольством, а худые приносят с собою всегда бурю страстных движений, более или менее сильных и разрушительных.

67. Во внутренней жизни – свои уставы и законы, свои исправности и неисправности, свои награды и наказания, кои не соображаются со внешними, а идут своим чередом. Вне одно положение – а внутри другое.

68. По покаянии и трудах очищения совесть по временам перебирает все нагрешенное в жизни – и судит. Се суд прежде

оного. Это очень смиренно. К этому и враг иногда подделывается; только он приводит на память одни дела, по человеческому суду недобрые, дела неразумия и оплошности, тех же, коими оскорблен Бог, он не касается. Суд совестный, можно сказать, благодатный, оживляет раскаяние и сокрушение уповательное, отрадою помилования растворяемое; а этот вражий наводит безотрадную и тяжелую тугу.

69. От чего душа бывает пуста? От того, что вышел Посетитель душ по какой-либо ее вине и для какого-либо научения. Может быть, бывает и естественная пауза – отдых всех сил, которые, как тварные, не могут держать себя в постоянном напряжении без истощания и отдыха.

70. Стадии уклонения от единого на потребу, или ниспадения из духа: 1) увлечение каким-либо делом – изучением чего-либо, рукодельем или художничеством каким, каким-либо предприятием; 2) вследствие того льгота в трудах по делу спасения – в молитвах, в бдении, посте, уединении и прочем; 3) от этого внимание к себе слабеет и внутренний строй разоряется, что дает врагу доступ сеять недобрые мысли и возбуждать страстные движения; 4) от этого недалеко склонение на страсть – и грех.

71. Надо совмещать в себе чувства погибающего и спасаемого. Тут только истина.

72. Два способа очищения сердца – деяние и созерцание. Они начинают вместе в истинно шествующем и идут рука об руку; но вначале деяние идет впереди, а потом опереживает его созерцание, под конец же и совсем поглощает его.

73. В период очищения напраслины и беды Бог не только попускает, но и наводит, как действенные средства очищения. Последние особенно плодотворны, потому что вслед за ними посылается в душу и особая сила к перенесению их. Искушаемый может, однако ж, погрешить и в этом, как и в первом случае. Зри.

74. Что неправо в нас есть и бывает, это указывают сначала заповеди и требования совести, потом мирное устроение сердца, а наконец, око Божие в сердце.

75. В созидании спасения фундамент побольше углуби. Фундамент сей есть такое чувство неотходное: слеп, наг, прокажен, расслаблен.

76. Встречи с людьми устроает Бог для того, чтоб мы передавали друг другу сущее в нас от Бога добро и взаимно друг друга богатели. Враг же подстревает и всячески хлопочет, как бы эти встречи сделать не бесполезными только, но и вредными. Внемли!

77. Враг, искушая, применяется к характерам людей: с умовыми поступает так, с деловыми иначе, с сердечными еще иначе. И не всегда зло внушает, но довольствуется, если успеет занять внимание пустяками. Ему лишь бы отвлечь от главного, единого на потребу и время сгубить. Все – его выгода.

78. Внутри строй помышлений о главном разнится по временам, но существо дела должно оставаться неизменным, именно: грешен я и достоин осуждения и казни, но не отчаиваюсь в спасении ради крестной смерти Господа Спасителя.

79. Взавшись за труды покаянные и не видя успеха, не робей. Все ищи и ищи, опираясь надеждою на обетования Божии. Ты только что отстал от одного берега, другой же совсем еще не виден. Работай сильнее веслами – средствами покаянными, подвижническими, – и берег покажется. Тогда уже веселей тебе будет работать. Стоит тебе только сподобиться хоть единой очевидной помощи – и это будет узрением другого берега. Тогда уже беспокойству за успех дела места не будет – разве только разленишься. Но в этом кто, кроме тебя, виноват будет?

80. Устрой у входа сердца шлагбаум и приставь к нему строгую стражу. Всякого подходящего – помысл, чувства, желания – спрашивай, свой или чужой. Чужих гони без жалости и будь неумолим.

81. Душевный человек делает, ибо приятно, полезно, необходимо; а духовный – потому что долг, добродетель, Богу угодно. И в духовной жизни есть приятное, полезное и необходимое душевного ранга, но они здесь подчинены законам духа жизни о Христе Иисусе.

82. Внешняя исправность без внутреннего самоисправления есть то же, что раны залечены, а худосочие, от коего раны, оставлено или что дом гнилой, заштукатуренный и раскрашенный.

83. Бог Отец по благоволению Своему призывает нас, грешных, к Сыну Своему Единородному благодатию Духа Святаго. Внявшего призыванию Сын Божий омывает кровию Своею, а Дух Святой перерождает, облакая во Христа. Тогда Отец принимает его в действенное и живое благоволение Свое, в объятия Свои.

84. Святая Церковь на земле то же, что кирпичный завод. Храм Богу окончательный строится на Небе, а кирпичи и прочее готовится на земле, в святой Церкви. Глину мнут, бьют, жгут – молчит и делается кирпичом, гожим для здания. Уподобляйся и ты сему в духовной жизни твоей – и явишься гожим для храма Божия небесного.

85. Когда сжать мех, наполненный водою, вода начнет бить из него фонтаном вверх, лишь найдет или прорвет отверстие. Стесняй и ты себя во время молитвы страхом суда – и вопль из сердца, как фонтан, устремится горе, взывая о помиловании.

86. В мире Бог строит Свое дело. И все силы небесные внимают. Внимай и ты. Все – средства. Цель единому Богу ведома. Все преходяще, един Бог есть сый существенно. Пребывай с Ним. Он везде есть существом Своим, а не ведением только. Зри, чтоб не быть осуждену, подобно кривляющимся и бесчинствующим пред лицом царя.

87. Как за младенцев крещаемых обязуются восприемники, заменяя младенцев в том, чего исполнить не могут они сами собою, так относительно отшедших, кои перешли в другую жизнь с действенным началом истинной жизни, не доведенной до конца, – то, чего они сами не могут исполнить для сего, исполняет для них общество верующих, пока очистятся и созреют. После того они воздают верующим своею о них молитвою. Се круговращение жизненных сил о Христе Иисусе, Господе нашем.

88. Во внутренняя за завесу никто делом не входит, только Господь Спаситель вошел так. Все же христиане входят,

которые входят, мысленно, или чувством, или созерцанием. Это есть состояние, а не движение. Оно плод всего строя. Завеса эта есть то, что Господь невидим: «положи тьму закров Свой».

89. Некто сказал: думается, что в большие праздники – Светлое Христово Воскресение, Рождество Христово, Сошествие Святаго Духа и другие, – равно как в дни воскресные и дни поминовений, отшедшим до времени очищения дается свобода бывать, где жили прежде, особенно у тех, кои молятся о них, и во сне являть им свое состояние в усугубление молитв или утешение.

90. Бога зреть в сердце, не умаляя Его величия, – как? Держа мысль, что Он есть сокровеннейший, и не облакая Его присутствия ни в какую форму.

91. Милосердый Бог хочет, чтоб твари Его разумные жили в радости: одни наслаждаясь присущим благобытием, другие, у которых благобытие расстроилось, утешаясь уверенностью, что сие есть в отношении к ним незаменимое средство к установлению их благобытия и здесь, но паче там. Не покоряясь благодушно тому, что присудил Бог, можно отнять спасительное действие у сложившихся обстоятельств и тем невознаградимо повредить себе.

92. Предшественники искушения, или возбуждения страсти, суть частые о том помыслы и давание себе льгот и утешений плоти. Надо отрезвляться.

93. Иное дело рассуждать о предметах веры, а иное веровать. В последнем знательно ничего не прибавляется, но бывает строй сердца другой и другой вкус в знакомом.

94. Бывает и так, что хоть дел худых нет, но состояние сердца худо. Бог отвергает такого, хотя на вид он и не худ. Присмотрись, не к этому ли роду людей принадлежишь и ты.

95. Бог устроит спасение каждого так: кто гож, того Он влечет к Сыну; Сын грядущего приемлет; принятого преобразует благодать Святаго Духа. Это первый период, приготовительный. Он длится с призвания до того момента, когда изречется в сердце: Бог есть действующий вся во всех – и рождается полное предание себя вседействию Божию. Отсюда начинается Божеское в человеке действие чрез человеческие, однако

ж, силы, или богочеловечное. Се – второй период. Третий период – покой в Боге, которому настоящее место там, но начало ему полагается здесь. Большая часть людей – в первом периоде; часть некая – во втором; третьего здесь достигают редкие, а там все, своим, однако ж, чином. Это и есть блаженство вечное.

96. Никто не знает Бога Отца, токмо Бог Сын и Бог Дух Святой; и Сына никто не знает, токмо Отец и Дух Святой; и Духа Святого никто не знает, токмо Отец и Сын. От сего взаимоведения – и взаимноволение, и взаимнодействие, кои, сходясь во едином, дают единоведение, единоволие и единоедействие. Как все Лица едино суть, то все суть во всем. Ни одно Лице ни в чем не бывает едино, исключая рождения и исхождения. Но и в отношении к сим последним подобает говорить: Отец, рождая Сына, ни в чем не отособляет Его от Себя и Духа; и Духа Святого изводит, ни в чем не отособляя Его ни от Себя, ни от Сына. Сын, рождаясь, не отособляется от Отца и Духа; и Дух, исходя, не отособляется ни от Отца, ни от Сына. Отец рождает Сына и Духа Святого изводит без воспервенствования и возбольшенствования над Ними. Равно Сын рождается от Отца и Дух Святой исходит от Отца, не делаясь чрез то послесущими, а пребывая сосущими Ему и не становясь меньшими Его, но пребывая равными Ему во всем.

97. Лица Пресвятыя Троицы, зная Себя взаимно и единаясь в сем знании, знают, что каждое из Них имеет то же, а не таковое же существо, которое имеют и другие. Отец, рождая Сына и изводя Духа, знает, что существо и у Них то же, что у Него, непереходно. Сын рождаемый знает, что существо Его то же, что у Отца и Духа. Дух исходящий знает, что существо Его то же, что у Отца и Сына. Таким образом у Них пребывает единосознание единства существа, или сознание, что при троичности Лиц Они суть един Бог.

98. Испытания необходимы по настоящему нашему положению. Находимся в плену. Как вырвавшийся из крепости вражеской много еще должен потерпеть, пока доберется до границы своего отечества, так и здесь.

99. Знания предметов веры бывают трех родов: рассудочное, или научное; опытное, образующееся под трудами по очищению сердца; и живое, даемое непосредственно вступившим в область света. Это последнее есть настоящее созерцание, которого начатки проявляются и на второй степени.

100. Постижение или узревание духовных вещей бывает в молитве. Но читательная молитва не дает сего – дает своя, или краткословная, с богомыслием соединяемая.

101. Как орган заведут – и он играет уже заведенную песню сам, так враг заведет мечтание в душе – и отходит, наблюдая. Мечтание уж само тянется и тянется. Когда кончится мечтание, враг подбегает и ухитряется завести другое мечтание – и опять отбегает и смотрит. Когда кончится это мечтание, подбегает и заводит третье и так далее. Если отобьют его, решительно отсекая всякое мечтание, он не спесив – отстраняется немного и все смотрит, как бы опять с другой какой стороны завести свое мечтание. И не отходит, пока не успеет в сем. В этом все его занятие. Когда в мечтании появится движение страсти, он подбегает и действует, чтоб увлечь и выманить сочувствие или даже согласие, полное или неполное. Если успеет в этом, учит далее, как привести задуманное в дело. И момента нет, чтоб он спустил с глаз душу и пресек свои против нее злоумышления.

102. Берущие крепость сперва обстреливают ее, потом делают приступ. То же и в духовной брани. Враг сначала стрелы помыслов пускает, потом, когда видит, что они слабо уже отражаются – слюбились, – делает сильный натиск чрез возбуждение страсти. Если в первом периоде душа держала себя как должно, то и во втором устоит мужественно.

103. Враг увлекает сластью греха. И Господь, отвлекая от греха, дает кающемуся и искренно обращающемуся на добрый путь ощутить сладость жизни в мире с Ним и совестью. Сладость сия чище, светлее и миротворнее сласти греха, всегда мутной и тревожной. Почему испытавший сладость Господню имеет в сем сильное орудие противостоять влечению сласти греха вражьей.

104. Когда заметишь порыв сделать что поскорей-поскорей, знай, что это от врага на вред или посмеяние тебе, как бы

светлым то ни казалось.

105. Дух Христов – полное самоотвержение и готовность жертвовать собою во славу Божию и благо ближних. Он отражается во всем естестве человека. Бесы как учуют его, так и бежат – дальше и дальше.

106. Враг непрестанно покушается осквернять сердце своими нечистотами – и успевает набросать в него вороха помыслов и нередко чувств греховных. Это бывает с спящим человеком, когда внимания не бывает. Проснувшись и заметив это, надо тотчас все очистить, чтоб и следа того не оставалось. Чем? Именем Господа Иисуса, «Ему же лопата в руке Его». Рукою в сей лопате – сокрушенное раскаяние и решимость вперед не просыпать вражьи козни невниманием. Рука, кою берется сия лопата, – вера с упованием, что Господь не оставит. Двигатель труда – ревность. Его поддержка и основа – несаможаление. Сходи, вооружившись всем сим, в сердце и чисть там все – и не бросай работы, пока не останется ни одной соринки вражьей.

107. Враг соблазняет только до ссложения, а там оставляет человека, и он доводит то до конца уже сам – так что дело делается им одним и он является кругом виноватым; враг же – в стороне. Дивно сие!

108. Когда враг видит, что кто-либо положил отказаться от рабства ему и вступить на путь добра, то прямо не поперечит сему, а спешит разбить твердость решения сторонним путем, именно: внушает такому человеку сделать какое-либо дело, из обычных его занятий, представив его неотложно нужным и заняв им все внимание. Когда внимание увлечется в дело и все его производство, тогда он успевает забрасывать мысли в поблажку тому, чем держим был человек в его рабстве. И бывает, что не успеет он кончить дело, как доброе намерение его расшатывается – опять пошло все по-старому.

109. Всякий человек обыкновенно действует сам собою – задумывает, обдумывает и приводит в исполнение с помощью Божиею. Но по временам всякий же бывает орудием действия вышних сил, от коих чрез него требуемое благо переходит или передается в окружающих его. Свидетельствуется и

сопровождается сие состоянием воодушевления на говорение или на сделание чего – когда говорит и действует человек не в силу соображений личных, а по неудержимому чувству и влечению. Внушаемое при сем сам он может и не удержать в себе. В таком случае он бывает одним лишь проводником, как желоб – проводником воды. Но может и усвоить то. В таком случае совершается им двоякое благо.

110. И в вере и в жизни надо установить единичное убеждение: в вере – что Бог сходил на землю и устроил нам спасение; в жизни – что ты куплен, почему должен работать без устали, в надежде вникнуть в покой и здесь еще, а не только там. Корень жизни – ревность по Богу, в преданности Его покрову, руководству и вседействию.

111. Всякий человек двойствен – и добр, и недобр. У иного доброе преобладает, а у иного – недоброе. Но и у первого не молчит недоброе, а при всяком начинании добром предлагает себя вниманию или прямо, или косвенно; и у второго не молчит доброе, а всегда напоминает о себе, при всяком недобром начинании. Думается иногда, что недоброе в нас есть некое лицо злое, привившееся к естеству нашему, доброму по творению, зорко за всем в нас смотрящее и непрестанно подстрекающее с своими предложениями.

112. Бодренность – непрестанное напряжение энергии внутренней, держащее душу и тело в струнку, – отсекается позывом покоя или почития на чем-либо тварном, с услаждением им и удовлетворенностью, помимо Бога и Божеского. Предметов на это бездна – все, что есть кроме Бога и Божеских вещей. Внимание пусть узревает это и отбивает.

113. На молитве в самом начале недоброе наше всегда предлагает какое-либо дело будто нужное, чтоб озаботить им. Если не остережется начинающий молиться, то уходит помыслом в предложенное дело, а о Боге и молитве забывает – кивает поклоны, как кукла. Чтоб избежать этого, надобно пред молитвою твердым помыслом все отбросить и приступить к молитве голою душою, чтоб она, совершая молитву, одну ее и имела в заботе.

114. Без дел и занятий нам быть нельзя. Бог дал нам деятельные силы, которые и требуют упражнения. У всякого потому есть свои дела и занятия. Они требуют внимания, но, с другой стороны, нравственное преспеяние, важнейшее всего другого, требует, чтоб внимание всегда было в Боге. Как согласить то и другое? Надо все дела и занятия делать как дела Божии, Богом на нас наложенные, и посвящать их Богу. Тогда, делая их, не будем упускать из внимания Бога, ибо при сем неизбежна забота, как бы все делаемое сделать благоугодно Богу.

115. Чтоб дела и занятия не поглощали всего внимания, надобно делать их без увлечения, не пристращаясь к ним. Навык на это надо приобрести, постоянно напрягаясь и располагая себя делать дела свои не потому, что к тому или другому душа лежит, а по сознанию долга. Определение же должного и побуждение к нему надо взять из области Божеской. Тогда занятие делами будет и усердно, и отрешенно – отрешенностию не в пустоту, а прямо к Богу. Тогда и приступая к молитве, ничего не будет стоить выбросить их из внимания. Да они и сами собою будут выпадать из него, как только руки от них приняты. Все же сие от навыка быть неотходно в присутствии Божиим и с благоговейным чувством.

116. Премудрый сказал: «начало премудрости страх» Божий. И некто из старцев говаривал: приобрети благоговейный к Богу помысл – и тогда все будет у тебя в порядке и внутри, и вне. Шаловливые школьники обыкновенно поднимают шум и гам, пока не придет учитель, но как только показался он – они все по местам, и тихо. То же бывает внутри от благоговейного помысла.

117. Благоговейный помысл Бог дает и прививает – но не даром, а ищущему и трудящемуся над этим. Лучший способ искания есть преутруждение себя в молитве и в церкви, и дома. Труди себя в сем без саможаления, а с желанием озлоблять себя за бывающие самоугодия. Ум же всегда держи в памяти Божией, или всегда ходи в присутствии Божиим. Но все такие труды – подготовка. Настоящий помысл благоговейный

благодать Божия прививает, или освобождает из уз. Ибо он естествен духу, но связан пришлою поврежденностью.

118. Когда ревность в силе, враг спокойно сидит в своей засаде, в телесном органе страсти, подстерегает, выжидая удобного времени для нападения. Как только внутри допустится некая льготность и желание послабления, он тотчас вылезает и начинает или подбрасывать помысл, или возбуждать движение телесное. Если это не будет с неприязнию отброшено, а, напротив, отзовется неким сочувствием, то вслед за сим он усиливает свои нападения, спеша разжечь страсть и вызвать сосложение, которое есть преддверие дела, если не будет изглажено. Как важно потому поражать врага во главу, то есть в первую его застрельческую мысль или движение! Чтоб не испугать, враг иногда после однократного или двукратного вызова сочувствия отступает, чтоб породить беспечность в боримом и внезапно опять поразить его с сильнейшим натиском. Держащему себя в бодренности и напряженной готовности противостать нападениям это не страшно.

119. Кончив молитву, не думай, что и вольно, но всегда будь, как будто стоишь на литургии,— да будет всегда бодр ум и целомудр помысл.

120. Господа Спасителя не разделяй в мысли на Бога и человека, но нераздельно созерцай Его яко Бога воплощенна, поклоняйся Ему яко Богу и уповай на Него.

121. Почитие на чем-либо, кроме Бога, чувство права на льготы, покой плоти, распушение членов суть опасные помыслы и действия, худоба которых, однако ж, редко сознается.

122. Надо веровать, что Господь в нас есть, ибо в крещении облакаемся в Него, в причащении приемлем Его. При недостатке такой веры молись: Господи, приложи мне веру — и приложит. И о всех пунктах нашего исповедания, относительно коих сознаешь слабость веры, также молись: приложи мне, Господи, веру. И не переставай, пока не приложит.

123. Созерцание Бога сокровеннейшим, как именует Его святой Ефрем Сирианин, в той мысли, что Он сокровен есть для всех тварей, для ангелов и святых,— есть высшее созерцание Бога и чистейшее. Оно есть прямое руководство к

тому, чтобы при помышлении о Боге не иметь воображений Его, а веровать лишь, что Он внутри есть, как и везде.

124. В движении к Богу шествие начинается мысленным деланием; из него при настоящем действовании рождаются чувства духовные; из них переходят к духовному созерцанию. Все сие идет не по системе какой. Бог ведет предавшего себя Ему, как Ему то угодно. Ты только делай свое – делай дела долга по семейству, гражданству, по Церкви, дела благотворения, подвижничества и молитвований – все как от Бога и для Бога. И Бог, везде сый и вся исполняяй, проведет тебя к Себе означенным путем.

125. Христиане приносят Богу жертву – Божественную – по Божескому учреждению. Никто и не домыслился бы до такой жертвы – и если б домыслился каким-либо чудом, не дерзнул бы приступить к совершению ее. Но Господь Сам и учредил ее, и заповедь дал: «сие творите», и действует в жертвоприношении Он же Сам, чрез посвященные лица. Наше же что? Дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно, с твердою решимостию не оскорблять великого Благодетеля и все творить прочее во славу Его.

126. Как достигнуть состояния неотходно стоять пред Богом? Начинай хождением пред Ним с соответственными чувствами. Отсюда придет страх Божий, который и доведет тебя до искомой цели. Это настоящий способ – духовный – к духовному состоянию. А механический, что у Григория Синаита, есть только подспорье и один не ведет к цели. Но с мысленными приемами необходимо соединять и деятельные: совесть блюсти чистою, плоть утончать, в молитвах пребывать – все в духе сокрушения и смирения с благоговеинством.

127. Блюди. Враг всячески покушается не допустить дойти до сего блага – все хлопоты его на это направлены. Первый его прием есть – подсовывать какие-либо дела и привязать к деланию их. Пусть они нехуды, но худо то, что, заняв мысль и чувство, отклоняют от главного, заставляя или отодвигать его на второй план, или совсем позабывать его на время. То и другое крайне опасно, особенно последнее. Второй прием его есть – навесить на то, чтоб дать покой плоти, допустить льготу в

пище, сне, отдыхе, разрешить себе вольнодвижения и свободу во впечатлениях на чувства. Все это будто мелочь, но крайне разорительно. Смотри в оба.

128. Со всяким напряжением потрудись дойти до того, чтобы дело содевания твоего спасения сознательно относимо было к Богу, в Троице поклоняемому, нераздельно, в едином акте сочетавая благоволение Бога Отца, окропление кровию Бога Сына и освящение от Бога Духа Святаго. По благоволению Отца благодать Духа с Господом единит в едино дух, душу и тело. И се спасение!

129. Человечество сочетано с Триипостасным Богом единым чрез второе Лице Пресвятыя Троицы. Ибо Сын Божий, воплотившись, не стал вне Триипостасного единства, а пребыл в нем. Он воплотился, как поет святая Церковь, «не оставль недра Отча». поскольку Он в Свое Лице восприял человечество, то вместе с сим оно сочеталось и с Триипостасным единством, в коем Он пребывает выну. Затем и всякий верующий, делаясь, по таинствам христианским, едино с Господом, также сочетается и с Триипостасным единством.

130. Милостивый Господь да даст нам дойти до узрения глубины оснований к страданиям Господа Спасителя. От века предопределено сие. Следовательно, входило в план мироздания и миронаправления к последней его цели. Непостижимо, как сие есть, но несомненно так есть.

131. Страдания Господа представляют лестницу, по коей Он сходил все ниже и ниже, не только до крайнего уничижения и истощания, но даже до воззвания к Богу Отцу: «вскую Мя еси оставил?!» Так глубоко падение наше! О, когда бы дал нам Господь постигнуть и ощутить весь ужас греха! Какая потребовалась жертва?! И милосердый Бог Триипостасный не отступил пред нею. О бездна человеколюбия!

132. Молиться надлежит, чтобы Бог даровал нам созерцать Спасителя, яко Сына Божия воплощенного и в сем вочеловечении пребывающего Богом, созерцая в то же время Его нераздельна суща и в Троице единосущной.

133. Таинство Тела и Крови есть вечера любви для верных, но прежде оно есть жертва. Во всем свете люди приносят Богу

жертвы. Истинная жертва есть одна наша, бесценная – Тело и Кровь Христа Господа. Она непрерывно стоит в Церкви, соединяя Небо и землю. О сем помнить подобает христианам. Ибо все повсюду верующие – одна Церковь. Почему деемое в одной частной Церкви не чуждо есть и всех частных Церквей, следовательно, и всех христиан.

134. Жертва бескровная Господом Иисусом Христом приносится, яко главою Церкви, со всеми христианами, и живыми, и умершими. Великая литургия такого есть смысла, где бы она ни была совершаема. Жертва бескровная силу имеет потому, что совершителем ее Господом объединяется с Его крестною кровною жертвою. Таким образом, все частные жертвы, сочетаясь с единою жертвою крестною, делают, что она чрез них ходатайственно восходит от всех и ходатайством своим покрывает их.

135. Господь Иисус Христос, яко глава Церкви, собирает молитвы всех и имеет их в Своем Лице ходатайственно представленными Богу Триипостасному, Коим и решается, чему быть, и решенное действуется единым триипостасным действием.

136. С утра, как проснешься, приведи на мысль, что опять вступаешь в хор творений Божиих, Бога славящих и воле Его покорных в природе и на Небе в чинах ангелов и святых, – и позаботься не отставать от них ни в славословии, ни в покорности воле Божией. Держи сие в сознании.

137. Все небесное – в превеликом свете. Триипостасное, трисиянное Божество сокровенно по неприступности Божественного света, который только умно созерцается. Но Бог Слово воплощенное хотя сияет светом такого сильного напряжения, до которого только может простираться тварный свет, однако ж таким, который приступен и созданным очам и восприимлетсЯ или вмещается по мере совершенства взирающей на Него твари. Окрест Его небесные бесплотные силы. Владычица Богородица ближе. Далее апостолы и пророки, богопросвещенные еще на земле. За ними второстепенные прииматели Божественного откровения воли Божией. Потом все святые в разных степенях – святители,

мученики, преподобные, праведные всех родов жизни. Все залиты светом, исходящим от лица Господа Спасителя, выше всякого описания. Ниже их – покаявшиеся, но не успевшие очиститься и идущие к очищению действием в покаянии принятой благодати и молитв Церкви земной и небесной, святых совершенных, прославленных на Небе. Тут свет по мере очищения начиная с «чуть брезжится» до сопредельностей с полным светом святых.

138. Молись так: Господи, Боже Отче Вседержителю, отеческим Твоим благоустроением обими и меня. Господи, Боже Сыне Искупителю, Божественною Твоею кровию окропи и меня. Господи, Боже Душе Святой Оживотворителю, Божественною Твоею благодатию оживотвори и мою умерщвленную грехами душу. Троице Святая, единосущная и нераздельная, Боже единый, везде сущий, все содержащий и все видящий, милостивым оком призири на меня, многогрешного, и имиже веси судьбами устрой мне спасение имени ради Твоего.

139. Когда сердце ощутит объятия Божии, тогда сладость, отсюда исходящая, дает человеку забыть все сущее. Если сумеет он сохранить сие, то отселе жизнь его начнет течь так, что быть умом в сердце пред Богом будет у него единым на потребу, все же прочее – побочным.

140. Верующий, ревнующий содевать свое спасение, вступил на верный путь ко спасению, но он еще не в доме спасенных. Надо ему течи, трудиться, бороться со страхом и опасением, аще достигнет.

141. Молитва Богом заповедана, чтоб благодать Его имела пред лицом правды Его основание к помилованию. Ибо несправедно оставлять без внимания молитву уповающих.

142. Без дела не должно быть ни минуты. Но есть дела, телом видимо совершаемые, и есть дела мысленные, невидимые. И такие суть настоящие дела. Первое из них есть память Божия неотходная с умно-сердечною молитвою. Этого никто не видит, однако ж лица, так настроенные, находятся в непрестанном напряженном делании. Это же есть и единое на потребу. Коль скоро оно есть, не заботься о других делах.

143. Бог на блаженство создал твари – и утешается ими. Как же скорби? Скорби, страдания, беды – путь к блаженству. Утешается Господь и скорбящими, потому что они идут прямо к блаженству. Блаженство – чрез скорби и страдания; таков закон. Бог и благоволит, да страждем. И помогает страждущим – не избавиться, а претерпеть. Избавление от страданий есть исключение из общего закона.

144. Благодарю Бога прежде за то, что, беспредельно великий, тебе, ничтожнейшему, позволяет отверзать уста свои и беседовать к Нему в молитве. Ибо сие молитвенное к Богу обращение и взывание есть условие получения милостей Божиих, хотя Бог и без того знает, что кому нужно. Моление есть отверстие уст к принятию благ от Господа, но благ, какие даровать тебе Он благоволит, а не какие ты пожелаешь. Оттого не все просимое получается. И не проси так: подай неотложно. Но говори: буди воля Твоя. Поможешь – слава Тебе, и не поможешь – слава Тебе. Даруй только терпение. Моление твое да будет простертием рук к принятию дара, какой и когда благоугодно будет Господу подать тебе.

145. Не выпускай из мысли, что вот-вот конец – и суд. Каждую минуту жди, что крикнут: такой-то, выходи – как на экзаменах. И с этим припоминай, как явишься и что принесешь в оправдание. Как нечего, то и взывай: Господи, помилуй! Боже, милостив буди мне, грешному! Сына Твоего ради, за нас распявшегося, прости все и покрой все грехи мои.

146. Ходи в присутствии Божию, но без умаления чувства величия Божия. Беспредельно великого зри умом Бога, зрящего внутрь сердца твоего и все там видящего.

147. Церковь – живое тело, живо сочетанное с главою своею – Господом Спасителем. Всякому верующему надлежит восходить к чувству живого союза со всеми верующими и с Главою (у истинных христиан естественно сие бывает) – и в сем чувстве возноситься в молитве к Господу, а чрез Него и к Пресвятой Троице. Пояснение сему найдешь в каждом члене тела нашего. Если б дать ему сознание, он тотчас сознал бы, что и со всеми прочими членами, начиная с ближайших, соединен, и с головою, а чрез них и со всем сущим.

148. Возуповавшему на Господа надо чувствовать себя так, как чувствует себя находящийся в неприступной крепости – безопасным от всех врагов,– или так, как чувствует себя принятый под покров могущественным царем и им защищаемый.

149. Не выпускай из мысли надежд и обетований христианских – и определенных для этой жизни, и отложенных на будущую. Это вседейственно будет оживлять и поддерживать энергию нравственных сил твоих. Трудись положенным образом, трудись неустомимо в молитвах, пощениях, благотворениях сколько сил есть. Если будешь так действовать, скоро придет покой совести; затем начнется умиротворение сердца в знамение того, что страсти стали замирать – ибо от них все тревоги сердца. Когда сердце совсем умиротворится, это будет значить, что страсти замерли. Тогда жди присещения Божия: благодать воссияет – и ты осязательно ощутишь присутствие в себе Триипостасного Бога, по обетованию Господа Спасителя. Это преддверие рая. Таковы обетования для сей жизни. И они точно исполняются во всех безжалостных к себе ревнителях о спасении. Что же на том свете будет, того и вообразить мы не в состоянии. Так вот, как только придет позыв польготничать и поленишься, скорее воспомянай сии обетования – и победишь разлечение. Ибо при этом должен будешь подумать и о том, что чем неопустительнее и неотложнее будешь делать все, тем скорее получишь искомое. А если будешь прилениваться, то может случиться, что и совсем ничего не получишь. Ибо даемая себе льгота после трудов вменится в награду за них – и дать тебе что-либо не за что.

150. От принятия таинств всегда получается благодать – и бывает в нас,– но не всегда тотчас и внедряется. Кто как следует подготовился, у того внедряется, а кто не подготовился, у того не внедряется, хотя бывает внутри. Тут то же бывает, что в печи, когда разжигают огонь. Дрова наложены, вложена и поджошка. Но пока огонь не займется в дровах, дотоле они и поджожки – друг подле друга; а когда займутся, тогда огонь поджожки переходит в дрова и продолжает занимать их полено за поленом, пока не займет всех. Мы – сырые дрова.

Как поджожек не зажжет сырых дров, пока не обсушит место огню, так благодать, принятая нами – сырыми от грехов и страстей, – сначала обсушает некую часть нас (если этого прежде не сделано), чтобы внедриться, и, когда обсушит, – внедряется. Внедрившись же, продолжает иссушать часть за частью нашего естества от сырости страстей – и внедряться в них, пока всего не обымет и не исполнит собою. Первое внедрение благодати свидетельствуется неким огнем в сердце. Это и есть начало благодатного очищения и переделания всего внутреннего. Оно привлекает наибольшие труды и среди их совершает свое дело. Конец сего – проявление благодатных даров; но и это не конец востечения по степеням совершенства. И апостол Павел говорил: "гоню". Иные это первое действие благодати (огонек в сердце) почитают конечным – и руки опускают. От сего действие то увядает и угасает, а они остаются живущими лишь памятью о нем – мнящими, однако ж, что оно в них в настоящем виде.

151. Бог хочет, чтобы мы докучали Ему в молитвах, не ради Его – Он все знает, – а ради нас самих, чтобы мы всегда были готовы принять милость от Него, когда ни благоугодно будет Ему даровать нам ее. Молитва есть простертие рук к Богу, для принятия Его милости. Кто всегда молится, у того всегда руки простерты; и когда ни возблаговолит Господь даровать ему милость, он всегда готов принять ее. Представь себе благодетельного человека, который не в определенный час раздает сам милостыню, имея обычай влагать ее в руки, когда они простерты, и миновать того, кто, засмотревшись по сторонам, не простирает рук. Таким образом, из пришедших имеющие простертыми руки всегда получают, а не имеющие – не получают. После хоть не проси. Так и Бог, когда раздавать будет Свои милости, не сказывает, а говорит только: имейте всегда простертыми ко Мне руки в молитве, чтоб, когда ни рассужу давать милости, вы были готовы принять. Таким образом, кто всегда молится, тот никогда не пропустит милости, а кто не всегда, того не дивно, что и минует милость.

152. Осязательное показание падения нашего есть тяжесть души на подъем горе – к Богу и небесному. Сколько

требуется для этого внимания и напряжения сил?! И все же душа парит долу, как туман, стелющийся по земле, и не свободно горе взлетает.

153. Веруя в силу Пречистых Таин, что се есть воистину Тело и Кровь Господа, нельзя не веровать, что тут предстоят и ангелы всякий раз, как совершается таинство сие.

154. Как в притче квас, вложенный в муку, непрерывно действует, производя вскисание ее, пока не доведет всей массы ее до полного вскиснутия, так восстановительные силы, положенные чрез воплощенное домостроительство не в человечество только, но и во всю тварь, действуют и производят свое дело. Как и что делается в общей области бытия, для нас незримо, но что делается в Церкви и особенно в каждом верующем, сие видимо. Господь Спаситель, благодать Святаго Духа, ангелы-хранители, святые Божии и все устроение святой Церкви воссоздают и благоустрояют души и чрез сие полнят Царствие Божие. И будет так идти, пока исполнится все предопределенное. Слава беспредельному человеколюбию, и нас введшему в сие течение спасительного возустроения всяческих с обетованием ввести и в совершенное Его Царство, если явим себя того достойными.

155. Когда глубоко бывает возмущена душа движениями какой-либо страсти, тогда она теряет надолго мирное устроение, делается неустойчивою, шаткою и к молитве негожею. Оставляет ее Господь – и она влается. Покаяние и напряжение к собранности готовят, а святое причащение совершенно восстанавливает должный строй души.

156. Бог, создав мир, дал всему течение, сообразное с целию мира, Ему единому ведомой. Силы мировые по положенным в них законам непрерывно действуют сами, поддерживаемые вседержительною десницею Божиею только в бытии своем. Но Бог вездесущий и все содержащий нередко входит в течение вещей, сим образом идущее, особенным воздействием, там или здесь, не по ошибочности направления действующих физических сил, но по особым Своим планам, выполнение которых не могло быть вверено физическим силам ни по частям, ни в их совокупном действовании. Это особенно

видится необходимым по причине свободы разумных тварей, по коей они могут уклоняться от направления, волею Божиею им определенного в общем плане бытия. Так как такое уклонение расстраивает общее течение к цели по плану миробытия, то необходимо возвращать их к должному направлению, чтоб общая цель была достигнута. Это и совершается особенными непосредственными воздействиями Божиими помимо естественных сил. Центральное воздействие сего рода есть воплощенное домостроительство, около которого вращаются и все другие.

157. Есть умовая жизнь – и вера умовая по умовым основаниям; и молитва умовая, в умственных представлениях движущаяся; и деятельность умовая по определениям ума. И это жизнь, но не настоящая. Сердца тут нет, и ему оставляется возможность настраиваться своим образом независимо от умствований. Шевелится и оно под впечатлениями от умовых представлений, но поверхностно, подобно тому, как поверхность вод шероховатится от легкого дыхания ветра. Как такого рода действие не проходит в глубь сердца, то его образование и строй идут своим чередом – может быть, совсем не отвечающим умовым построениям.

158. Благодатные дары Божии разны – и разные дары бывают разных степеней. Так и в естественном порядке: кто к живописи, кто к музыке, кто к ваянию, кто к другому чему является наиболее способным; и в каждом роде способности сии в разных обнаруживаются степенях. Сколько, например, видим способных к живописи, но иной посредствен, другой очень хорош, третий превосходит. И все они, не исключая и последних, бывают еще только подражателями. Выше их – оригиналы. Так и в духовной жизни. Молитва, например, есть дар, но молитвенники являются стоящими на разных степенях молитвы. Так бывает и в деле веры, и в трудах благотворительности, и в подвигах самоотвержения, и во всем. Надо полагать, что это зависит от самого человека. Бог же щедр и готов ущедрять всех без различия, сколько кто вмещает или сколько кто велику успевает образовать в себе вместимость.

Тут, однако ж, тайны Божия промысления о всех и о каждом. Ибо все от Бога и природное, а не одно благодатное.

159. «Отец Мой доселе делает, и Аз делаю», сказал Господь. Конечно, и Дух Святой делает нераздельно с Ними. Что делают? Ведут мир к последнему его назначению, Единому Триипостасному Богу ведомому. Как? Посредством дел, назначенных каждой твари. Твари вызываются к бытию, чтоб каждая в своем месте и в свое время сделала свое определенное дело. Деланием каждую тварию своего дела мир движется к своему назначению. Подобие сему – оркестр духовой музыки. Разумным тварям надлежит сие сознать – и всеусердно делать, что кому подобает в своем ему кругу.

160. Последним концом движения мира можно признать одухотворение его в разумных тварях нравственным порядком, а в прочих – иным некаким.

Повод так думать подает святой Павел, говоря, что тело наше в будущем веке будет не только нетленно, но некако душевно и даже духовно. Как оно и тогда не будет отособлено от всего концерта бытия, но будет состоять в существенной со всем связи, то надобно заключить, что все будет соображено с ним, то есть не онетленено только, но и одухотворено. Сие одухотворение мы видим содевающимся в разумных тварях в силу воплощенного домостроительства. Но надо полагать, что оно в силу того же домостроительства содевается также и в мире вещественном, только невидимо, – полагать надо так по беспредельной великости воплощенного домостроительства. Но в конце мира сие невидимое явится видимо, и все будет одухотворено. Не это ли значит: «будет небо ново и земля нова». Этот их вид, что теперь, и состарится, и исчезнет.

161. поскольку первое Божие о человеке определение есть, чтоб он был в живом союзе с Богом, а союз сей выражается, когда кто умом и сердцем живет в Боге, то коль скоро кто стремится к такой жизни и тем паче делается причастным ее в какой-либо мере, о том надо говорить, что он исполняет задачу жизни, для которой введен в течение бытия. Да сознает сие трудящийся в сем роде жизни и да не смущается, что не делает

явно каких-либо дел, особенно важных. Это одно совмещает все дела.

162. Триипостасный Бог ведет мир к последнему назначению. Как неотложное условие законченности миробытия есть спасение людей, то все попечение Божие на это теперь и устремлено. Только и заботы у Него, чтоб грешных обращать и обращенных очищать и одухотворять. Для сего все воплощенное домостроительство, для сего ангелы и святые. Все силы направлены на это, и все непрерывно действуют в сем роде по Божью мановению. А все – не все спасаются. Оттого, что Бог никого не неволит. Волящих же какой процент бывает, всякий может судить по процентам, в каких являются совершенные во всех родах.

Не внешне только надо держать добрую исправность, но и в сердце содержать то. Это главное дело

Прошлый год с этого воскресенья начал я вам объяснять, в чем состоит путь, ведущий ко спасению, и в несколько бесед мы дошли с вами, если припомните, до следующего определения: узнай и сердцем содержи все, чему учит святая Церковь, и, приемля Божественные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия и молитвования Церкви, иди неуклонно путем заповедей, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей – и несомненно достигнешь Царствия Небесного и спасешься. Я нарочно повторял тогда несколько раз это правило, как повторяю и теперь, с тем, чтобы вы легче могли утвердить его в своей памяти. Но при всем том я не думал сказать вам что-либо новое, а хотел только порадовать вас, возведши до сознания, что все, чем мы чаем угодить Богу и душу свою спасти, есть действительно Богом нам дарованный, единственный путь ко спасению, а обрадовавши – возбудить живейшую ревность идти сим именно, а не другим путем – без колебания, без отставания и без блуждения.

Теперь что остается? Остается идти. Пойдем же, чтоб иначе к нам не относился укор Спасителя к иудеям за то, что они не хотели воспользоваться указаниями Иоанна Предтечи: «он же светильник горя и света», говорил Спаситель, «вы же восхотесте возрадоваться в час светения его» (Ин. 5, 35). То есть Иоанн Предтеча указывал им путь жизни в Христе Спасителе, а они не последовали совету его. Что тогда было, то может быть и теперь и во всякое время. Можно стоять при пути спасения, колеблясь недоумениями, точно ли этот путь есть единственный путь и нет ли другого поудобнее и попривольнее. Можно и веря в истину и неотменность пути сего спать при нем в беспечности или отлагать самое шествие день ото дня. Можно стоять и дивиться на всех мимоходящих путем тем, не двигаясь с места, или вступать на него и опять сходить, вступать и

сходить. Как жаль, имея так верным получение вечного спасения, в день распределения участи всех оказаться лишенным его!

Не думаю, чтоб кто-нибудь из вас принадлежал к какому из сих классу. Избави вас, Господи!.. Но можно еще вот в каком состоянии находиться: думать, что идешь, а между тем нейти; можно двигаться, не подаваясь вперед, подобно мулу, поворачивающему рушальное колесо. На это и прошу обратить внимание.

И здесь может быть не один случай. Укажу вам главный. Это бывает тогда, когда кто останавливается на одном внешнем, не обращая внимания на внутреннее настроение сердца, между тем как поступательное движение в Царствие совершается не иначе как в сердце и сердцем. Оно похоже на восхождение воздухоплавательного шара вверх. Впускают в сей шар высшую, легчайшую стихию, и он поднимается кверху сам собою. То же и в деле шествия ко спасению. Приемлет кто небесные Божественные стихии сердцем, подобонастроенным к тому, – и восходит духовно к Небу – в духовных совершенствах. И чем более приемлет тех, тем выше поднимается, идя прямым путем в Царствие Небесное. Так, все в сердце; а иной, не имея ничего в сердце и только делая дела внешние, неизбежные при сем, может думать, что он идет в Царствие, тогда как на деле нейдет.

Итак, ревнуя о спасении, все внимание должно обращать на устройство сердца, или на впечатление в нем истинно христианских чувств и расположений, хотя при пособии всего того видимого устройства, которое необходимо входит в состав спасительного пути. Не должно, например, ограничиваться одним знанием Символа и даже всего Катехизиса, а надо сердцем приять и сердцем возлюбить всякую изреченную там истину; не должно довольствоваться одним внешним участием в молитвованиях Церкви, а надо и умно – в сердце – возноситься к Богу; не должно останавливаться на одном доброделании, телом совершаемом, но надо воспитать в себе еще добрые чувства и расположения и прочее. Ибо чего нет в сердце, того и на деле нет.

Если нет веры в сердце, то ее совсем нет, хотя бы кто писался православным. Если нет воздыханий в сердце, нет их и совсем, хотя бы кто воздух колебал или и бил себя в перси. Если нет страха Божия в сердце, нет его и совсем, хотя бы кто видом казался исполненным благоговения. Если нет чистоты и отрешенности в сердце, нет их и совсем, хотя бы кто чист был телом и ничего не имел из благ мира. Если не бывает человек сердцем в храме, нет его здесь и совсем, хотя бы он тут стоял телом. Так, все надо совершать сердцем. Сердцем любить, сердцем смиряться, сердцем к Богу приближаться, сердцем прощать, сердцем сокрушаться, сердцем молиться, сердцем благословлять и прочее и прочее... Ибо каков кто в сердце, таковым зрит его Бог с высоты Своего престола и соответственно тому принимает его. Каин и Авель приносили жертвы вместе, но Бог «призре... на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят» (Быт. 4, 4–5). Мытарь и фарисей молились вместе в церкви, но мытарь принят, а фарисей отвержен. Где причина таких отличий? В настроении сердца. Почему Бог и требует словами премудрого: «даждь ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23, 26). И пророк Давид влагает нам в уста такую молитву: «сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс. 50, 12).

Каково должно быть настроение сердца, свойственное христианину, идущему незаблудно путем спасения, это я по временам буду объяснять вам мало-помалу хотя в главных чертах. Аминь.

13 ноября 1860 г., в 25-ю неделю по Пятидесятнице

Каков кто в сердце, таким имеет его Бог и так относится к нему

В прошедшей беседе я навел вас на мысль, что главное в нашей жизни есть настроение сердечное и что каков кто в сердце, таковым того имеет и Бог, несмотря ни на какие внешние отличия и преимущества. Хочу и ныне остановить внимание ваше на той же мысли, чтоб научить вас ценить свои движения внутренние и таким образом расположить – строже смотреть за своим сердцем и за всем, что входит в него и исходит из него.

Не буду для этого входить в рассуждения. Представляю только несколько случаев и примеров из слова Божия и житий святых в подтверждение сей истины.

Вот и в читанном ныне Евангелии представляется богач, который, как обычно зажиточным, задумал перестроить житницы свои по случаю обильного урожая. Ничего нет тут укорного. И за это не укоряет его Господь. Но между тем как он это задумал, из сердца вышло такое помышление: ну теперь только ешь, пей и веселись; не о чем заботиться и нечего бояться. Кажется, не велико слово. Но что значило оно?.. Оно значило, что он сердцем отвратился от Господа и весь прилепился к богатству, на него одно полагаясь и в нем чая иметь верного хранителя и всегдашнего защитника, поставляя его, таким образом, для себя в бога. Никто сторонний не видел в нем такого помышления. Но его зрел Бог с Небеси святого Своего – и тот же час дал ему должный ответ: «в сию ночь душу твою истяжут от тебе» (Лк. 12, 20). Лег он, не предвидя никакой опасности, а утром найден умершим. Вот суд Божий не по внешнему, а по сердцу. Сколько, братие, знаем мы случаев скоропостижной смерти! Но кто знает, не ответ ли это правды Божией богопротивному настроению сердца, делающему человека недостойным жить в богоуправляемом мире, – настроению, о котором, думали, может быть, умершие, и Бог не знает, как никто не знает из людей!

Предложу вам и еще опыт суда Божия.

Известно вам, что народ израильский был возлюбленный Богу. Сколько милостей явил к нему и как часто необыкновенным образом спасал его Бог!.. Израиль с своей стороны служил Богу по закону, данному Самим Богом, и хвалился пред всеми народами именем Господа Саваофа, Которому служил. Войдемте же теперь мысленно в храм их и посмотрим, что там... Приносятся жертвы онов и тельцов, возжигается кадило, поются псалмы; и это в новомесячие, всякую субботу и праздники – все по закону Божию. Смотря на сие, мы бы сказали: благочестивый народ! Как приятно Богу смотреть на эти дела их веры и богопреданности! Но вот является пророк Исаия, и послушайте, что говорит об них от лица Божия: «Сodomляне вы, гоморряне вы... семя лукавое... язык грешный! .. Что Мне в жертвах ваших... кадило ваше – мерзость Мне... праздники ваши ненавидит душа Моя... И не приходите являться сюда пред лице Мое...» Слыша сие, вы готовы спросить в изумлении: за что, Господи, гнев такой? И вот вам ответ: за то, что сердце их исполнено лицемерия, лукавства, грабительства, жестокосердия ко вдовам и сиротам, неправосудия, плотоугодия и разврата. Вот что было у них на сердце!.. А снаружи посмотреть – они, кажется, все были исправны.

Еще разительнее то же самое изображает пророк Иезекииль. Сидел, говорит, я в доме моем, и взял меня дух и поставил меня – в видении Божиим – в Иерусалиме, в преддверии храма... Здесь увидел я одну скважню в стене. Муж, явившийся при сем, сказал мне: раскопай, – и я раскопал. Тот сказал: войди и виждь беззакония злая, яже творят сии здесь! Я вошел и увидел: на стенах изображено всякое подобие гада и скота и суетная гнушения и мужи израильские кадят пред ними, каждый держа свою кадельницу в руке (Иез. 8). Что это такое? Было это на деле? Нет. Этим изображалось то, что каждый помышлял на ложе тайнем своем, говоря: не видит Господь. Животными указывались страсти, коими полно было сердце их, а каждением – рабство сим страстям. Таковы были израильтяне по сердцу!.. Но кто это видел?.. Никто сторонний... Видел Бог и чрез пророка произнес Свой суд над ними по тому,

каковы они в сердце. За то, говорит, что они предались нечистотам, говоря: не видит Бог. А Я вот есмь... «не пощадит их око Мое, и не помилую» (Иез. 9, 9–10). Вот как вышло. А по внешнему поведению они могли казаться честными.

Припомните в житии Андрея, Христа ради юродивого, как ему открыто было внутреннее настроение одного человека. Все чтили сего человека за трудолюбие, приветливость и воздержание. Но святой Андрей, подошедши, увидел змия сребролюбия, обвившегося вокруг шеи его. Вот одно было в наружности, а другое внутри.

В другой раз – шел кто-то, мужчина или женщина, не помню. На вид ничего худого не видно было, но открылись очи у святого Андрея, и он увидел ангела, зажавшего себе нос. На вопрос, что это значит, ангел сказал: нестерпимо зловоние блудной страсти, коею обладаемо сие лицо. А наружность ничего такого не представляла.

В житии Евфимия Великого рассказывается, что был в их стране старец, всеми чтимый и много всех пользовавшийся своими наставлениями и советами. Все считали его святым и богоугодным. Но когда он был при смерти, пришел другой старец и увидел, что бесы окружают одр его и с торжеством ожидают исхода души его... Видите, как все думали и как оказалось на деле!

Рассказывали также, что в Египетской пустыне был старец, который, когда присылал кто к нему какое подаяние, тотчас угадывал, что было на душе у того, кто присылал, и всегда говорил ученикам: тут кровь или слезы, это отдается корыстию, а это – нечистотою плотскою или тщеславием и гордынею.

Много бывало и других случаев, показывающих, что вся сила в настроении сердца и что каков кто по сердцу, таковым имеет его Бог, ангелы и все святые. Но довольно и этих, чтоб увериться вам, что так есть... Обратимся теперь к самим себе!

Если б открылись у кого очи умные и он осмотрел нас, здесь теперь собравшихся, что бы открылось?.. Даруй, Господи, всем нам быть и пред Богом по силе нашей безукоризненными, как мы почитаемся и желаем быть почитаемыми между собою взаимно в наших отношениях. Но, братие, к чему тут слово

лести? Не обольщайтесь самоуверенностью, войдите внутрь себя и разберите тонкие помышления и устремления сердца вашего – каждый своего – и по тому судите о себе и определяйте без лицепрятия, что вы – зная, что таковыми, а не инаковыми открыты вы Богу и всему духовному миру. А затем худое исправляйте в себе, а доброе насаждайте. Кто-то из святых отцов изобразил сердце сосудом, полным всяких гадов и змий, которые всякий раз, как замышляет человек сделать что, выходят из него и, если дело худо, питаются им, а если хорошо – покушаются осквернить его ядом своим. Если человек внимателен к себе, то, не допуская дел худых и тем не давая пищи змиям, истощает их и, отревая их покушения осквернить добрые дела свои, поражает их во главу. Продолжая неустомимо свой труд все в одном роде и духе, он наконец убивает сих змий и мертвыми выбрасывает вон. Змии суть страсти и склонности худые. Смерть их – очищение сердца от страстей. Вот об этом и поревнуем. Грехи делать перестанем, а добрые дела станем творить так, чтоб к ним не примешивались никакие худые чувства и расположения. А если что проскользнет, будем очищать то покаянием. Делая так, чистыми явимся мы не только пред людьми, но и пред лицом Бога всевидящего... Даруй, Господи! Аминь.

20 ноября 1869 г., в неделю 26-ю по Пятидесятнице

Вводит внутрь и показывает, что там

Не раз уже я предлагал вашему вниманию ту простую истину, что в христианстве существо дела состоит в настроении сердца, во внутренних расположениях, или внутренней нашей деятельности, с чем, думаю, вы сами были и пребываете согласными. Но доселе еще не покушался вместе с вами войти внутрь, подвергнуть рассмотрению все бывающее там, чтобы каждый чрез то навык различать потом в себе доброе и худое и соответственно тому обходиться с собою. Сделаем это теперь.

Смежите же внешние чувства ваши, обратите око внимания внутрь и смотрите, что там.

На первый раз вы ничего там не увидите – не потому, чтоб там не было ничего, но потому, что там слишком много всего и все сбито и бродит в беспорядочном смятении. Вы будете испытывать то же, что испытывают в густой туман. Как в сем случае туман, как стеною, отражает от нас все предметы и сокрывает их в себе, так кто в первый раз обращается внутрь себя, тот видит, что, как мрачным покровом, закрыто все его внутреннее. В этом можете удостовериться теперь же.

Но не прекращайте труда самоуглубления. Потерпите немного в сем труде, и вы скоро начнете различать мало-помалу происходящее внутрь вас подобно тому, как вошедший снаружи в слабоосвещенную комнату, постоявши немного, начинает один за другим различать находящиеся в ней предметы.

Усугубьте же внимание и смотрите: вот предмет, который вас занимал, отошел – его место заступил другой; этот тотчас замещен третьим; не успел этот показаться, как его теснит четвертый, гонимый в свою очередь пятым, и так далее. Одно помышление спешно сменяется другим – и это так быстро, что всегда почти нет возможности дать себе отчета в том, что прошло чрез нашу голову. Эта подвижность помышлений не оставляет нас не только в промежутках занятий, например при переходах с одного места на другое, но и во время их, как бы важны они ни были: и во время молитвы здесь, в храме, или

дома, и во время чтения и даже размышления углубленного и прочее. Обычно называют это думанием, в существе же дела это есть расхищение ума, или рассеянность и отсутствие сосредоточенного внимания, столько нужного в деле управления самим собою. Вот это и поставьте первую чертою нашего внутреннего человека. Подобие ему – смятение снежинок, падающих при ветре, или толчение насекомых в воздухе в летние вечера. Противоположное ему состояние у святых есть внимание ума, по которому ничто самовольно не входит в голову и не выходит из нее – все подчинено свободе и сознанию, в коем обычно пребывает один Бог и лицо, Его созерцающее. Между сими противоположностями стоят разные степени душ, потеющих в борьбе с помыслами и ревнующих об умиротворении их.

Присмотритесь еще внимательнее – и вы различите в себе, под этим смятием помышлений в уме, в воле постоянную заботу об устройении своего быта, которая непрестанно точит душу, как червь, гонит человека-труженика от одного дела к другому, устремляя его все вперед по недовольству ничем обладаемым и при производстве одного всегда представляя сотни других дел, будто неизбежных. С первого пробуждения нашего от сна осаждает душу забота и не дает нам ни посидеть на месте, ни поговорить с кем как должно, ни даже поесть спокойно, пока не свалит утомленных в глубокую ночь на отдых, в свою очередь возмущаемый заботливыми сновидениями. Эта болезнь именуется «многозаботливостию», которая снедает душу, как ржа железо. Ее и поставьте второю чертою бывающего внутри нас. Противоположное ему свойство святых есть беспечалие, которое не есть беззаботность, и смиренный труд – правильный – в предании себя и своей участи всепромыслительному попечению Божию. Сердину между ними составляет борьба – самопромышления с смиренным преданием себя промыслению Божию при посильном и своем труде.

Смотрите еще глубже – и вы должны увидеть внутри пленника, связанного по рукам и ногам, против воли влекомого туда и сюда, в самопрельщении, однако ж, мечтающего о себе,

что он наслаждается полною свободою. Узы сего пленника составляют пристрастия к разным лицам и вещам, окружающим его, от которых больно нам отстать самим и болезненно расстаться, когда другие отнимают их у нас. Как на удочку попавшаяся рыба плавает еще, но никак не дальше, как позволяет нить, к коей прикреплена удочка; или как птица в клетке летает и ходит, но никак не далее пределов клетки – так пристрастия оставляют еще душе свободу действовать, как хочет, пока она не касается предметов их. Коснись дело до сих предметов, душа никак не совладает с собою. И чем больше пристрастий, тем меньше круг свободы. А бывает и так, что иной всем связан и не в силах сделать движения в одну сторону без того, чтоб не причинить себе боли с другой. Подобно тому как идущий где-либо в лесу и запутавшийся там и руками, и ногами, и платьем в прилипчивую траву, каким бы членом ни двинул, чувствует себя связанным, таким точь-в-точь чувствует себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьею чертою нашего внутреннего состояния – «пристрастность». Противоположное ему свойство святых есть отрешенность от всего, свобода сердца, внутренняя независимость. Средину между ними составляет работа над освобождением сердца от пристрастий.

Расхищение ума, многозаботливость и пристрастность – это еще не вся доля наша. Хотя они качествуют внутри, но все еще витают как бы на поверхности сердца. Приникнем глубже вниманием к сему сердцу и прислушаемся к тому, что там. Упрежду ваше соображение сравнением. Путник в горах видит пещеру, вход в которую прикрыт разросшеюся травою, внутри – мрак. Приложив ухо, он слышит там шипение змей, рычание и скрежет зубов диких зверей – это образ нашего сердца. Случалось ли вам когда наблюдать за движениями его? Попробуйте сделать это хотя в продолжение небольшого времени и вот смотрите, что вы можете там увидеть. Получили неприятность – рассерчали, встретили неудачу – опечалились, враг попался – загорелись местию, увидели равного вам, занявшего высшее место, – начинаете завидовать. Подумали о своих совершенствах – заболели гордостью и презорством. А

тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, лень, ненависть и прочее одно за другим поражают сердце. И это иногда в продолжение нескольких минут. Все это исходит из сердца и в сердце же возвращается. Справедливо один из подвижников, внимательных к себе, созерцал сердце человеческое полным змий ядовитых, кои суть страсти. Когда загорается какая-либо страсть – это то же, как бы змий выходил из сердца и, обращаясь на него, уязвлял его своим жалом. И когда возникает змий – больно, и когда жалит – больно... Ужаливая, питается он кровию сердца и тучнеет; тучнея, делается более ядовитым и злым и еще более тиранит сердце, в коем живет. Так бывает не с одною только страстию, но со всеми, а они никогда не живут поодиночке, а всегда все в совокупности, одна другую заслоняя, но не истребляя. Таково сердце человека, греху работающего, кто бы он ни был. Противоположное сему сердце святых свободно от страстей, или украшается бесстрастием. В середине стоят борющиеся со страстями и похотями под знаменем подвигоположника Господа, в Его всеоружии.

Довольно! Не распространяюсь далее. Но что же, поредел ли теперь для вас мрак, сокрывающий наше внутреннее?.. И если поредел, на радость ли это или на горе? Горе рассеянным, многозаботливым, привязанным к чувственному и терзаемым страстями! Блаженны, напротив, души, внимательные к себе, упокоившиеся в Боге, отрешенные от всего и сердце свое очистившие от страстей! Благословенны и труды тех, которые, оставя пагубы первых, стремятся востечь к блаженству вторых! Куда же кого из вас поставит совесть ваша? Желал бы, чтобы вы все принадлежали к числу блаженных, наслаждающихся совершенством в Господе. Если же это не есть удел наш, будьте по крайней мере в числе работающих и воющих за получение сей почести вышнего звания. Но никто да не остается в числе беспечных, пораженных нечувствием и слепотою и в сем нечаянии терзаемых страстями среди рассеяния мыслей, забот и всякого рода пристрастий. Аминь.

11 декабря 1860 г., в неделю 29-ю по Пятидесятнице

Признак внутреннего благодатного оживления о Господе

«Бог... богат сый в милости, за премногую любовь... еюже возлюбил нас, и сущих нас мертвых прегрешеньми, соживил Христом: благодатию естє спасени» (Еф. 2, 4–5) – так учит нас ныне святой апостол Павел. Бог нас, мертвых прегрешеньми, соживил Христом. В сем существо христианства! Ради сего Господь приходил на землю, и к сему направлено все устройство нашего спасения во святой Церкви! Пали мы и умерли. Восстаем во Христе – и снова жить начинаем.

Но, братие, сие умертвие и сие оживление из мертвых не есть какое-либо дело видимое, осязаемое, а есть нечто незримо совершающееся внутри – в сердце человека. Апостол Павел говорит о язычниках: вы были мертвы (Еф. 2, 1), потом прибавляет: и мы, то есть иудеи, были мертвы, когда были подобны вам (Еф. 2, 5 и далее). Так, и язычники, и подобные им иудеи, по апостолу, до принятия Христа Спасителя были мертвы. Между тем ведь они ходили, говорили, трудились, торговали, судились и прочее – делали все, что свойственно делать живым людям. Потом, когда те и другие уверовали в Господа, апостол говорит, что они оживлены Христом, хотя наружно они продолжали жить такую же жизнь человеческою, как и все. Так они ожили в сердце своем, в совести своей пред лицом Бога и для Бога, как прежде мертвы были тоже в сердце своем для Бога.

Остановите, братие, внимание ваше на сей незримости и неосязаемости нашего во Христе оживления! Оно незримо: стало быть, ничего видимого нельзя ставить в признак и доказательство того, что оно в нас есть – совершилось и действует. Признаки сии должны быть внутренни, незримы, как и само оно. Нельзя ставить в доказательство его, например, то, что мы родились и живем между христианами, числимся в Православной Церкви христианской, не чуждаемся христианских порядков и прочее подобное, ибо при всем этом внутренно мы можем быть мертвы, а если мертвы, значит,

непричастны Господу Иисусу Христу – Оживителю; если же Ему непричастны, нет нам спасения – мы в числе погибающих.

Выставляю вам сие на вид, чтоб побудить вас войти внутрь себя и внимательнее проследить черты внутреннего во Христе оживления, чтоб потом вернее определить, действует ли оно в нас или мы вид только имеем, что живем, а на деле мертвы есмы,— и, определив то, или радоваться, что так есть, или ревностью возгореться отстранить то, чему не следует быть, и восставить то, что всегда должно иметь место в оживленных Иисусом Христом.

Спросим у апостола, отчего это язычники и подобные им иудеи были мертвы до принятия Христа Спасителя. Он отвечает нам: оттого, что творили «волю плоти и помышлений» (Еф. 2, 3). А что сделалось с ними, когда они ожили во Христе? То, что наперекор воле плоти и помышлений явились созданными во Христе Иисусе на дела благая. Таким образом, противление воле плоти и помышлений и устремление во Христе Иисусе на противоположное им благое – вот прямой признак оживления во Христе. Как видите, он очень прост. Будемте пояснять разные его стороны!

Воля плоти и помышлений нам должна быть понятна. В другом месте апостол называет ее просто плотию, или плотию со страстями и похотями, или живущим в нас грехом, а противоположное ей направление именует духом и главный для христианина закон жизни так выражает: «духом ходите и похоти плотския не совершайте» (Гал. 5, 16). Ходите вы духом, если и живете духом (Гал. 5, 24); а живете ли вы духом, сие же можно видеть из того, если похоти плотские не совершаете. Первоначально у нас не было сей похоти – сего живущего в нас греха, сих страстей; мы были духовны. Печать человечества была в духе, а дух – сила, в Боге живущая, из Бога пьющая жизнь и все к Богу устремляющая и в человеке, и вне его – и внутреннее, и внешнее. Когда завистию змииною запят был сей дух на пути своих стремлений и, вняв лести, принял семя змиинное в самости, в себя замкнулся и в себе вздумал жить, тогда пресеклись притоки жизни Божественной, дух замер, и исполнилось: «в оньже аще день снесете... смертью умрете»

(Быт. 2, 17). Между тем семя змииное, падшее в землю естества нашего, не пребыло одно, а все плодилось и плодилось, и все плоды его были плоды смерти, или новые притоки мертвящих сил, кои так расширились, что весь мир, по апостолу Иоанну, был не что иное, как область смерти. Семя змииное в нас – самость; отрасли его – страсти: сначала гордость, своекорыстие, чувственность; далее – гнев, похоть, ненависть, зависть, тщеславие; наконец, все неисчетное множество страстных движений и навыков, грубых и тонких, о них же не леть есть часто и глаголати. Все сие есть атмосфера смертная и мертвящая, и все ею объемлемое пребывает в смерти. Ибо когда таким образом страсти водворились – Бог забыт, духовные стремления погасли и человек стал не похож на человека.

Войди теперь всякий в себя и рассмотри, что в тебе действует, что подвигает тебя на дела, в чем главная пружина, заправляющая твоими помышлениями, чувствами и делами. И если найдешь, что действуешь то в угоду плоти и чувственности, то в видах своекорыстия и интереса, то в замыслах себя выказывания и возвышения – и вообще в угоду только себе и своим желаниям, ни в чем себе не попереча и всякой страсти покоряясь беспрекословно, как только она появится, то явно, что ты раб греха и смерти, или, по апостолу, мертв прегрешеньми, ибо творишь волю плоти и помышлений.

Творить волю плоти и помышлений – значит что пришло на мысль, то и делать, чего похотелось, к тому и стремиться. Пришел гнев – браниться; пришла похоть – скоро удовлетворять ей; представился случай к неправой прибыли – сейчас пользоваться им; захотелось повыситься – решаться на все кривые пути к тому. Так и во всем, что ни захотелось – тотчас делать то. Кто таков, тот очень походит на вьючное животное. Как мула, навьючив, ведут, куда хотят, и еще бьют, – так враг наложил на человека бремя страстей, связал его ими, правит им посредством их и ведет, куда хочет, тиранствуя и издеваясь над ним. Праведно пророк Давид грешнику, покаявшемуся и воспоминающему о своем состоянии во грехе, влагает в уста такие слова: «на хребте моем делаша грешницы» (Пс. 128, 3). И

апостол говорит, что неверные как ведомые ведутся «к безгласным идолам» (1Кор. 12, 2), то есть как связанные влекутся по пути страстей и похотей. А что это за жизнь? Что тут человеческого? Человеческое тут все замерло, а действует только самостное, страстное, сатанинское, плод принося смерти, а не жизни.

Как же теперь быть? Да так и останется человек в сей области мертвящей, пока не обратится ко Господу и пока ради его обращения благодать, пришедши, не высвободит его из сих уз смерти. Человеку душно и томительно пребывать в такой работе. Хоть и кажется иной довольным оттого, что удовлетворяет своей похоти, но внутренне не бывает у него радости и веселия. Как ржавчина ест железо или червь точит дерево, так внутри у него жало смерти нравственно грызет его живое существо, и он томится в сем замирании. И вот, если даст Бог, придет человек в себя и, осмотрясь кругом, восчувствует тяготу своего состояния и скажет: из-за чего же я работаю этим гадким страстям? Все им делаю в угоду, а покоя не имею, только Бога прогневаю и вечную муку готовлю себе. Не хочу с этих пор покоряться им, брошу все похоти и начну работать Господу Богу, Спасителю моему, нас ради в мир пришедшему и всех грешников к Себе призывающему. Когда скажет так в сердце своем грешник и самым делом обратится усердно к Господу с сердечным сокрушением и исповедию, тогда в таинствах дастся ему благодать и сила – устоять в своем намерении и одолевая привычные страсти, с какою бы силою они ни нападали на него. В сем действии его решимости работать Господу и в сем ниспослании ему благодати в таинствах полагается семя жизни о Христе Иисусе, которая и есть единая истинная жизнь, обнаруживающаяся и состоящая в противлении страстям и преодолении их. Пришедшая благодать оживляет дух, который, восприяв права свои, все начинает устремлять к Богу и, встречая на пути преграды страстей, их одолевает, прогоняет и искореняет. С сего времени начинается борьба на смерть, и чем решительнее кто противится страстям и искореняет их, тем быстрее выходит он из области смерти и вступает в область жизни. Когда же благодатию Божиею совсем

их заморит в себе до того, что движения их или совсем в нем не будет, или оно будет как нечто чуждое, тогда в торжестве духовном он может изречь: се смерть пожерта животом, кому не работаю греху и страстям и не готовлю стихий смерти на пагубу себе.

Так, братие, хотите ли явить в себе действующим оживление о Христе Иисусе – стойте в борьбе со страстями и похотями. Всякий раз, как восчувствуете вы приращение их, противьтесь им и прогоняйте их. Сказал, например, кто или сделал что обидное, приходит гнев и внушает вам сделать ему отмщение – не слушайте сих внушений, прогоните гнев и преложите его на кротость. Представляется случай к веселиям, восстает чувственность и предъявляет свои требования – подавите ее, откажитесь и восстановите трезвенность и чистоту. Выпадает такой случай, что сделай только неправое дело, то или выгоду получишь, или приобретешь значительное отличие и повышение; приходит своекорыстие или гордость и склоняют на дело неправое – не слушайте, одолейте себя и сделайте наперекор им, как требует правда и совесть. Так и во всем, какая бы страсть и по какому бы случаю ни пришла – не слушайте внушений ее, делайте наперекор ей, одолевайте ее – и это будет значить, что вы не работаете смерти, а живете в Господе Иисусе Христе.

Приведу вам несколько на сей случай примеров, чтоб раздражить ревность вашу на сопротивление страстям. Рассказывают об одном юноше, работавшем страстям в товариществе с другими. Случилось, что благодать Божия воздействовала в сердце его. Он покался и положил не вдаваться более в прежнее непотребство. Товарищи его, остававшиеся в прежнем рабстве страстям, встретив его, говорят ему: пойдём туда и туда, сделаем то и то. Идите себе и делайте что хотите, отвечал он, я уже не тот. Так будем говорить каждой страсти, прежней нашей приятельнице: я уже не тот – и отвратимся от внушений ее.

Святой авва Иоанн Колов еще живее изображает состояние души, убегающей страстей. В одном городе, говорит он, была блудница и имела много друзей. Это – душа со страстями.

Господин той страны пришел к ней и сказал: обещайся мне жить целомудренно, и я возьму тебя в супружество. Это – Господь призывает душу. Она обещалась, и он взял ее и привел в дом свой. Это – душа покаялась, дала обещание не грешить и получила благодать в помощь себе. Друзья ее соскучились и, зная, что она у господина, сказали: пойдём, дадим ей знак. Она услышит и выйдет к нам. Это – страсти приходят и начинают снова увлекать душу. Но бывшая блудница, услышав знаки, заткнула уши, вбежала во внутренние покои и заперла двери. Это – душа, которая по покаянии не слушает страстей и бежит от них, как от врагов прелестных. Так будем убегать от страстных внушений и мы всякий раз, как почувствуем приращение их.

Припомним еще сказание святого Макария Великого. Видел он врага, обвешанного разными сосудами, и спросил его: «Что это у тебя?» Он отвечал: «Орудия моих внушений. Подношу всякому, и кто примет – тотчас начнет действовать, как я хочу». – «А куда идешь?» – «Вот туда». – «Что же, там принимают тебя?» – «Нет, все злы; только один есть приятель, который, как только покажусь, от радости не знает что делать». Узнав имя того человека, святой Макарий обратил его ко Господу и научил противиться страстям. Когда бес пришел снова с своими внушениями, он уже не принял их и с гневом отвергнул и прогнал. Увидев опять того же беса, святой Макарий спросил: «Что, как теперь в том месте?» – «Теперь все злы; и тот, кто прежде слушал меня, стал зол, еще злее других». Так будем злиться и мы на страсти, зная, что тем поражаем врага – человекоубийцу.

И чем злее, чем ревностнее, неподатливее, непрерывнее будем отвергать внушения страстей, тем скорее они ослабеют и, не получая пищи, совсем истощатся и замрут, как замирает и иссыхает дерево, не получая влаги и света. Тогда душа, в сладком покое пребывая, будет обильно вкушать мир и радость о Духе Святе, полными устами пия жизнь из недр Господних. Тогда она вступит в состояние, совершенно противоположное первому. Там она жила только для страсти и была мертва – теперь она мертва для страстей и полна жизни. Теперь какая

страсть ни приходи, уже не чувствуется и не производит тревог и смятений, как прежде. Это все то же, как приражение легкого праха к крепкой стене или удар молота в безвоздушном месте, остающийся без отзвука. Или как если какой хозяин упокоится во внутренних комнатах, повелев все запереть,— и приходят к нему сторонние, стучатся в окна и двери, а он не слышит; тогда те отходят, говоря: будто все вымерли, души живой нет. Так надо нам настроиться в отношении ко страстям. Пусть бьют они в окна чувств и в двери плоти — а мы так укроемся в сердце и так упокоимся в Господе, чтоб и не чувствовать ничего, как бы ни были сильны возбуждения их и раздражения. Сие состояние есть верх совершенства, цель, к коей стремиться должно.

Достигшие его вступают в блаженное бесстрастие, в коем во глубине сознания душа исповедует: «живу не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Понятно вам будет теперь то, что святые отцы говорят о нашем отношении к страстям. Люди, говорят они, в отношении к страстям бывают трех родов: одни действуют по страстям, другие борются со страстями, а третьи искоренили страсти. Первые пребывают в смерти, вторые восходят от смерти в живот, третьи вступили в область жизни и утопают в обильных притоках ее.

Сие ведяще, братие, «помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе Господе нашем. Да не царствует убо грех в мертвенном вашем теле, во еже послушати его в похотех его, ниже представляйте уды ваша оружия неправды греху, но представляйте себе Богови яко от мертвых живых, и уды ваша оружия правды Богови» (Рим. 6, 11–13). Сие да дарует вам Господь, пришедший в мир оживотворить нас, мертвых прегрешеньми. Аминь.

в неделю 23-ю по Пятидесятнице»

Как блюсти, питать и возвращать духовную жизнь, начатую в силу покаяния и святого причастия

Вот уже кому неделя, кому день как приступали вы к чаше Господней, как за обет не грешить снова приняты в приискреннее общение с Господом, как восприяли намерение вести новую жизнь и, укрепившись благодатию таинств, вступили на святое поприще истинно христианской деятельности. Что же? Успешно ли идут дела ваши?

Братие и отцы! Я не предполагаю между вами нерадивых и беспечных; не предполагаю таких, кои, холодно, по обычаю только приступив к таинству, продолжают и теперь жить, как жили прежде, или жить как живется, не заботясь о том, сообразны ли порядки их жизни с волею Господа, принятого в таинстве; не предполагаю и таких, кои, с искренним желанием приступив к таинству и положив при сем в сердце своем не оскорблять более Господа, успели уже снова пасть в прежние страстные дела и привычки. Думаю, что все вы радуете ныне Господа и ангелов Его, явившись сюда с тою же чистотою и полнотою жизни, с какою отпущены были от святого причащения,— и не только тою же, но и большею, успевши приложить плоды добрых дел, как приобретение на полученные благодатные силы. Едино прошу от Господа и то взыщу — да будет сие так.

Но если так, то, ревнуя об исправном христианском житии, заботясь о том, как бы явить себя угодными Господу, такую к нам великую милость недавно явившему, вы, верно, встречались с вопросом: как бы сделать, чтобы снова не пасть, как бы устроить такой порядок, чтоб он не мешал, а благоприятствовал новой, начатой по обету, требуемой совестью и желаемой сердцем жизни.

Вероятно, всякий решил уже сии вопросы для себя, как умеет и как находит лучшим. Но чтоб не вкралась в столь важном деле какая-либо ошибка, скажу вам об этом несколько слов — именно о том, как в самом деле надобно устроиться,

чтоб сохранилась, крепла и возрастала начатая нами новая жизнь.

Христианская жизнь, утверждаясь корнем в сердце, развивается и растет на поле жизни нашей подобно дереву. Потому до познания способов воспитания ее в нас можно сравнительно дойти по способам, употребляемым при воспитании дерев.

Смотрите, что делает садовник с молодыми корнями или прививками,— и делайте сами то же с собою и с своею жизнью христианскою. Тот огораживает свое деревцо и, когда нужно, прикрывает, чтобы неблагоприятные действия внешних стихий не повредили его; это первое. Огородив совне, поливает его, чтоб оно имело около себя довольно материи для всасывания в себя и образования из того питательных соков; это второе. Далее, чтоб оно росло ровно, кроме своего надзора и обрезывания лишних ветвей, привязывает его к тычине или жерди, крепко и надежно утвержденной в земле.

??Г??? же сему уход должен быть и за ростками жизни нашей духовной. Во-первых, надобно оградить его от вредных влияний совне. Это вот что значит? Положили мы твердое намерение не грешить... Надобно теперь отстранить все, что может поколебать сие намерение, именно: изменить прежние обычаи и оставить привычки, которыми питались наши страсти; построить новый порядок своему поведению, или своим занятиям дома и вне и всем своим сношениям; а паче всего предохранять себя от соблазнительных встреч с такими предметами, лицами и вещами, кои могут возбуждать томящие нас греховные страсти... Если не сделаем сего, легко можем пасть — и росток жизни нашей духовной снова заглохнет подобно деревцу, подверженному вредному влиянию жара, или холода, или росы злокачественной!

Но и оградив сей росток показанным образом, не должно ограничиваться этим одним... Нет, надо еще, во-вторых, питать его... Надо доставить ему, так сказать, стихии, кои усвоив себе он умножал бы тем свои соки, рос и крепнул... То есть надо делать вот что: 1) читать и слушать слово Божие и писания отеческие, равно как самим рассуждать о спасительных истинах

и вести о том беседы с единомысленными людьми или лицами, опытнейшими в жизни духовной; 2) ходить, сколько это для кого возможно, чаще в церковь Божию на божественные службы и дома учредить уголок молитвенный, время молитвы и правило молитвенное; 3) никак не опускать ни одного представляющегося случая к деланию добра или какому бы то ни было подвигу терпения или самоотвержения... Ежели устроимся так, то как бы светом, теплотою и влажностью обложим своего внутреннего человека и напоим его разного рода стихиями духовными, впивая кои он будет, как древо, насажденное при исходящих вод, пышно и быстро развиваться и зреть; а если не сделаем, то росток сей, подобно древу на сухой и песчаной земле, скоро истощится, засохнет и замрет.

Какого, наконец, уравниателя приставим к сему древу, чтоб оно росло ровно и не давало ненужных, лишних отростков?! Это ближе всего свое собственное рассуждение. Смотрите сами внимательно за всем и все направляйте к одной цели. Не сможете сами, останавливаетесь часто в недоумении – обращайтесь к духовным отцам своим: спросите старцы, и рекут вам. Но при всем том не забудьте главного садовника и воспитателя нашего внутреннего деревца жизни Господа нашего Иисуса Христа, Которому и предайте души свои всецело. Преданных к Себе Господь никогда не оставляет, но то внутренними внушениями Им собственно, то указаниями чрез духовных отцов ведет их прямо и незаблудно кратким путем к совершенству в христианской жизни!

Вот что надо делать тем, кои желают сохранить в себе начатки новой жизни и преуспеть в ней! Не распространяюсь много, потому что тем, кои ревнуют о спасении, не нужны долгие убеждения. Им только напомним – и они тотчас берут себе в правило все, что считается для них душеспасительным. Таковыми желаю быть и вам; только одно еще считаю нужным приложить... Устроив все, о чем было помянуто – а помянутое не есть только набор слов, а все существенно необходимо в деле хранения и воспитания духовной жизни, – так устроив все сие, паче всего блюдитесь от рассеяния внимания ума, от пристрастия сердца к каким-либо предметам и обременения

воли многозаботливою попечительностью. Рассеянность, пристрастие и многозаботливость – три злейшие врага внутренней жизни. Будучи допущены внутрь, в непродолжительное время заглушат они духовную жизнь и повергнут вас снова, как бы в летаргический сон, в забвение, беспечность и холодность. А в этом – смерть духовная. Да избавит вас от сего Господь многомилостивый и да умудрит вас во спасение! Аминь.

«28 февраля 1860 г., во 2-ю неделю Великого поста»

Общее начертание течения духовной жизни по наведению от восхождения царей к воцарению

«Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и сдох со Отцем Моим на престоле Его (Апок. 3, 21)»

«Горняя мудрствуйте, а не земная», заповедал апостол Павел. Святые отцы, исполняя сию заповедь, не о духовных только предметах мудрствовали непрестанно, но и самым внешним вещам и событиям давали духовное знаменование, чтобы таким образом и из чувственного составить вокруг себя духовное некое училище. Так поступали сами, так советовали поступать и другим. Покоримся их мудрому совету.

Церковь и отечество торжествуют ныне восшествие на престол благочестивейшего государя императора Александра Николаевича. Но есть, братие, иное Царство, иные престолы, иное восхождение на них. Это Царство и престолы Христовы и восхождение на них христианское. Итак, возгревая особенно ныне искренние чувства смиренной благодарности Господу, даровавшему царя российскому престолу, и чувство сыновней преданности возведенному Им на сей престол возлюбленному монарху нашему как сыны отечества земного,— как сыны отечества небесного от престола земного востечем мыслию и сердцем к престолам небесным. Престолы сии раздаются в другой жизни по правосудному и милосердому определению Судии Бога, но заслужить их надобно еще здесь, еще в сей жизни надобно начать восхождение к ним, начать и бодренно продолжать до конца жизни. Полное изображение сего восхождения к престолу небесному мы видим в восхождении на троны земные. Последуем мыслию вслед сего восхождения.

Царственное лицо, от которого зависит судьба целых миллионов, и зависит не на одно только время его царствования, но и на многие последующие века, есть лицо, особенным образом призываемое на служение человечеству. Потребного для царства царя воздвигает Сам Господь. Сам

Господь непосредственно призывает и к престолонаследию небесному – и некогда прославит им только тех, коих предварительно призвал теперь. Сам собою, без сего призывания человек не стал бы и думать о сих престолах невидимых и отдаленных, когда пред ним с таким обилием рассыпаны блага ближайшие и видимые. Грешник то же, что спящий: не возбуди его – он и не встанет, не понудь – он и не пойдет. Посему Господь Сам обходит людей с милостями и прещениями, всех и каждого возбуждает Своим особенным образом – не услышит ли кто и не покорится ли Его спасительному призыванию. И что бы это такое значило? Вот все мы живем вместе, и живем по давно заведенному порядку, не подозревая никаких особенностей ни в себе, ни в других, но между тем очень часто случается, что тот, другой или третий видимо начинают особиться от нас: многое из обыкновенного между нами оставляют, многое совершают не так, иное в их поведении совсем ново; они стали между нами как странные и, однако ж, постоянно углублены, постоянно в напряженной деятельности, как бы готовятся к чему важному – как будто собираются в путь, хотят оставить нас и переселиться в другое место. Что значит такая перемена? Откуда такое отчуждение? Это Господь невидимо пришел к ним, тайно сказал их сердцу: грядите по Мне, – и они, оставив все, радостно пошли вслед Его. Господь приходит с призыванием путем неведомым как Дух, Который «идеже хочет, дышет, и глас Его слышиши, но не веши, откуда приходит и камо идет». Не опасайтесь, чтобы Господь минул кого из нас. Нет, Он всем хочет спастися, ко всем приближается, всех возбуждает. "Стою", говорит, «при дверех и толку, аще кто услышит». Слушать только надобно внимательнее сие призывание и, когда будет услышано, спешить отверзть заключенное свое сердце – тогда Господь беспрепятственно войдет в сие святилище и Сам вознесет на Свой престол. Своего ожесточения только надобно бояться и упорства, а не забвения и оставления Божия. Лицо царственное бывает царского рода. И наследниками Божиими, сонаследниками же Христовыми могут быть рожденные от Бога. «Аще кто не родится водою и духом», говорит Господь, «не

может вникнуть в Царствие Божие» (Ин. 3, 5). В Царстве Христовом все будет ново – и небо, и земля; как же можно войти в него, пребывая ветхим? Потому надобно совершенно переродиться и обновиться тому, кто ожидает престолонаследия небесного. И чистосердечно внявший Божественному призыванию всегда прямым путем доходит и до сего существенного обновления во всей своей жизни и во всем поведении. Ибо лишь только склонит он внимание к Божию гласу, как в душе его начинается чрезвычайный переворот. Мысли текут за мыслями, представления одно другого поразительнейшие с особенною силою и действенностью проходят до самой глубины сердца и то умягчают его милостями, то поражают страхом, то ужасают близостию смерти и суда, то воодушевляют упованием. Человек ощущает тогда всю непотребность своего поведения, вполне сознает свою виновность в том, стыдится даже имени человека, униженного им, поражает себя ненавистию и презрением, трепещет Бога, Которого зрит мысленными очами, и в чувстве сердца испытывает огненные мучения ада. Но воскресившись упованием спасения во Христе Иисусе, он в благодушии припадая молится, проливает слезы, дает уверительный клятвенный обет никогда не возвращаться на путь неправды, оставить все и ничего не знать, кроме заповедей Христа; готов на все, даже на смерть, только бы избавил его Господь от гибели и утешил мятущееся и умученное сердце. Господь видит произволение человека и не медлит освятить его Своим благословением и запечатлеть благодатию Духа в таинствах Церкви. Тогда сердце, исполненное радостию, в пламенной ревности о славе Божией вступает на путь правды с воодушевленной решимостию никогда не оставлять его, хотя бы это стоило пота, крови, жизни. С сей минуты начинается у него совершенно новая жизнь – жизнь по духу Евангелия и внушениям благодати. «Всяк рожденный от Бога греха не творит, яко семя Его в нем пребывает, и не может согрешати, яко от Бога рожден есть» (1Ин. 3, 9).

Рожденный от царя будущий царь проходит царственное воспитание, в котором научается он высокой науке царствовать.

Воспитываются и рожденные от Духа, призванные к вечному престолонаследию,— воспитываются среди глубоких скорбей и душевных болезней. «Страданиями подобаше совершити Начальника спасения нашего; многими скорбями подобает... внити в Царствие Божие» и всякому идущему вслед Его. И блажен человек, который претерпит искушение, потому что, прошедши испытание, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его. Сердечные болезни, искушения и скорби неминуемо встретят восходящего к престолу небесному. Душа, повинувшаяся призыванию, восходит до воодушевленной решимости жить и умирать только для Христа. Но такая решимость, свидетельствующая о совершившемся в душе возрождении, есть только начало христианской жизни, а не полнота ее, есть только первое вступление на путь к Небу, а не совершение его. Душа здесь ненавидит грех, но он еще живет в ней; ненавидит гнев, зависть, гордость, тщеславие и все порочные чувства, но они еще в сердце и поминутно прорываются из него как темные облака, стремясь затмить только что воссиявшую зарю духовной жизни. Мужественная душа вступает теперь в жестокую брань с собою – брань, которая мучительнее и болезненнее всякой видимой брани, ибо здесь собственное существо разделяется на части, собственное сердце поражается, своя как бы кровь проливается собственной рукою. Блажен, кто претерпит сие скорбнейшее испытание. Но оно еще не окончится, как настанет и другое. Нередко встретит человека на пути добродетели всеобщее нерасположение – презрение, насмешки, укоризны, ненависть, даже злоба, уготовляющая гонение и смерть. К сим искушениям, лютым и самим по себе, присоединяются наконец еще лютейшие – коварства и козни духов злобы, кои спешат обыкновенно противостать сами, коль скоро не успеют соблазнить ищущего правды чрез своих клеветников. Иногда же все сии соблазны извне и внутри облегают работающую Господу душу с такою силою и обилием, что, как в водах потопленная, она с сильным воплем обращается к Господу и взывает: о Господи! спаси же! о Господи! благопоспеши же! Вот непременно спутники восхождению на Небо. Крестный путь есть единственный путь к

небесному венчанию, скорби – лучшее училище благочестия и совершенства для имеющих восседать на престолах в Царстве Христовом. Там множество будет престолов разного достоинства и славы, но все они суть престолы мученичества, являющегося на земле в бесчисленных видах! Кто не испытал болезней внутренней брани, кто не страдал за Христа каким бы то ни было образом, тот тщетно надеется венчаться в Царстве Христовом.

Наконец, наследник престола в свое время получает царский венец и восходит на престол. И душа, прошедшая все степени христианского совершенства, перешедши в другую жизнь, праведным судом Божиим возводится на престол за победу над собою и венчается венцом или смирения, или благотворительности, или послушания, или целомудрия, или другим каким, смотря по подвигу и труду, которым трудилась. В настоящей жизни каждый человек приходит в мир с особенным характером, который, если рассматривать его в отношении к греху, располагает душу по преимуществу к одному какому-нибудь порочному желанию, источнику и всех других порочных желаний и действий. Так, от природы иной чувствителен наиболее к чести, иной к чему другому. Ревнующая о самоисправлении душа по преимуществу и направляет все свои силы туда, откуда, как из источника, истекает все зло, покрывающее ее, к господствующей своей страсти, с нею борется, ее побеждать напрягается. А потому в день наград и получает особенный, себе только свойственный венец – венец кротости за победу над гневом, венец воздержания за победу над плотью, венец милосердия за победу над своекорыстием и прочее. Вообще же получают сии венцы и воссядут на сии престолы только победители.

«Побеждающему», говорит Господь, «дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и сдох со Отцем Моим на престоле Его». Есть люди, от природы получающие известные добрые качества. Иной от природы кроток и незлобив, иной послушлив, иной другими украшен добродетелями от рождения. Такие не увенчаются за сии добродетели: они не трудились над собою, не побеждали себя, не пѣтом и слезами возделали в

сердце сии добрые качества, а получили их от Бога. Но увенчается только тот, кто от природы гневлив и приобретает незлобие, кто от природы склонен к невоздержанию и является воздержным, кто от природы своенравен, и мы видим его благопокорным и послушным. Таковой поистине есть великий победитель естества и мученик.

Вот, братие, единственный путь, ведущий в Царство Христово! Вот степени восхождения к престолу небесному! Кто нейдет по сему пути, тот идет не в Царство Христово; кто не стоит на какой-нибудь из сих степеней, тот еще не начинал восходить к небесному престолу. Все восседшие на Христовых престолах на Небе взяты от земли и пришли туда по сему пути, открытому нам Самим Иисусом Христом. И всякий раб Иисуса Христа, повинующийся воле Его, смиренно преданный руководству Его, ревнующий о своем исправлении по силам, творящий добро сколько знает и может, да успокоится в воле Божией. Такая надежда свята и праведна. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, породей нас в упование живо, да возродит и укрепит и в нас сию надежду, а паче да положит глубже в нас основание сей надежды – дух благочестия христианского. Будем молить Его о сем, особенно же о возлюбленном монархе нашем, да даст ему Господь чрез восхождение на трон земной перейти и к престолу небесному. Аминь.

В день восшествия на престол благочестивейшего государя императора Александра Николаевича»

Жаждания нашего естества и верный способ утоления их

Вот уже почти неделя, как слух наш оглашается церковными песнями о жажде. Каждому из нас внушается взывать ко Господу: жаждущую душу мою напой... И Сам Господь всех жаждущих призывает к Себе, говоря: «жаждай да грядет ко Мне и да пьет». Ныне в Евангелии Спаситель беседует с самарянкою тоже о жажде. Самарянка просит Его: дай мне такую воду, чтоб мне не ходить сюда на колодезь за водою и даже совсем не иметь жажды. Господь говорит: «всяк пий от воды сея вжаждется паки, а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки» (Ин. 4, 13–14).

Можете догадаться, что здесь рассуждается не о простой жажде, когда хочется пить воды, а о другой некоторой жажде, более ценной и более обширной. Словом "жажда" означаются высшие потребности человеческого духа, которым нельзя найти полного и прочного удовлетворения нигде, кроме Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Самарянка в сем отношении представляет образ природы человеческой, с неудовлетворенною жаждою обращающейся к Господу после того, как многократно удовлетворяла ее из колодца самоизобретенных тварных благ и все не находила покоя от жажды.

Читается нам такое Евангелие всегда весною, чтобы мы, уразумев смысл его, не бросались подобно неразумным детям на приманки удовольствий, которые открываются нам обычно в это время года, и не преставали быть в Господе – единственном источнике всеудовлетворительных благ.

Чтоб и вы сами пришли к такому же заключению, я только расскажу вам, что такое природа человеческая и чего она ищет. Вы увидите, сколько есть жажданий и как мы несправедливы к себе, удовлетворяя одну сторону и оставляя в тени и презрении другую.

Человек, как видите, не тело только имеет, но и душу, и в душе самой, или в своей внутренней жизни, не душу только, но

и дух, который несравненно выше души... Каждая из сих частей существа человеческого – дух, душа и тело – имеет свои потребности. Чувство потребности есть жаждание. Стало быть, у нас есть три рода жажданий: жаждание телесное, плотское – чувственное, жаждание душевное и жаждание духовное. Первое, плотское, ищет земных и чувственных удовольствий; второе, душевное, ищет благ житейских, или благ мира; третье, духовное, ищет благ духовных – небесных, или Бога и Божественных вещей.

Укажу еще подробнее сии жаждания... Так, в теле нашем есть потребность самохранения – есть, пить, спать; есть потребность движения – ходить, работать, трудиться, которая превращена в потребность гулять, танцевать, биться на кулачки и прочее подобное; есть потребность употребления чувств – смотреть, слышать, осязать, обонять. Три класса потребностей плотских, три рода и жажданий чувственных, которые удовлетворяются чувственными вещами, нас окружающими... Кто занят преимущественно удовлетворением сих потребностей, тот стоит на степени животного. Встал, походил, поговорил, помечтал, почитал, поел и потом опять соснул; прогулялся, повертелся, поглазель, послушал пустых речей и сам поболтал и снова спать... Вот вся тут программа жизни... Пусто; но, к сожалению, очень-очень большой круг людей сюда принадлежит. Тут жаждание утоляется на несколько часов и снова оживает и точит человека, как червь.

В душе есть потребность знания – хочется человеку все разведать и разузнать научно, или понаслышке, или чрез чтение. Поминутно слышите: что это, от чего, как, для чего?.. Эта пытливость есть у всякого. Есть потребность предприятий или дел по домохозяйству, по торговой части, по военной, ученой, судебной, гражданской или сельской жизни... Минуты не проходит, чтоб кто-нибудь не загадывал делать, и делает, и, сделавши одно, берется за другое... Это – предприимчивость, забота и многопопечение. Есть потребность украшать себя, свое жилище и свою жизнь. Нужна хорошая мебель, одежда, хорошие картины, изваяния, пение, музыка и прочее подобное. Рай хочется человеку насадить окрест себя взамен потерянного. Это

– так называемые невинные удовольствия. Вот и в душе три потребности: потребность знания, предприимчивость, или попечительность, и искание эстетических удовольствий... Столько же в ней и жажданий. Тут жажда никогда не удовлетворяется, а постоянно снедает человека, несмотря на то что он и минуты не дает себе покоя. Все это знаете вы сами.

В духе есть потребность созерцания Бога и божественных вещей, удовлетворяемая познаниями духовного мира; есть потребность покоя в Боге, или покоя совести, удовлетворяемая исполнением воли Божией; есть потребность богообщения, или вкушения Бога, удовлетворяемая молитвенным исчезновением в Боге. Сколько потребностей в духе, столько же и жажданий, то есть жажда молитвенного отрешения от всего, покоя в Боге и богосозерцания, которые, не будучи удовлетворены, оставляют тоску, а будучи удовлетворены надлежащим образом, и дух упокоивают, и низводят покой в душу и тело, восполняя их недостатки своею полнотою или заменяя их способы своими, например: молитвенным возношением к Богу – эстетические удовольствия, покоем совести – многопопечительность, созерцанием Бога и вещей божественных – бесплодное искание истины научным путем.

Вот у нас три класса жажданий и по три вида жажданий в каждом классе – всех девять, как бы девять уст, из которых человек слышит непрестанный вопль: жажду!.. Всю жизнь иной человек бьется, чтоб как-нибудь заглушить сей вопль, и не успевает. Почему? Потому прежде всего, что неправильно распределяет сии жаждания. Посмотрите, как бывает: чувственные потребности стоят наперед, и об них больше заботы; затем душевные, уже в меньшей мере удовлетворяемые; а духовные считаются последними, и об них мало или совсем не бывает заботы, так что человек находится теперь в превратном положении – наверху у него то, чему следует быть нанизу. А в таком виде трудиться насытить человека есть то же, что стараться наполнить водою сосуд, обратив его кверху дном. Вот от чего и не имеет человек довольства – не насыщается, все жаждет и жаждет, несмотря на то что непрестанно хлопочет о довольстве и окружен бывает

многими благами. Таким образом, кто желает покоя, тому надо поправить сию ошибку – и обрящется покой и мир, превосходящий всякий разум. Надо, то есть, прежде всего удовлетворить дух, возведши его в богообщение, боговкушение и богосозерцание. Далее, силою духа и по его указанию и руководству удовлетворять и потребностям душевным и телесным. Бог, полнота благ, наполнив дух, чрез него низольет дополнительные удовлетворения на потребности души – на ее знания, предприятия и наслаждения, – и на потребности тела, дав им меру, и вес, и цель.

Видите теперь, когда человек может перестать вопиять: жажду! Тогда, когда удовлетворит дух чрез богообщение. Спрашивается: как это сделать? Вот как. Человек первоначально сотворен, чтоб быть в богообщении – жить в Боге и блаженствовать. Так и было. В падении он отделился от Бога и потерял богообщение. Потеряв богообщение, сделался неудовлетворимо жаждущим. Дух его ослабел, оставшись один; над ним возобладала душа с потребностями своими, сама в свою очередь подчинившись преобладанию плоти. Для восстановления падшего пришел Господь и, удовлетворив правде Божией Своими беспредельными страданиями, ниспослал Божественного Духа для того, чтоб, будучи приемлем верующими чрез таинства, Он восставлял в Свой чин дух человека, а чрез него душу и тело и возвращал, таким образом, падшему предопределенное ему совершенство – сладостную и вседовольную жизнь в богообщении. Все сие совершается так: приходит человек в покаянное раскаяние о своем непотребстве и своей виновности пред Богом; затем верою в Господа возникает ко благонадежности спасения; далее, положив обет принадлежать Господу, приемлет таинство. Пришедшая чрез таинство благодать Всесвятаго Духа живо сочетавает его с Господом, как дикую ветвь с лозою, а чрез Господа возводит к глубочайшему общению с Богом. Преисполнившись сим богообщением, все существо человека является упокоенным, вступает в субботство в Боге, не тревожимое никакими воплями низших потребностей. Вот и вся тайна! Кто жаждет, иди ко Господу – и напьешься у Него воды, от которой пьющие не

жаждут более. А без сего показанные девять потребностей будут непрестанно томить бедную душу, не давая ей покоя, точить ее, как черви точат сердце дерева, и истощать ее, как пиявки истощают жизненные соки телесные...

Не то сие значит, чтоб вступившие в богообщение не чувствовали потребностей душевных и телесных и не удовлетворяли им, а то, что жаждание у таковых теряет свою жгучесть и неотступность и что под сим условием нисходит и к ним от Бога услаждающее вседовольство. Кто в Боге живет, тот все имеет и ни в чем не имеет недостатка или не бывает беспокоим чувствами скудости и лишения. Вот в чем вся сила!

Ныне зовет всех нас Господь: «жаждай да грядет ко Мне и да пиет..». Пойдемте все к сладчайшему Господу и утолим у Него жажду свою; но так, чтоб уже не заходить после сего ни к каким колодцам, хотя бы они были вырываемы какими-нибудь знаменитостями. Аминь.

в неделю о самаряныне»

Чем и как питать душу, чтоб росла духовно

Когда, проходя каким-либо пустынным местом, встретишь дерево или другое растение на песчаном, каменистом грунте, то не можешь не пожалеть о нем. Уныло стоит оно. Недостаток питательных частей в земле и воздухе истощает его. Оно видимо сохнет и чахнет и, кажется, всякому мимоходящему своим видом и состоянием внятно говорит: мне здесь дурно, возьмите меня отсюда и пересадите в другое место.

Другие совсем чувства внушает дерево, растущее при протоке воды, на земле влажной и тучной. Оно полно жизни и, наслаждаясь полным довольством, всеми частичками своего состава, кажется, поет благодарную песнь Насадителю всякой твари за эту возможность всеми устами пить питательные соки из всего, что окружает его.

Не бывают ли, братие, часто и души человеческие в подобных обстоятельствах?! Да, часто и они гибнут голодом и томятся, как в душной темнице, от недостатка того, что может питать их и доставлять им довольство. И это нередко с совершенною противоположностью внешнему пышному состоянию тех людей! Христианство – святая вера наша – или святая Церковь и Богом назначена быть местом покоища и довольственного воспитания душ человеческих... Но не все пребывают в ней, и, пребывая, не все пользуются надлежащим образом всем, что предлагает она. И здесь много душ, истощающих и измощающих себя по одному неразумию.

Вот посмотрите, как все сие бывает.

Растение, будучи земного происхождения, пищу свою получает из земли и из того, что есть вокруг его; напротив, душа, по образу и подобию Божию созданная, будучи происхождения небесного, может питаться только стихиями небесными, от Бога исходящими и к ней направленными или к ней приложенными. Так, растению нужен свет, без него оно вянет. Нужен и душе свет – небесный. Это истина Божия. Обильно предлагается она в Церкви Божией всем хотящим

внимать; предлагается и в чтении слова Божия, и в проповедях, и в песнях церковных, и во всем устроении и чинопоследованиях Церкви, и в писаниях отеческих, и во многих-многих душеспасительных книгах. Желаящие обильно черплют здесь свет истины Божией и веселятся под осиянием ее. Но не все же так делают, и не все по виду кажущееся быть вместилищем истины Божией в самом деле вмещает ее. Есть люди, кои дни и ночи просиживают над изучением какой-нибудь науки – математики, физики, астрономии, истории и прочего, – думая, что питают душу истиною, а душа их чахнет и томится. Отчего? Оттого, что нет истины в тех местах, где хотят ее найти! Не потому так говорю, чтоб науки не могли вмещать истины... но что нередко она бывает оттуда изгнана и замещена то мечтаниями, то предположениями, противными истине. А ведь души не обманешь, как не обманешь голодного, давая ему камень вместо хлеба. Вот она и томится!

Но это будто еще дельные занятия – ученость. А что сказать о жадно читающих периодичную нашу письменность? Посмотрите, с каким усилием добывается молодой, а иногда и немолодой человек поскорее получить обычный месячный выпуск, с какою неудержимостию бросается пожрать, как говорят, полученную добычу! Тут и пища на ум нейдет, и сна бывает мало... А какой плод?! Две-три удачные фразы, две-три льстящие фантазии, два-три обманчивые предположения – и все тут... прочее никуда не гоже. И душа недовольна. Берется другая, третья книга... все то же... Душе больно!

Заводятся взаимные беседы... все то же, потому что и предметы бесед, и образ трактования их берутся из тех же книг... Приложите к сему мелочность обыденных занятий и соотношений, и вы поймете, что, если б открыть тот слух, которым слышится речь души, вы услышали бы горький в ней вопль: изведите меня из сей темницы... мне тошно здесь! Дайте мне взглянуть на Божий свет! Так это и есть. Но кто послушает?! Видите, тут не в тоне питать душу истиною Божиею!.. И ее томят. И добро бы далеко было идти за сею истиною. Нет, она тут же, но не хотят открыть очей, чтобы воспринять свет ее. Войди в церковь, послушай, что здесь поется, читается и

действуется,— и узришь свет истины Божией. Раскрой Евангелие или хоть в руках поддержи сию Божественную книгу — и то отраднее будет душе твоей. А отеческих писаний разве мало у нас теперь в доступном для всех переводе? А других духовных книг и повременных духовных изданий сколько?! Но всех сих сокровищниц истины Божией мы не знаем, даже и имен их не слышали. Братие и отцы! Что ж это мы за христиане, когда и в руки не берем тех книг, в которых изъясняется христианство, а читаем не зная что? И мучим душу в душной темноте — мы, сыны света и дня, как назвал нас святой апостол?!

Приложу и еще одну или две мысли. Растению, чтоб жить и расти, нужен воздух. Без него оно замрет. Нужен и для души воздух небесный... Это, как я не раз говорил уже вам, вся церковность, или все боголепные священнодействия Церкви... Тут только душа и бывает как бы в своей атмосфере, а вне ее — удушливо. Как чахнет чахоточный, так чахнет душа вне Церкви, в пространых будто обычаях мира... И вот отчего: кто только и знает, что балы да театры, гулянья да вечеринки, живые картины да фиглярство и подобное, душа того глубоко ноет и томится, когда останется он один — сам с собою!.. Она говорит ему тогда: мне душно... возьми меня отсюда — и введи туда, где всегда воздух чист и небо светло.

Для растения нужна влажность — соки, которые пьет оно корнями и, проводя в ствол, образует себя переделанною осадкою их... Нужно своего рода переделание и осадка духовных соков и для души. Сие совершается повседневным доброделанием, или исполнением заповедей, к каким случаи представляет обыкновенное течение жизни нашей. Как соки в растении или пища в теле нашем, оставаясь непеределанными, обременяют только и тяготят, не принося пользы, так все духовные стихии, какие приемлет душа — истина Божия, таинства и священнодействия и прочее,— будут только тяготить ее здесь и вечно судом совести и Божиим, если она не претворит всего того в свою кровь духовную доброделанием. Вот отчего больны, скорбны и унылы души людей, кои погружены в одни заботы житейские или одни дела служебные и еще хуже — в дела страстные, а о том, чтоб сделать какое

добро, и помышления не имеют. Не пропускают они ни одной частички питательной в душу, и она сохнет-сохнет. Не потому так говорю, чтоб дела службы и дела житейские – хлопоты по семейству, торг, обороты разные и разные предприятия – были пагубны для души... Нет. Не они сами по себе пагубны, а пагубно то, если ими только одними и занимаются, не заботясь о добродетели, и если, совершая их, совершают не во славу Божию, а для каких-нибудь самолюбивых целей. Как соки в нашем теле обращаются в живую кровь чрез соединение их с кислородом воздуха, так все дела и служебные и житейские могут обращаться в питательную для души стихию, если будем их посвящать все Богу! А когда сего нет, нет притом и добрых дел, то чем питаться душе?! Вот она томится тогда, и жалуется человеку, и внятно говорит ему: пересади меня с этой сухой или гнилой почвы на ниву Божию, ниву добрых дел, заповедями Христовыми требуемых.

Вот и все! Но все сие вы ведаете, братие! Ведаете, что душа, обильно осияваемая светом истины Божией, содержащая в чистом и небесном воздухе молитвований и священнодействий Церкви и подкрепляемая питательною пищею добродетеля, подобна дереву, насажденному «при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не опадет». А другая, лишаемая всего сего, подобна благородному растению, с ожесточением держимому в таком месте, где ни света, ни воздуха чистого, ни влажности... и чахнутому! Сия весте. Но блажени есте, аще творите я! За что тиранить ты, человек, душу свою, в неразумии и ослеплении предаваясь буйству жизни мирской?!

Эти мысли предложить вам внушил мне нынешний день, посвященный святому Иоанну Лествичнику, пустынножителю и наставнику в пустынножительстве. Многим кажется, что пустыня или какая-нибудь иноческая обитель есть место сухое, ничего питательного для души не представляющее. А вот посмотрите на дела святого Иоанна, разверните «Лествицу» его, прочитайте в ней что-нибудь – и увидите, как много в нем было жизни и сил! Пустыня истощает только плоть, а душу обильно питает всякою небесною пищею. Мир вам кажется тучным, но он утучняет

только плоть, а душу морит голодом, ни малейшей даже частички питательного не представляя для нее. По сему различию устраивайте и жизнь свою все хотящие возрастить душу свою – в древо живое, достойное пересадки в рай небесный. Аминь.

в 4-ю неделю Великого поста»

В силу Вознесения Господня надо нам сознавать себя вышними и вышних искать

Вознесся Господь во славе на Небеса. Как же это вознесся Тот, Который, яко Бог, есть везде сый и вся исполняяй?! Это человечеством вознесся Он. Это человека в Себе вознес Он на Небеса.

Вознесся Господь и сел одесную Бога и Отца. Как сел одесную Бога Тот, Который неотлучно всегда с Ним пребывает, единоцарствен и сопрестолен? Это человечеством сел Он одесную Бога, это человека в Себе ввел Он в соцарствование Богу, в промыслительное державствование над всем видимым и невидимым.

Так исполнилось Божие о нас благоволение. Сын Божий, сошедши на землю, восприял на рамо Свое человека, как овца погибшее, и принес его ко Отцу Своему. Прославим благодать и премудрость Человеколюбца Бога. Не бросил Он нас и не предал пагубе нашей, но посрамил злобу врага и, обожив в Себе естество наше, спасительно даровал нам то, чем на пагубу прельщены были мы вначале.

Отрясем же ныне, братие, бренность мысли нашей и, востекши умом на Небо, станем у престола Божия, у ног прославленного в Господе человечества, и будем поучительно созерцать оное.

Видите, как возвеличено естество человеческое в Господе: оно обожено, оно соцарственно Богу, оно превыше всякого начала, и власти, и силы. Возревнуем же не унижать сего естества в себе самих грешными делами, греховными мыслями и расположениями, срамными страстями телесными и душевными. Каков Небесный, таковыми подобает быть и нам, как призванным быть небесными. Каков Глава – Господь, таковы да будут и члены – все верующие; каков Первороденный, таковыми должны быть и все те, ихже братиею не устыдился нареци Он. Господь – новый родоначальник. Поколение Его духовно создается из всех племен земных. В числе их и мы, и вместе с ними должны

составлять род избран, царское священство, язык свят, людей обновления, яко да добродетели возвещаем Его – из тьмы нас призвавшего в чудный Свой свет (1Пет. 2, 9). Поревнуем же быть совершенными, как Отец наш Небесный совершен. Молился Господь о нас, чтоб, как Он едино есть со Отцом, и мы в Нем едино были. Верую и благодатию мы введены в единение сие. Какими же ревнителями жизни по вере подобает нам быть, чтоб явить себя стоящими в чине своем?! Таково убо имущее избрание, о возлюбленные, очистим себя и чистыми всегда будем держать себя от всякия скверны плоти и духа.

Сие помышление и запечатлеем в сердце нашем, да не согрешаем. Но и «аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника» (1Ин. 2, 1). Вначале согрешили мы и отпали от Бога. Соединяясь с Иисусом Христом, воссоединяемся с Богом. Но если и тут согрешаем – снова отпадаем от Бога и Спасителя Иисуса и вместе с тем лишаемся всех преимуществ, даруемых нам в Нем. Что же теперь делать тем, кои снова отпадают в грехи? Упал – встань. Согрешил – покайся. Но никак не отчаивайся и отчаянием не предавай себя в руки падения своего. «Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника». Смотри, Он сидит одесную Бога Отца и ходатайствует о нас. Как первосвященник, Он с кровию Своею вниде во святая святых, в самое Небо, да явится лицу Божию о нас, всегда жив сый, еже ходатайствовать о нас. Ходатайство Господне будет услышано и удовлетворено. Надо только привлечь к себе сие ходатайство искренним раскаянием и неколеблющеюся и недвоящеюся решимостию отстать от грехов, какими враг успевает опутать души льстивыми обещаниями безвредности и ненаказанности грехов. Приидите же, припадем и восплачемся пред Господом, сотворшим нас, спасшим и спасающим.

«Бог, богат сый в милости», пишет апостол Павел, «за премногую любовь Свою, еюже возлюбил нас, и сущих нас мертвых прегрешеньми, сооживи Христом... и с Ним воскреси и спосади на небесных во Христе Иисусе» (Еф. 2, 4). Так вот где место-то наше? Стало быть, не следует нам жить на земле так, как бы мы здесь вечно должны были жить, но так жить, как

живут на чужой стороне. Странники телом живут на чужой стороне, а умом и сердцем всегда в отечестве своем. Так и нам заповедует апостол: «аще воскреснуете со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сидя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе» (Кол. 3, 1–3). Во Христе Иисусе мы уже на Небе, надлежит переселиться туда и умом и сердцем – да будет там и сердце наше, где есть сокровище наше. Туда все и направлять надо – мысли, слова и дела. Туда и все заботы, и все земное наше пребывание так устроить, чтоб оно было приготовлением к вечному блаженному пребыванию на Небе со Христом Иисусом, Господом нашим. На земле живучи, нельзя не делать земного и житейского. Но все сие можно вести так, что оно будет путем, ведущим туда, идеже есть Христос, одесную Бога. Богатство есть – туда предпошли чрез бедных. Власть есть – тамошнее господство стяжи умножением благотворных действий. Дарование есть – не зарывай талантов в землю, пусти в рост, да верный в мале над многим поставлен будешь. Силы есть – трудись, да вкусишь там от трудов своих. Даже бедность есть, скорби есть, болезни есть – и сие все безропотным терпением, благодушием и благодарением обрати в средство к стяжанию вечного довольства. «В премудрости ходите ко внешним», заповедует апостол (Кол. 4, 5). «Блюдайте... како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия» (Еф. 5, 15–17).

Собрав воедино сии немногие мысли, мы получим такой урок от Вознесения Господня. Сознав, что «наше... житие на Небесех есть, отонюду же и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа» (Флп. 3, 20), как и ангел сказал святым апостолам, смотревшим вслед возносящегося Господа, – со усердием потечем к почести вышнего звания о Христе Иисусе, «елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляя» (Флп. 4, 8),

претыкаясь и вставая, но никогда не ослабевая в ревности, задняя забывая, в предняя простираться.

Тако тецыте. И если так будете тещи, несомненно, достигнете того, чего все чаем благодатию Господа, вознесшегося на Небеса и сидящего одесную Бога и Отца. Аминь.

на Вознесение Господне»

Подражай святой Марии Египетской в покаянии и самоисправлении

Нынешнее воскресенье посвящается памяти преподобной матери нашей Марии Египетской, и мы уже восхваляли ее вместе с Церковью на всенощной в пениях и песнях духовных и помолились ей о помощи нам в трудном деле исправления своей жизни и своего нрава. Теперь будем учиться у нее сему делу. Святая Церковь, предлагая нам пример Марии Египетской, хочет внушить: если хотите каяться и исправлять жизнь свою как должно, вот как кайтесь и исправляйтесь! Но так ли поступали вы в продолжение поста сего? Если так, добро вам... А если нет, вам еще остается две недели: успеете поправить неисправное или дополнить опущенное. Только не нерадите.

Но скажет кто: Мария Египетская – пример для подражания! Неужели же всем надо бежать в места необитаемые, в пустыню, в горы? Нет, не всем. Но всем должно подражать ее трудам в самоисправлении, ее твердой решимости переменить жизнь и тому, как она дошла до сей решимости. Вот стороны подражаемые! Как дошла преподобная Мария до решимости переменить жизнь? Господь довел. За что? За то, что при всей неудержимости одолевавшей ее страсти она никак не думала оставаться навсегда в сем горьком рабстве. Она терпела насилие со стороны плоти и врага, действовавшего чрез сию плоть, и поддавалась увлечению, но не предавала себя ему в конец. Господь сжалился над страданием твари и пришел высвободить ее из томивших ее уз. В этом урок из самой грешной части жизни святой Марии Египетской.

Так, если кто имеет несчастье состоять в рабстве какой-либо страсти плотской или душевной, возымей по крайней мере столько крепости, чтоб не отдаться ей безвозвратно, не будь подобен тем, кои, в нечаяние вложшися, предают себя студодеянию. Страсть точно вяжет человека и, как ведомого, ведет его на дела, удовлетворяющие ей; но ты и при узax рабства обнаруживай по крайней мере нехотение таких дел –

оставайся недовольным ими. Не говори: ну уж, верно, так и быть... пусть ее будет, как было, или пусть текут дела, как текли. Но подобно тому, кто, не имея сил противостоять, когда его влекут связанного, по крайней мере упирается ногами, и ты, несмотря на силу страсти, тебя влекущей, хоть чем-нибудь показывай ей противление, говори ей: ну уж в последний раз, больше не поддамся; и хоть еще падешь – опять то же говори, и так далее; только говори не языком одним, но и сердцем и ко Господу вопий о помощи. Как тот, кого враг, связавши, ведет в плен, оставя ему незавязанными уста, хотя влечется вслед его, но, имея возможность кричать, кричит, не услышит ли кто и не освободит ли его, – так кричи и ты ко Господу: «Господи, прежде даже не погибну, спаси мя; Господи, прежде конца даруй мне покаяться...» И услышан будешь. Как дитя повитое, лежащее в колыбели, хотя не может двинуться ни руками, ни ногами, но криком своим берет за сердце мать свою и, как ежем, привлекает ее к себе, так, если будешь вопиять, и ты привлечешь к себе Господа, Который сказал, что скорее мать забудет дитя свое, нежели Он забудет вопиющих к Нему.

Когда же наконец придет к тебе Господь, внимай тогда, брат, и непусти себе не воспользоваться как следует сим великим к тебе снисхождением Божиим. Ты будешь тогда походить на святую Марию, когда она пред входом ко гробу Господню была поймана судом Божиим. Как она, пораженная силою невидимою, долго не раздумывала, а тотчас пришла в сознание, что причиною сего – грех ее, и тотчас же положила намерение отстать от сего пагубного греха своего и никогда уже не возвращаться на него – так надлежит сделать и тебе. Внимай же! Когда сильное ли угрызение совести, или страх суда и смерти, близость ли опасности, как меча над главою, или чувство величия Божия и великой Его благодати, или другое что поразит глубоко сердце твое и потрясет все составы твои, так что ты будешь чувствовать, что как бы спали с тебя все узы, теснившие тебя дотол, – знай, что это благодать Божия коснулась тебя и дает тебе свободу вступить на путь добра – свободу, которой прежде у тебя не доставало. Внимай! Минута сия дорога! То, что ты чувствуешь в ту пору, есть дело

благодати... Приложи сюда и свое дело, именно вот что – скажи: скверно жил я, поблажая страсти... С сих пор не буду... Затем, исповедав и прияв разрешение, держись положенного обета...

Так сделала святая Мария. Не отлагала она намерения переменить жизнь до завтра, нет, а тотчас решилась – и сделала... Так должно всякому. Благодать, пришедши, точно разрешает узы страсти, но если кто тотчас не решится отстать от дел страстных, то опять заковывается в сии узы. Когда ангел явился Петру апостолу в темнице, узы его спали, но если б он не пошел потом вслед ангела вон из темницы, а остался в ней, пришел бы страж темничный, заковал бы его снова в кандалы и запер темницу... и остался бы святой Петр по-прежнему узником. Так снова облегают узы страсти всякого, кто, ощутив действие благодати Божией, освобождающей его от страсти, не решается тотчас переменить жизнь свою, а отлагает то до другого времени. Не отлагай же, брат! Ибо не знаешь, придет ли еще когда такая благоприятная минута.

Положив твердое намерение исправиться, надо тут же и самым делом начать сие исправление, как сделала святая Мария. Оставив все, укрепясь таинствами, напутствованная советами духовного отца, устремилась она в пустыню заиорданскую – уединением, пощением и молитвою иссушать засеянные и порочною жизнью воспитанные греховные навыки. Берись и ты тотчас за труды и подвиги. Не всем, конечно, один путь по обращении. Кто удаляется в пустыню и живет один; кто идет в обитель и спасается в числе братства; кто остается в порядке общей всем семейной и гражданской жизни. Многие уже прошли всеми сими путями – и на всех были спасавшиеся и люди великие. Какой кому избрать, пусть сам решит по своему настроению, внушению Божией благодати и по совету отца своего духовного. Только ведай, что без труда не исправишься. Борьба великая предлежит всем хотящим победить плоть, воющую на дух. Чего не вытерпела преподобная Мария!.. И всякому – труд! Надо, как я уже говорил прежде, отстранить все могущее питать страсти; а это стоит труда немалого. Надо делать все, чем может питаться и укрепляться начатая новая жизнь; но и это не бывает без труда. Нужно в истине Божией

поучаться, сколько можно чаще быть под действием таинств с участием в священнодействиях Церкви, бороться со страстями и творить дела добрые, противоположные страстным навыкам; но и это все – труд. А главное – что надо? Никогда не должно оставаться одному... Прилепись к духовному отцу своему, найди единомысленного тебе, углубляйся в советы святых отцов и ничего не предпринимай, не справившись во всех сих местах. Не смотри в сем на преподобную Марию. Она жила одна, но ее путь был по особенному Божию избранию. Нам же лучше держаться общего порядка жизни. Орел уединенно парит к небесам, и так высоко, что его бывает не видно. Но то – орел... Итак, трудам преподобной Марии в самоисправлении, ее постоянству в сем и неуклонной верности положенному обету подражай... а в прочем – иди общим путем спасаемых. Будь только тверд, не позволяй себе расслабляться... и, немного потрудившись, не думай, что уже все сделал, ибо конец венчает дело.

Сей блаженный конец преднапиши в уме твоём – и теки к нему, по апостолу, задняя забывая, а в предняя простираяся, дóндеже достигнешь места упокоения от трудов, которое уготовал Господь всем Своим труженикам. Аминь.

в неделю 5-ю Великого поста»

Надлежит взять крест самоисправления; в чем он?

Предлагая в нынешний день нашему поклонению и чествованию честный Крест, святая Церковь хочет расположить нас к крестоношению, если мы еще не взяли за святое дело сие, и утвердить в крестоношении, если уже приступили к нему. Она как бы так говорит нам: видите ли Крест, на коем Господь волею нас ради руце распростер? Приидите же и сораспнитесь Ему. Ныне Господь со Креста приглашает каждого из вас взять крест свой и последовать Ему. Возьмите же... возьмите и не бойтесь, ибо как Господь со Креста предал дух Свой Богу и Отцу, так и вам со креста один путь – в райские обители вслед Господа, Который каждому крестоносцу, как благоразумному разбойнику, скажет: днесь со Мною будеши в раи!

Не думаю, чтоб кто-нибудь стал отказываться от сего обязательства, но может случиться, что не всякий определенно знает, в чем состоит обязательное для нас крестоношение, и потому может считать себя крестоносцем, не будучи таковым. Что без креста никого на свете нет, это всякому ведомо; но в числе сих крестов есть и разбойничий крест, на коем тоже распинаются люди. Чтобы не случилось ошибки, в сем отношении весьма опасной, я укажу вам коротко, из чего слагается крест, который должно каждому из нас взять и нести...

Он слагается прежде всего из стеснения плоти и всего нашего внешнего быта и из терпеливого исполнения правил, которыми налагается сие стеснение.

Заповедь получили мы от Господа и святых апостолов распять плоть со страстями и похотями – умертвить уды, сущие на земле, представить все члены тела своего орудиями правды, как прежде были они орудиями греха. Иные считают это насилием, а на деле существенно необходимо быть сему так. Посмотрите, что делает в нас грех! Утверждаясь в сердце, он проникает все силы нашей души, исполняет все отправления и члены нашего тела, учреждает по-своему наш быт домашний и по своему духу подбирает общественные соотношения и

связи... Так, около грешника стоит как бы грешная атмосфера, которую производит и которою потом питается живущий в нас грех. Положив твердое намерение работать Господу, нам прежде всего должно развеять сию атмосферу – расстроить сей греховный порядок жизни и учредить всюду новые порядки, по духу новой жизни. Надобно не ходить туда, где падали мы в грех или где разжигались на грех... Если это театр – бросить театры; если гулянья – отказаться от них; если знакомства – прекратить их. Оставить во внешних наших отношениях только дела должностные или дела звания, и притом так завести их, чтоб исполнение их было по Богу, а не в угодность страстям, и потом, отказавшись от прежних знакомств, связей и способов приятного препровождения времени, учредить новые связи и новые занятия в остающиеся от должностей часы: вместо пустых бесед – беседы о духовных предметах; вместо балов и вечеров – посещения людей богобоязненных, вместо чтения журналов – чтение слова Божия и писаний отеческих и прочее тому подобное. Переменив свое поведение вовне – в обществе, надо изменить и порядок домашней жизни. Назначить другие часы для вставания и отхода ко сну, определить молитвенное правило утром и вечером, определить свой стол и время для него... и то, как садиться и как вставать из-за стола, как выходить из дома и как входить в него, на что употребить какое свободное время, как и кого принимать и как вести прием; самое украшение нашего жилья должно быть другое – надо очистить страстное и поместить назидательное, духовное. Все это делают все начинающие новую жизнь, как бы по инстинкту сей жизни. Стеснительно, конечно... Но ведь стесняется сим грех, живущий в нас, а не мы; мы же высвобождаемся из уз греха чрез сие стеснение. Это и есть одно крыло спасительного креста, который мы должны взять на себя.

Перестроив так все окрест нас, переходим к себе. И здесь ведь что ни член в теле, то седалище греха. Надо и здесь стеснить его. Стеснить надо чувства... глаз пусть не смотрит на предметы соблазнительные, ухо не слушает речей страстных, пусть и обоняние и осязание не раздражают только что улегшегося греха. Далее, чрево наше работало сластолюбию –

надо истощить его и приучить к трезвенному насыщению; тело любило нежиться и разнеживаться во сне и бездействии – надо приучить его к труду и напряженности, к работам и бдению. А похоть, каких исходов не имела она?! Их надо преградить все. Чего не говорил язык, сей огонь, лепота неправды? Надо связать его... самую кожу несколько озлобить жестокостями за пристрастие к одному изнеживающему. Учредив такой порядок, мы умертвим уды, сущие на земли, или все члены тела соделаем орудиями правды. Тяжело сие, но спасительно. Действуя так в отношении к телу, мы будем делать то же, что делают моющие белье, то есть полоскать, жать и колотить свое тело, чтоб вытеснить из него все греховное и страстное – и восстановить его в первоначальную трезвенную чистоту... Вот и еще рог спасительного креста, который надо взять нам на себя! Все сие в совокупности и составляет то, что я назвал вначале стеснением плоти и всего нашего внешнего быта и терпеливым исполнением правил, которыми налагается сие стеснение. То есть наложив новые правила на свои внешние отношения и занятия и на свое тело, надо неопустительно исполнять их, чтоб они произвели свое спасительное действие... Каждое из сих стеснительных правил есть то же, что пластырь на рану. Пластырь не снимают с раны, пока он не сделает своего дела; так и нам надо пребывать в сем новом порядке, не изменяя его, пока установимся и укрепим в нем, пока он так сделается для нас обычным, как прежде был обычен порядок греховный.

Но все сие есть только внешний крест... Есть еще внутренний. Об нем помяну вам коротко... Он состоит в самопринуждении и в самопротивлении. Пока человек в грехе, он не любит добра, не сочувствует ему и не думает о нем. Положив теперь твердое намерение не грешить, он сознает себя обязанным желать одного добра, о нем одном помышлять и в нем одном находить удовольствие. Но обращаясь к себе, к своему внутреннему, он не находит там сих расположений. Ум заняться хочет другим, мечтает и парит, сердце холодно к добру, склонности воли обращены на другое. Что делать? Надо отрывать их от одного и приковывать к другому – отрывать от страстного и греховного и наклонять к доброму, бесстрастному,

духовному. То есть надо противоречить себе в худом и принуждать себя на добро... И это при всяком почти деле. Например, предстоит случай помочь нуждающемуся!.. Совесть говорит: помоги – и человек готов; но сбоку сидит корыстолюбие и твердит: не давай, себе нужно. Надо одолеть или заглушить сию корыстность и расположить душу на добровольное подаяние. Обидел кто. Совесть христианская говорит: прости – а гордость заставляет отмстить. Надо отнять свое сердце у сей недоброй страсти и склонить его к кротости и снисхождению. Так и во всяком случае. Везде надо отрывать себя от страстного и преклонять на святое и богоугодное... В этом состоит внутренняя брань, производимая самопринуждением и самопротивлением, как бы двумя руками. Болезненна она! Как больно, когда вынимают занозу, или как больно оторвать палец, прилипший к железу на морозе, – так больно сердцу, когда его отрывают от одного, чтоб преклонить к другому. Больно сие, но спасительно. Оттого и именуется крестом спасительным, источающим богатое исцеление страстному сердцу нашему.

В сем состоит внутренний крест, или внутренняя сторона креста, в связи с описанною прежде внешнею стороною составляющая один крест, который взять на себя обязуется всякий христианин и который действительно берет на себя всякий, кто, отстав от греха, порабощается правде. Господь да благословит труды ваши, труженики Божии! Потерпите в сем новом порядке... Жгучи раны крестные только вначале, а потом гвозди распинательные начнут источать целительный елей на раны, причиняемые ими самими. Стеснительны такие порядки, но они путь в свободу чад Божиих. Потерпите! Улягутся страсти – и легким полетом воспарит дух ваш к престолу Божию и, установившись там, начнет вкушать блаженство умного лицезрения Божия прежде, чем выйдет из тела, и прежде, чем начнется день оный, за которым уже нет ни печали, ни болезни, ни воздыхания. Аминь.

в неделю 3-ю Великого поста»

Завещание Господа со Креста: перечень христианских чувств и расположений

В нынешний день оканчивается чтение Евангелий. И я хочу обратить ваше внимание на то, что значит это чтение и к чему оно нас обязывает. Что значит чтение всех Евангелий во дни сии? Оно есть повторение завещания, данного нам Господом Иисусом Христом. Господь, умерши за нас, оставил завещание всем имевшим уверовать в Него – завещание, кровию Его написанное и подписанное. Всякий приходящий к Господу с верою вступает с Ним в завет и обязуется исполнить оставленное Им завещание, изображенное в Евангелиях. Завтра будут совершаться Страсти. Чрез день будет предложено чествованию нашему изображение на плащанице Господа по снятии Его со Креста, умученного и изъязвленного. Первая мысль всякого приходящего к целованию плащаницы будет мысль о завете, смертию Господа утвержденном. Истощенным видом Своим и язвами Он будет напоминать каждому из нас: помните ли и исполняете ли завещание Мое, которое исполнять вы обязались, вступая в завет со Мною? Чтоб всякий христианин пред плащаницею мог добросовестно ответить: да, Господи, помню завет Твой и знаю завещание, – святая Церковь постановила прочитывать пред страданиями Господа все Евангелия, чтоб обновить в памяти каждого всю картину обязательств, завещанных Господом.

Вот зачем читаются все Евангелия в дни сии! Что же, достигается ли цель? Да, в большей или меньшей мере всякий знает, чего ожидает от него Господь как от христианина. Но может быть, не всякий ясно представляет себе все существо дела, завещанного нам; не подводил, может быть, под один обзор всех обязательств, налагаемых Завещателем; не изображал в одной общей картине всего сюда относящегося? Берусь помочь вам и изобразить все содержание завещания Господня в одном небольшом очерке. Это поможет нам пред лицом Господа страждущего или более укрепиться в жизни,

если она исправна, или побудить нас изменить ее и исправить, если она неисправна.

Известно вам, что существо христианства состоит в восстановлении падшего человека. Человек в творении назначен быть в общении с Богом, чтоб жить в Нем и блаженствовать. Преступлением заповеди он отпал от Бога, потерял истинную жизнь и должен был страдать и временно, и вечно. Единородный Сын Божий, приняв на Себя человеческое естество, оживотворил его в Себе, смертью удовлетворил правде Божией и возвратил человеку блаженство в Боге. Для того чтоб людям можно было усвоить сии блага во все времена, Он учредил на земле святую Церковь – дом спасения и двор спасаемых. Всякий теперь желающий достигнуть своего назначения – вкусить блаженства от общения с Богом – может сподобиться сего не иначе, как чрез общение с Господом Иисусом Христом во святой Церкви... "Никтоже" может прийти "ко Отцу", говорит Господь, «токмо Мною...». (Ин. 14, 6). В сем состоит существо заветования Его к нам. Отсюда само собою видно, что более частные пункты сего заветования касаются: 1) пути восхождения ко общению с Иисусом Христом, 2) пребывания в Боге по общению с Господом и 3) пребывания в Церкви, где находятся все силы и способы к совершению того и другого.

1. Как восходят в общение с Господом и что вследствие того лежит на нас?

Путь восхождения к общению с Господом состоит в следующем. Приходя в раскаяние в своих грехах, человек готов бы пасть в отчаяние, если б не предстоял ему Господь с заслугами... Усвоив же себе их верою в Господа Иисуса Христа, он возникает к надежде спасения и, приемля Божественные силы, полагает намерение работать Господу вся дни живота своего... и за то чрез таинства соединяется с Господом. Вследствие сего вот что от всякого христианина требуется:

а) «знай и познавай свою бедность и окаянство» – что ты нищ, и слеп, и наг, и погибал бы временно и вечно, если б не Господь...

б) «знай и возрастай в познании Господа Иисуса Христа», пришедшего в мир грешников спасти. Он удовлетворил правде Божией за тебя, оживотворил тебя в Себе и спосадил одесную Отца – на небесных;

в) "веруй" полною верою, что Господь, спасший мир весь, и «тебя спасает,»— и взывай к Нему с Фомою: «Господь мой и Бог мой»;

г) вследствие сего «уповай спасенным быть». Содержи в сердце, что опасность уже миновалась, но не предавайся беспечности и неге, а ходи в делах самоотвержения, забвение которого тебя ввергало в беду столько раз;

д) «возгревай чувство мира с Богом». Созерцай в духе светлое благоволительное к тебе лице Божие, но не послабляй не только страстям, но и помыслам страстным и всякий раз, как они прорвутся против воли твоей, спеши очищать себя слезами покаяния или и всегда пребывай в слезах покаяния, омывая ими всякую нечистоту;

е) носи в сердце убеждение, что ты сын Богу, коему дана власть взывать к Нему: «Авва Отче,»— и, помня сие, действуй как бы от лица Божия, в видах Божиих, для Бога, всегда во славу всесвятого имени Его. Вот первый ряд чувств и расположений, завещанных Господом!

2. Вступив в общение с Иисусом Христом, а чрез Него воссоединившись с Богом, человек становится пред лице Бога, от Коего отпал было, и созерцает Его в бесконечных совершенствах Его и в Его делах творения, промысления и совершения всего... И вот какими чувствами и расположениями должен исполняться каждый при сем! Вот чего вследствие того от каждого из нас требует Господь:

а) созерцая Бога сокровеннейшим, непостижимым, изумляйся Ему. Да замолкнет в тебе всякое помышление, как молчит пред Ним всякая тварь небесная и земная;

б) созерцая Его бесконечно великим, падай пред Ним в унижении, проникаясь благоговейным страхом и трепетом;

в) созерцая всесовершенным, хвали и славословь Его, вместе с хорами ангелов взывая к Нему: «свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Твоея!»

г) созерцая Его вездесущим, всевидящим и всеисполняющим, ходи пред лицом Его так, как ходил бы пред царем, на тебя смотрящим;

д) Бог сотворил тебя и хранит, ты весь Его... Покорствуй же Ему, как Владыке жизни, в чувстве всесторонней зависимости от Него;

е) Бог, сотворивший тебя, и промышляет о тебе – стало, все твое Его есть. Благодарим же Его за все... Благодушествуй и терпи, если найдет на тебя что неприятное, и никогда не попускай ослабевать в тебе чувству довольства распоряжениями промысла о тебе самом;

ж) Бог, всем управляющий, ведет тебя к своему назначению. Следовательно, все, что будет с тобою, будет от Бога. Итак, предай себя в волю всеблагого Бога, Который лучше тебя знает, что тебе нужно, успокойся в Нем, не позволяя себе терзаться пустыми недоумениями и крушениями духа, и, питая полную надежду, что Он приведет тебя к своему концу, возносись к Нему умом и сердцем в молитве;

з) Бог, все сотворивший и всем управляющий, положит конец настоящему порядку вещей, преобразит небо и землю и водворит вечное Царство блаженства для человека... Итак, ожидай сего второго пришествия Господня и не только верь ему, но и желай и приготавливайся сретить Его на всякий час... Готовься к смерти; помни суд, рай и ад и будь как странник на земле. Вот второй ряд чувств и расположений, завещанных Господом!

3. Вступающие в общение с Иисусом Христом, а чрез Него с Богом не иначе достигают сего, как в святой Церкви, по ее указанию и руководству, и не иначе утверждают и пребывают в сем общении, как пребывая в общении с Церковью. В Церкви все необходимые для сего благодатные средства, и все в ней пользующиеся сими средствами и к Богу обращающиеся становятся единым телом, исполненным единым духом. Церковь есть дом спасения, или сосуд благодатных средств, и двор спасаемых.

А. Церковь есть дом спасения, или сосуд благодатных средств... Итак, к ней обращайся и в ней ищи удовлетворения

твоим нуждам духовным. Все, что тебе нужно, найдешь в ней:

а) тебе нужно просвещение ума – Церковь есть просветительница. Верь и содержи в сердце, что она одна есть столп и утверждение истины, и в ней ищи сей истины – в слове Божиим, в отеческих писаниях, в наличном учительстве церковном. По руководству сего просвещения ищи и всякого другого и им поверяй его;

б) ты слаб, тебе нужно подкрепление – Церковь есть подательница благодати и воспитательница духа благодатного. Семь сосцов открыты у матери нашей – семь таинств. Приступай к ним верою и напойся из них живоносными силами по нуждам своим и потом возгревай их хождением во всех уставах и чинопоследованиях Церкви – постах, говениях и во всем прочем;

в) ты окружен врагами, тебе нужно ходатайство и защита – Церковь твоя ходатаица и защитница. Ходи в храмы Божии. Собирая чад своих, Церковь низводит на них ходатайственную свою силу... Здесь Жертва бескровная, здесь хоры ангелов и святых, здесь молитвования на всякую потребу душевную и телесную... Сюда прибегай и молитвою церковною ограждай себя.

Б. Церковь есть двор спасаемых... Все верующие – одно тело с одним духом... Итак:

а) пребывай со всеми в единении духа; пребывай в «единомыслии», не ища самостоятельных взглядов в делах веры, от которых ереси; пребывай в «сочувствии» со всеми и в «готовности содействовать благу всех». Это три стихии истинной любви, которая далее научит тебя всякого брата встречать с благорасположением, с благожеланием и благопопечением; научит каждого честию больше себя творить и блюсти чистым лицо ближнего; научит всем жертвовать для блага его душевного и телесного и в постоянном взаимообращении быть искренно радушным, скромным, миролюбивым, уступчивым, истиннолюбивым и прочее; научит так держать себя не только в отношении к благодетелям и друзьям, но и ко врагам и недоброжелателям;

б) Церковь – двор спасаемых; все верующие – одно тело с одним духом... Ревнуй же всю ревностью о том, чтобы пребыть в единении с нею и себя подвести под один с нею дух... А для сего помни обеты, данные при вступлении в нее в крещении, и чаще возобновляй их в памяти; отвергнись себя и непрестанно приноси себя в жертву Богу; пожри Ему ум свой и восприими ум Христов; пожри волю свою и ходи только в воле Божией; пожри сердце свое и ничего не люби, кроме Его; пожри Ему тело свое в трудах и озлоблениях телесных спасения ради... Трезвися и бодрствуй... и чувства свои храни нерассеянными... Вот третий ряд чувств и расположений, завещанных нам Господом!

Есть еще особые завещания родителям и детям, мужьям и женам, слугам и господам, начальникам и подчиненным, пастырям и пасомым, продающим и покупающим, судьям и судимым – всякому званию и состоянию; но они понятны уже из первых завещаний сами собою... Всюду господствующим да будет дух любви и самоотвержения в ревновании творить во всем единую волю Божию, которой должна быть посвящена вся жизнь.

Вот краткое начертание завещания, оставленного нам Господом, и вот что воспроизвести в уме нашем хочет Церковь, прочитывая нам все Евангелия в эти дни, чтобы непостыдным лицом представить нас к подножию Креста, на коем висит Завещавший нам завет сей, – представить по крайней мере знающими, если не всецело исполняющими... Но, братие, что в знании?! Оно только обличит нас! Понудим немного душу свою, не возревнует ли она приложить к знанию и дело?! Мало времени?! Нет, не мало. И в одну минуту можно все поправить... Сделаем вот что: поверим свою жизнь по предложенному начертанию и все, что найдем неисправным, омоем слезами покаяния, положим твердое намерение быть исправными в тех частях, в которых доселе были неисправны. Страждущий за нас на Кресте Господь и намерение примет как самое дело, лишь бы оно было искренно и сопровождалось готовностью устоять в нем до положения живота. Обрадуем хотя этим Господа в сии дни воспоминания Его... В Ветхом Завете было время, когда вслух всего народа прочитывались книги закона, с клятвами

непокорным и благословениями покорным, и весь народ отвечал: «вся, елика рече Господь, сотворим и послушаем..». Вот Господь со Креста Сам повторяет нам завет Свой; отверзем слух сердца, сложим по писаному свои чувства и расположения и скажем: будем, Господи, соблюдать все заповеданное Тобою, хотя бы нам следовало ради того идти в темницу или на смерть. Аминь.

в среду Страстной седмицы»

Главное – знать и чувствовать свою бедность и богатство Христово и пребывать в сочетании со Христом

В Великую Среду, если помните, я предлагал вам завет, завещанный нам Господом нашим Иисусом Христом, написанный кровию Его и запечатленный крестною смертью Его. Пункты сего завещания по их численности можно было тогда только указать кратко или только озаглавить. Но как они все должны составлять главный предмет нашего ведения, равно как и главную заботу нашей жизни и деятельности, то считаю себя обязанным подробнее растолковать их вам, а вас прошу приложить посильное внимание и терпение в слушании. Думаю разъяснять вам это теперь потому, что Господь, по воскресении Своем сорок дней являясь ученикам Своим, глаголя им, яже о Царствии Божии; Царство же Божие, которое внутри нас есть, в чем другом и состоит, как не в чувствах и расположениях, к которым обязал нас Умерший за нас и Воскресший? Так беседуя о сем, мы войдем в соучастие бесед Господних и продолжим некоторым образом дело Его, которое совершил Он в подлежащие нам дни. К тому ж, может быть, и самые последующие недели по своему содержанию и значению будут наводить нас то на те, то на другие пункты лежащего на нас к исполнению завещания. По крайней мере о настоящей неделе это можно сказать утвердительно и без особых усилий мысли.

Припомните, в чем состоит существо нового завета Божия к нам. Вот в чем кратко: в живом общении с Богом чрез Господа Иисуса Христа во святой Его Церкви. Главный пункт – живое общение с Богом. Но нам, падшим, невозможно иначе прийти в общение с Богом, как чрез Господа Иисуса Христа. Следовательно, предварительно надлежит нам сочетаться с Господом Иисусом, приискренне приобщившимся нашего естества; далее, достигши сего, надо жить в сем общении со Спасителем и стяжанном чрез Него богообщении при союзе со всеми возобщенными с Богом, составляющими Церковь Божию,

коей вверены и все средства спасения, и руководство всех спасаемых. Так заучите: существо нашего завета – в богообщении чрез Господа Иисуса Христа во святой Его Церкви. Восстани, падший, воззри на Господа и сочтайся с Ним, от Него востеки чрез ряд других расположений к Богу и погрузись в богосозерцание и богонаслаждение, но твори это так, как сие творится в Церкви Божией, – пребывая в союзе со всеми призывающими имя Господне. Истинный христианин, твердо содержа сей богоначертанный порядок, всю жизнь свою ходит по нем умом и сердцем и собирает в нем святые чувства и расположения, ублажающие его здесь и надежно приготавливающие к блаженству вечному.

Вот о сем-то я считаю долгом толковать с вами сколько можно чаще и разнообразнее. Тут все дело наше. Если мы стоим в сем чине, хорошо нам, а если нет – пропали мы.

Так, первое дело наше – сочетаться с Господом Иисусом Христом. Мы уже сочетались с Ним. Остается только хранить сие сочетание, возгревая чувства и расположения, которыми поддерживается оно. Тому, кто не с Господом, надо говорить: восстань, падший, воззри на Господа и сочтайся с Ним. А кто с Господом, тому надо внушать: не забывай падения, от коего ты восстановлен, не своди очей своих с Господа, спасшего тебя, и сильною верою вливавай в себя Его спасительную силу. Иначе это так: знай и в чувстве сердца содержи свою бедность, знай и в чувстве сердца носи богатство Христово и потом силою веры и любви переноси сие богатство Христово на себя – бедного. Сочетанный с Господом постоянно содержит сии чувства и, переходя от одного к другому, поддерживает в себе или приводит в движение живое свое сочетание с Господом. Итак, надобно:

а) знать и в чувстве сердца содержать свою бедность, свое окаянство и свою безответность пред Богом. Это есть первая о нас самих истина. Были высоко поставлены, но завистию диаволею, преступив заповедь, подверглись осуждению и клятве, расстроились душою и телом, осуждены на внешние бедствия, подпали тиранству сатаны и состоим в опасности по смерти быть вверженными во огонь вечный, уготованный диаволу

и ангелам его. Для уверовавших все сие уже миновалось. Но никак не должно забывать сего, чтобы не впасть в самозабвение и снова не ниспасть туда же. Путь наш лежит над бездною пламени, куда мы поминутно готовы низринуться, если оставит нас благодать; а она оставит, если забудем, что мы сами по себе и слепы, и нищи, и наги... Сие чувство будет устремлять нас постоянно к Господу или заставлять бежать к Нему, как бегут из душного места или здания, объятого пламенем, на свободу. Как масло поддерживает горение в лампаде, так чувство сие будет поддерживать горение веры в Господа в духе нашем. По мере ослабления первого слабеет и последнее. Теряющий же его выходит из строя спасаемых. Вот как это важно! Попечемся же возгревать в себе чувство бедности своей, своего окаянства и негодности пред Богом, чтоб непрестанно пребывать в чувстве самоуничужения и смирения... и из глубины души взывать: Господи, спаси мя, погибаю;

б) знать и в чувстве сердца носить богатство Христово. Чувство своей бедности, окаянства и безответности пред Богом одно безотраднo и, пожалуй, может ввести в отчаяние – окончательно пагубный грех. Потому, не отказываясь от него, надо растворять его познанием и чувством богатства Христова... Ибо на самом деле не беден только есть человек и погибающ, но есть и спасаем, и обогащаем в Господе Иисусе Христе – на самом деле есть такое устроение, по коему над человеком гибнущим простерто Божественное осенение благодати спасающей. Потому нам надо посматривать не только на себя, как мы ничтожны, но и на Господа, как Он богат и благ, на то, то есть, как милосердый Бог обетовал послать во спасение наше Сына Своего, Который по исполнении времен действительно пришел к нам, воплотился, пострадал, крестною смертью принес жертву за грехи всего мира, воскрес и всех совоскресил, вознесся и, седши одесную Бога и Отца, ходатайствует о нас и властвует над всем как Царь, все устроая во спасение наше. Содержа в уме такое устроение спасения, восприимем его и в чувстве, чтоб вместе с апостолом взойти до того состояния, в котором «вся вменяют уметы быти за

превосходящее разумение Христа Господа». Следствием сих двух чувств будет:

в) самое сочетание сердца с Господом. Ибо когда, таким образом, в одном и том же духе встретятся и чувство своего окаяинства, и чувство богатства Христова, то что может удержать их от того, чтоб сочетаться друг с другом, как сочетаются вода с сухою землею или как две сродные между собою стихии? Чувство безответности восходит к Господу пожершемуся; чувство рабства приемлет Господа как живот наш; страх смерти и ада исцеляется видением Господа – Царя и Победителя всяческих. Каждое чувство находит себе соответственное удовлетворение в созерцаемом Госпде. Из сего-то сочетания и рождается, как дочь их небесная, истинная вера в Господа Спасителя, которая есть не одно познание Господа, не одно познание своей бедности, а есть то и другое вместе – во взаимном сопроникновении. Сочетание сердца с Господом верою есть внутреннее благодатное действие, коим на наше ничтожество и бедность переносится вся полнота Христова и усваивается нам. Это действие Божеское, коим творится внутри нас новый потаенный сердца человек. Вот стихии, из коих слагается он: я, погибающий, погиб бы на веки, но Господь Иисус Христос, отъявший все зло, лежавшее на роде человеческом, восприял и меня в милость Свою – и Им я спасаюсь. Вера зрит Господа единственным источником своего облаженствования, исчезает в Нем сердцем, объемлет Его любовь, живет Им одним и для Него одного. Когда совершается сие сочетание Господа с сердцем, тогда бывает с каждым из нас то, что Он обещал: «вниду к нему и вечеряю с ним», насыщая его всеми благами Своими бесконечными. Вследствие сего и в глубине духа человеческого изрекается, как Фомаю по осязании Господа: «Господь мой и Бог мой!» Это самый верный голос веры и самый верный ее символ.

Вот кратко, как сочетается сердце с Господом!.. Сначала восчувствует оно свою бедность и безответность пред Богом; потом восчувствует богатство Христово; наконец, силою веры перенесет на себя сие последнее, говоря в себе: все, что соделал Господь для всех, Он дарует по благодати Своей и мне

и меня спасает... И, говоря сие, крепко прививается к Господу, как любящее мать свою дитя обвивается около шеи матерней... Обвившись так с Господом, верующая душа и пребывает так, любовью смотря в очи Господа, держащего ее над бездною и спасающего в Себе... Так устроиться внутренно да поможет нам Господь, всем желающий спастися, чтоб все мы и в час последнего Его явления миру дерзновенно могли воззвать с Фомою: Господь наш и Бог наш! Аминь.

в Фомину неделю»

Свет ведения, свобода действий и покой сердца в Господе Иисусе Христе: к Нему и идите

Какой поучительный пример представляет нам ныне самаряныня! Шла она почерпнуть воды обыкновенной, но у источника простой воды обрела источник спасения. Душа ее, как видно, не совсем была поглощена заботами житейскими. Почему Господь с двух-трех слов перевел ее мысли от земного к небесному и по поводу почерпания воды научил ее искать воду, от которой пьющий не вжаждется во веки: «всяк пияй от воды сея вжаждется паки, а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущая в живот» (Ин. 4, 13–14). Услышав это, жена желательно воззвала: «Господи, даждь ми сию воду!»

Святая Церковь в своих на этот день песнях особенно выставляет нам на вид сие обстоятельство и Самого Господа представляет взывающим к нам: «жаждай да грядет ко Мне и да пиет» – ожидая, что и мы, подобно самарянке, обратимся ко Господу и будем умолять Его: даруй нам, Господи, воду Твою.

Вникнем, братие, в урок евангельский и послушаем голоса Церкви!

«Жаждай да грядет ко Мне и да пиет», приглашает Господь. Но не со всякою жаждою можно приходить ко Господу, а только с такою, какой прилично просить у Него удовлетворения. Что же приличнее просить у Спасителя, кроме спасения? Итак, возжаждав спасения, приступим ко Господу в чаянии утолить сию жажду, в простоте употребляя способы, какие угодно было Ему начертать для сего.

Но жажда спасения в ком уместна? В том, кто чувствует себя со всех сторон стесненным, окруженным опасностями, обремененным бедами и лишениями. Можно сказать всякому: дойди до сознания, что ты в таком положении, – и потечешь ко Господу искать себе спасения. О! Коль скоро так, то недостатка понуждений идти ко Господу не должно быть; и дивиться

надобно, отчего не все устремлены уже к Нему, чтоб почерпнуть воду с веселием из сего источника спасения.

Посмотрите, что вокруг нас и в нас? Вокруг нас ходит неверие, сомнение, равнодушие ко всему святому, которые, заходя внутрь нас, могут колебать и нашу душу недоумениями и покрывать ум туманом противоположных помышлений, вносящих раздор в область мирной и убажывающей веры. Ум ищет света ведения и блажен, когда вступает в него. И напротив, ему свойственно томиться, когда сокращается сей свет, как и телесное око томится, надолго будучи лишено света вещественного. Почему сознающий в себе лишение света ведения и жаждущий его не может не взывать: Господи, послы свет Твой и истину Твою, чтоб она наставила меня и вселила меня в гору святую Твою, с которой свободно мог бы я обозревать пространную область спасительных таинств Твоих. Не в таком ли ныне многие из нас положении?! Если так, то идите ко Господу и не отступайте от Него, ибо Он есть свет и ходящий вслед Его во тьме не пребудет.

Присмотритесь поближе к тому, что внутрь нас,— и вы увидите там душу, связанную во всех своих движениях, подобно узнику, связанному по рукам и по ногам. Вы хотите начать какой-либо подвиг, несколько тяжелый,— но саможаление не допускает до того и отнимает всю к тому силу. Вы хотите благотворить — но своекорыстие сокращает руку вашу. Вы хотите простить — но гордость оскорбленная возбуждает к отмщению. Вы хотите радоваться счастью другого — но зависть погашает сию радость. Так на всякое доброе движение как цепи какие наложены, мешающие душе действовать свободно. А душе свойственна свобода. Почему, находя себя так связанною, она не может не взывать со апостолом: «кто мя избавит?» (Рим. 7, 24), или с пророком: «изведи из темницы» сей «душу мою, исповедатися имени Твоему» (Пс. 141, 8). Так, братие, чувствуя себя связанными и желая свободы, приступим ко Господу, Который говорит: «Аще... Сын вы свободит, воистинну свободни будете» (Ин. 8, 36).

Что в сердце у нас? По его природе — желание покоя, мира, утешений, счастья; а на деле — одна скорбь сменяется другою,

одна тревога гонит другую: то досада от неисполнения желаний; то скорбь от потери достигнутого; тут страх за себя или других; там томление от неумеренной или обманутой надежды; вчера неудача поразила, как стрелою; ныне забота, как червь, точит; завтра неблагоприятное стечение обстоятельств грозит разбить, как параличом. Долго ли же так быть нам, братие? Или у нас одних погашена жажда покоя, мира и блаженства? Или не к кому обратиться нам? Придем же в себя и поспешим благонадежно обратиться ко Господу, Который зовет всех: «приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28).

Так, братие, душа наша жаждет света ведения, свободы действия и покоя сердечного. Сознавая себя лишенными или лишаемыми сих существенных нам благ и жаждая обладать ими, потечем ко Господу, призывающему жаждущих за утолением жажды.

Жаждущий света, к Нему иди. Он есть свет, вне коего тьма. Он просветит ум твой ведением, не внешне только чрез откровение, но и внутренне чрез помазание от Святого, которое учит всему, как испытал тайнозритель, и сообщает такое осязательное удостоверение в истине, что от нее отказаться так же нельзя, как отказаться от своего бытия.

Жаждущий свободы, ко Господу иди. Он разрешит узы страстей, коими связана душа; волеет силу на добро, против которой не может устоять никакая страсть; паче же чрез труд добродетели так сроднит добро с душою, что она не будет чувствовать не только внешних, но даже внутренних уз – от закона, который праведнику не лежит. «Идеже Дух Господень, ту свобода» (2Кор. 3, 17). Он поставляет «на простране нозе» действующих (Пс. 30, 9) – и они действуют во всей широте добрых преднамерений, под благословляющею и содействующею десницею Божию.

Жаждущий покоя, мира и блаженства, ко Господу иди. Он есть живот, мир и покой, и единственно Он. Он изгонит из сердца все тревоги, возродив в нем другие, неземные заботы и искания; Он угасит жгучесть земных скорбей, погасит всякий позыв к земным утешениям. Себя даст Он вкусить – Себя

благого и ублажающего – и тем в забвение приведет вкус ко всему другому. Ибо Он есть полнота всякого утешения. Но что особенно – сквозь ряд событий до гроба, могущих иногда смущать, Он указывает сердцу за гробом нескончаемое блаженство, дает предвкусить его ныне и усвоить себе надеждою в будущем, чтоб восполнить чувство блаженства в нем, не невозмутимостию только его, но и непрерывностию.

Так, ко Господу идите, зовущему нас и обещающему утолить всякую жажду.

Ныне много слышите вы гласов, приглашающих к себе жаждущих; не ходите вслед их. Мудрователи говорят: оставьте откровение и идите к нам, мы в разуме вам покажем свет истины. Не ходите, они обманывают. Нет в них истины, а ложь. Гуманисты говорят: к нам идите, мы разрешим все узы и изведем в свободу человеческую природу. Не ходите, они обманывают. Нет там свободы, а одна смена уз, все тяжелейших и тяжелейших. Чувственники говорят: к нам идите, мы доставим вам всякого рода утех и жизнь вашу усладим. Не ходите, они обманывают. Нет у них утех, а есть обуморение на минуту, которое потом отзывается тягчайшею скорбью.

Так, никуда не ходите, а выну пребудьте с Господом. Он един выну будет напоять вас водою, от которой пьющий не возжаждется во веки. Аминь.

в неделю о самаряныне»

Разные состояния и проявления благодати Божией в нас, верующих

Обратив Свое спасительное слово к самарянской жене при кладезе Иаковлевом, Господь взял мысль от воды и сравнением с нею указал счастливой жене великие дары, приносимые верою в Него и общением с Ним, говоря: «всяк пий от воды сея вжаждется паки, а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущая в живот вечный» (Ин. 4, 13–14). Сия вожделенная вода есть благодать Святаго Духа, подаемая верующим в Господа во святой Его Церкви. Ибо в другом случае Господь так сказал: «аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет; веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече», уверяет святой евангелист, «о Дусе, егоже хотяху приимати верующии во имя Его» (Ин. 7, 37–39). Изменив сие иносказание в простую речь, мы услышим из уст Господа такое наставление: жаждущий спасения, уверуй в Господа. Кто верует, тому дается благодать Духа Святаго. Благодать же Святаго Духа, пришедши и вселившись в сердце, становится источником духовной жизни, ведущей в живот вечный.

Какое утешительное благовестие! Верующий получает благодать, а благодать производит в нас и из нас источник спасения! И это есть преимущество всех верующих, всех христиан. Не верующий – не христианин – не имеет благодати, а безблагодатный не имеет спасения. «Веруяй в Мя», говорит Господь, «реки от чрева его истекут». Вера, благодать, спасение – все пребывают неразлучны, так что где есть одно что-либо, там и все есть, а где нет чего-либо, там ничего нет.

Слушая сие, с изумлением иной спросит: вот и я христианин, и я верующий, неужели же и во мне есть благодать Святаго Духа?! Если есть сия благодать, то она есть во мне источник воды, текущей в живот вечный. Неужели же и во мне есть сей источник воды, текущей в живот?! Неужели в самом

деле, братие, над нами и в нас совершилась и совершается такая неизреченная милость Божия?

Так есть. И да не отметаает никто благодати Божией. Или «не весте... яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас» (1Кор. 3, 16), вопрошает апостол. Мы изумляемся: неужели есть в нас благодать? А апостол изумляется нашему о сем неведению. Или "не весте", говорит, «яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас». А в другом месте вот какое строгое издает определение: «аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Его» (Рим. 8, 9).

Так нераскаянны дарования и обетования Божии! Благодать Духа несомненно изливается на нас в святых таинствах и пребывает в нас с того времени, как крещаемся и помазуемся миром, но являет себя различно, судя по различному отношению нашему к сей благодати. В иных пребывает она сокровенною, неявляемою; в иных обнаруживает себя в свойственных ей действиях на нас, но обнаруживает не непрерывно, а с перерывами; иных, наконец, осеняет вполне и неотступно являет действие свое и для них, и для других заметно. Я поясню вам сии состояния. Сам к себе всякий прилагай, что будет говорено, и бери себе из того нужные уроки.

Кто принял таинства, в том есть уже благодать, хотя она не являет еще своего присутствия сквозь действия человеческие. Так семя, брошенное в землю, но еще не прозябшее и не проросшее из земли, хотя есть, но его не видно. В ином месте есть жила чистой и целительной воды, но скрыта под землею. Люди ходят по тому месту и нередко пьют дурную воду, а чистая вода тут же есть, да скрыта. На ином поле лежит под землею какое-либо сокровище; хозяин трудится, обрабатывает землю и иногда мало добывает трудами... а сокровище тут же, да не видно. Таким же образом и в сердце нашем бывает сокрыта благодать, как сокровище, как родник, как семя,— но она в иных не видна, не являет плодов, не источает воды, не обогащает. Она есть, но не обнаруживает своих действий. В притче Спасителя получивший один талант и скрывший его в землю имел талант, но ни сам не пользовался им, ни другой не видал его. Так и здесь. Крещеный и миропомазанный уже

получил благодать возрождения и дар Святаго Духа и имеет его, но, обратив заботы свои на иные предметы, он может зарыть сие сокровище в земле сердца своего так, что ни ему, ни другим оно не видно. Он может томиться жаждою духовною или пить гнилую воду земных утех – а источник благодати, могущий утолить его жажду, тут же, в нем, да завален. Он может голодать и быть бедным духовно – а сокровище духовное всеобогашающее и семя древа плодоносного и всенасыщающего тут же, в нем, да загромождены хламом земных дел и забот.

Поройся в земле – и, может быть, отроешь сокровище или родник чистой воды. Пройдет влага и тепло к семени, и оно прорастет и плод принесет. Так и здесь – дай простор благодати действовать, и она воздействует и явит силу свою в тебе и на тебе или как живая вода утоляющая, или как сокровище обогащающее, или как плод, питающий и насыщающий.

Что рытие земли в вещественном – то подвиги самоумерщвления в духовном. Что влага и тепло в вещественном – то в духовном труды доброделания и благочестия. Бог говорил к современникам Ноя: «не имать Дух Мой» *пребывати в человецех сих..*». «зане суть плоть» (Быт. 6, 3). Следовательно, Он будет пребывать там, где плоть распинают со страстями и похотями или где несут подвиги самоотвержения. Апостол пишет: «духа не угашайте», или: «не оскорбляйте Духа Святаго Божия, Имже знаменастесь в день избавления» (Еф. 4, 30) – и потом перечисляет страсти, каких удаляться, и добродетели, в коих преуспевать должно; следовательно, там не угасает Дух, где есть борьба со страстями и труд доброделания. В другом месте он же учит: «исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмех и пении и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви» (Еф. 5, 18, 19). Следовательно, где есть песнопение, молитвословие церковное и домашнее и вообще дела благочестия, там будет и исполнение Духом или явление действия благодати Святаго Духа. Подвиги самоотвержения, труды доброделания и благочестия дают простор действию в нас благодати Святаго Духа, и она, сокровенная, приходит тогда

въявъ и действие свое показывает и самому благодать носящему, и другим.

Но и въявъ пришедши или воздействовав уже в сердце, благодать не вдруг являет всю силу свою или всю полноту своих действий, а постепенно, по частям, прерывчато. То подействует на одну сторону естества нашего, то на другую, то на одну силу, то на другую – то мысль просветит, то сердце усладит, то силы укрепит. И ни одного нет из тех, кои не преданы какой-либо греховной страсти, – ни одного нет, кто не ощущал бы в себе иногда действия благодати. Когда в уме вообразится какая-либо святая истина, например: творение, промышление, искупление и прочее, или какое событие евангельское: распятие, воскресение, вознесение и прочее, – вообразится так сильно, что окует все внимание ума, и так ясно, что он созерцает все подробности и убеждается и питается тем, – то это плод благодати Божией. Когда сердце поражается страхом суда, или исполняется надеждою благ вечных, или чувствует сладость, умиление, сокрушение, отрешение от всего с такою силою, что оно будто переносится совсем в другую область из окружающего нас, – то это есть действие благодати. Когда душа ликовствует, благодушествует, готова на всякое добро, на всякий труд, на всякое лишение и даже смерть, все терпит, не страшится никаких препятствий в богоугождении – все сии и подобные состояния суть явления действующего в нас Духа Божия.

И недаром, когда побывает кто в каком-либо из сих состояний, именует его благодатным состоянием. В нем дается вкусить человеку то, чего ничто земное дать не может. Всякий бывает в сих состояниях, но не у всякого они бывают постоянны, а приходят и отходят, даются и отъемлются подобно тому, как в видимом мире бывает то светло, то облачно; то тихо, то ветрено; то тепло, то холодно. Так судила спасительная благодать для нашего ж блага, чтоб не связать свободы нашей, чтоб постепенно воспитать нас к благодатному пребыванию и научить ценить благо, которое дается не вдруг, а после многих опытов даяния рукою, как бы сокращенною. Благодать, говорит святой Диадокх, иногда неизъяснимым каким-то ощущением

открывает сердцу свое присутствие и потом опять скрывается, ожидает, чтоб душа ревностнее еще взыскала Господа, вкусив блага от стремлений к Нему. Из вкусивших сего кто не пожелает, чтоб учащались сии состояния и, приходя, не скоро отходили, но продлялись и долее давали себя ощущать? Трудись и ищи! Но ведай, что усугубить или умалить, продлить или сократить зависит от Господа, устрояющего спасение наше так, чтоб все споспешествовало нам во благо. Сие говорится не затем, чтоб кто руки опустил, а чтоб усугубил труд, который, как ведомо, по милости Божией все преодолевает. Трудись и ищи. К подвигам самоотвержения, к трудам добродетелей и благочестия приложи особенно внимание к себе, внутрь пребывания и непрестанное к Богу обращение умом. Внимай себе и, замечая, что именно тебя вводит в благодатное состояние, тому больше и прилежи; что же расстраивает его, от того бегай как от огня. Приобретешь навык и укрепишься в добром пребывании – тогда и благодать приосенит тебя обильнее, а если рассудит, даст тебе постоянно обладать тем, что теперь дает только по частям. Больше всего не вдруг и не сполна осеняет душу благодать оттого, что Господь не верит нашей верности. Уверим Его в неизменной Ему верности постоянством в добре – тогда и Он вверит нам всю силу Своей благодати.

Что такое люди, достигшие сей последней степени, о том не своими скажу вам словами, а словами святого Макария Египетского (извлечено из Бесед 32, 37).

«Когда благодать Духа осенит душу,— говорит он,— всюю полнотою и силою своею и поселится во глубине ее, тогда душа сия становится един дух с Господом и откровенным лицом взирает на славу Божию. Благодать, пришедши чрез очищение внутреннего человека и ума, очищает душу от всякой скверны и помысла нечистого, желая, чтоб она, возвратясь в свойственное ее естеству состояние, открытыми и ясными очами усматривала славу истинного света... Имеющий благодать, укоренившуюся в душе и сорастворившуюся с нею, на опыте познал иное богатство, иную честь и иную славу и питает душу нетленною радостью и ощущает и вполне наслаждается ею чрез сообщение с Духом. Сколько есть различия между разумным

пастырем и пасомым стадом, столько таковой человек смыслом, знанием и рассуждением различается от других людей, ибо он имеет иной дух и иной ум, иной смысл и иную мудрость. Блаженны поистине и счастливы по жизни и сверхъестественному наслаждению те, кои посредством добродетельной жизни получили опытное и осязательное познание небесных таин Духа и имеют жилище свое на Небесах. Таковые, падши на лице свое пред Господом, под руководством Духа восходят на Небо и в твердой вере души своей наслаждаются там чудесами, там действуют, там имеют жилище, как говорит божественный апостол: «наше житие на Небесех», и еще: чего не видал глаз, не слыхало ухо, и что на сердце человеку не приходило, то «приготовил Бог любящим Его. Нам» же "открыл" Бог «Духом Святым» (1Кор. 2, 9, 10)».

Вот три состояния, в каких бывает в нас благодать Духа Святаго. Потрудись теперь всякий войти в себя и определить, в каком состоянии в тебе благодать, и соответственный тому возьми себе урок из предложенного рассмотрения. Скрыта в тебе благодать? Дай ей простор обнаружить свою над тобою силу. Действует благодать по временам? Стремись к тому, чтоб она стала в тебе постоянно действующею, всего тебя исполнила и не отходила от тебя никогда. А когда и сего достигнешь, пой тогда славу Богу, Благодателю нашему. Аминь.

в неделю о самаряныне»

Образ и подобие Божии в нас – в творении и восстановлении

Празднуя ныне Нерукотворенному образу Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, не забудем, братие, что праздник сей установлен не ради только чуда, явленного Господом в даровании сего образа, но и ради соединенного с ним, крайне нужного для нас и высоконазидательного напоминания, именно: созданы мы по образу Божию и подобию, а когда потеряли их, снова воссоздаемся в тот же образ и подобие в Господе Спасителе, в чем все существо спасения. Воссоздаемся. Но как первосозданный потеряли мы образ, так можем потерять и воссозданный. И кто знает, цел ли он у нас? Надобно войти в себя, рассмотреть, что там есть, сличить с тем образом, по коему должно назидаться все внутри нас, и определить, целы ли в нас образ и подобие, по коим воссозданы мы в Господе. Сами собою, может быть, мы и не пришли бы к мысли заняться этим. И вот святая Церковь, установив праздник Нерукотворенному образу, каждому из нас говорит как бы тем: смотря на сей Нерукотворенный образ, вспомни, что в тебе есть свой нерукотворенный образ. Войди же в себя и посмотри, цел ли он в тебе и в том ли виде содержится тобою, как следует. Не откажитесь, братие, послушать внушения Церкви и заняться этим ныне. А я помогу вам, разъяснив, что такое образ и подобие Божие, как они восстановлены и по каким чертам можно определить, целы ли они в нас.

Образ и подобие Божии не относятся к телу, а к душе. Образ Божий состоит в естестве души, а подобие – в свободно приобретаемых ею богоподобных качествах. То, что душа наша невещественна, проста, духовна, бессмертна и разумно-свободна, – это относится к образу Божию. А когда она должным употреблением разума и свободы познает истину и станет искренно содержать ее, сердце же украсит всякими добродетелями, как-то: кротостию, милосердием, воздержанием, миролюбием, терпением и прочее, – тогда сии качества составят в ней подобие Богу. Так, например, когда

Спаситель говорил: «будьте милосерды, якоже Отец ваш» Небесный «милосерд есть», то этим указал Он нам черту богоподобия, и кто усвоит ее себе, тот будет в сем отношении богоподобен.

Когда человек вышел из рук Творца, тогда образ Божий в нем был чист и совершен и богоподобие полно, сколько сие вмести́мо естеству человеческому. Когда же потом пал человек, то образ и подобие Божие испортились, исказились, омрачились. Вместо добродетелей пришли страсти и пороки и стали вытеснять их; вместо истины вошла в ум ложь, разум стал слаб к познанию и различению истины и добра, свобода стала связана дурными склонностями и привычками; в самом даже естестве своем душа огрубела и как бы оплотенела, предавшись чувственности и плотским наслаждениям.

Милосердый Бог не хотел оставить человека в этом худом состоянии, а благоволил устроить ему спасение и восстановить в нем образ Свой и подобие. Для сего Единородный Сын Божий, сияние славы и образ ипостаси Отца, во образе Божии сый, Себя «умалил, зрак раба» приял «и образом обретесе, якоже человек». Пришедши на землю, Он устроил на ней святую Церковь и вверил ей Божественное слово Свое и святые таинства. Приемля верою слово истины, содержаемое святою Церковью, и получая благодать чрез святые ее таинства, человек облачается в образ Христа Спасителя, а чрез сие самое – во образ Божий, силою коего потом достигает и подобия. Сие совершается так.

Во святом крещении умирает человек для жизни плотской и греховной и возрождается от Духа Святаго для жизни духовной и святой, то есть получает силу жить свято и духовно. Чрез восстановление сей силы восстанавливается в нем образ Божий. А подобие Божие отображается потом – не вдруг, а постепенно, – когда человек начинает должным образом упражнять принятую им в крещении силу жить свято и духовно и самым делом начинает так жить, избегая лжи и греха, истребляя в себе зло и страсть и насаждая добрые расположения. Кто чрез грех теряет благодать крещения, тот возвращает себе силу крещения чрез покаяние и, восстановив здесь опять образ

Божий, начинает снова, познанием истины и трудами доброделания, воображать в себе и подобие Божие. Когда таким образом он ум свой исполнит ведением всякой истины Божией, а душу украсит всякою добродетелию, тогда станет он и богоподобен, или облечется, как учит апостол, в правду и преподобие истины «по образу Создавшего его» (Еф. 4, 24; Кол. 3, 10).

Вот как говорит о всем этом святой Диадок (в «Добротолюбии», § 89; своими словами для ясности). То, что в нас есть "по образу", Божественная благодать дает "одна" во святом крещении, омывая все наши скверны и чистым соделывая естество наше; то же, что «по подобию», она потом соделывает в нас не одна, но вместе с нашею свободою. Когда, прияв силу в крещении, человек помощью ее начинает усвоить себе всякую истину и навывать всякой добродетели, тогда на том, что есть "по образу", начнет живо писаться в нем и то, что должно быть «по подобию». Тут происходит то же, что делают живописцы. Живописец сначала начертывает образ человека одними чертами, а потом уже и красками разрисовывает каждую часть, как она есть в том, чей образ он рисует. Так и благодать Святаго Духа сначала в святом крещении делает человека таким, как он был до падения, – восстанавливает в нем то, что "по образу"; а потом, когда видит, что человек усердно желает и красоты подобия и готовым себя являет на всякий для сего подвиг, тогда она, добродетель за добродетелию нацвечивая и от красоты к красоте возводя вид душевный, совершенным образом начертывает в ней и "подобие" – и становится тогда человек совершенным, по образу и подобию Божию.

Поясню вам это и от себя немного. Отпечатленное благодатию на образе подобие обнимает все наше внутреннее – и мысли, и расположения, и чувства – и соделывает богоподобными и ум, и волю, и сердце.

Ум богоподобен, когда он ясно ведаёт Символ веры и все содержащееся в нем содержит нелицемерно. Апостол Павел говорит о себе и о всех апостолах: «мы же ум Христов имамы» (1Кор. 2, 16). Сей Христов ум они не удержали в себе одних, а предали его Церкви и верующим – в слове живом и писаном.

Святая же Церковь собрала его весь воедино и изложила кратко в Символе веры. Стало, кто ведает и искренно содержит все, чему учит Символ веры, тот имеет ум Христов, или у того ум подобен уму Христову, богоподобен.

Деятельная сила человека бывает богоподобна, когда она украшается всеми добродетелями, какие указаны Господом в учении о блаженствах, именно: смиренномудрием, сокрушением, кротостию, истиннолюбием и правдолюбием, милосердием, чистотою сердечною, миролюбием, прощением обид, терпением и прочее. Что это так, сему учит апостол Павел (Кол. 3, 9–17), ибо, сказавши, что нам надобно облещися в нового человека, обновляемого по образу Создавшего, поясняет потом, в какой именно образ следует облещися, говоря: «облецытесь..». «во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость и долготерпение», в то, чтоб прощать, если кто имеет что на другого, мир в себе водворять и все творить с чистым побуждением, во имя Господа Иисуса и славу Божию. А это то же самое, что содержится в учении о блаженствах.

Сердце становится богоподобным, когда оно отрешается от всех привязанностей земных и прилепляется к вещам духовным и небесным. «Об отрешении» так заповедует апостол: надобно, говорит, нам так жить, чтоб имеющие жен были как бы не имеющие, плачущие, якоже не плачущие, и радующиеся, якоже не радующиеся, и купующие, яко не содержаще, и требующие мира, якоже не требующе (1Кор. 7, 29–31). То есть надо так настроиться, чтоб все бывающее в мире было чуждо нам, проходило около нас, не возмущая и не касаясь нашего внутреннего. А о прилеплении к предметам духовным и божественным так говорит тот же апостол: «вышних ищите... горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе» (Кол. 3, 1–3).

Вот видите теперь, что есть образ Божий и что подобие, как восстанавливается образ и как восстанавливается подобие и в чем состоят они восстановленные. Возьми теперь всякий и рассмотри себя – душу свою, ее действия и свойства – и сличи с тем образом и подобием, кои должны отпечатлеваться в них. Что есть – благодарите за то Господа; а чего нет – то

приобрести постарайтесь, прося у Господа себе помощи на то. Если образ Божий, восстановленный во святом крещении, опять омрачен и поврежден смертными грехами, надобно обновить его в покаянии. Если цел образ, смотри, полное ли есть подобие. Читай Символ веры и рассуждай, все ли знаешь, что там содержится, и так ли знаешь, как должно знать. Если не все знаешь, дознай; если о чем не так думаешь, изгони сии богопротивные мысли и возьми мысли Божии. Возьми учение о блаженствах и смотри, все ли те добродетели есть в тебе, кои там заповедуются. Какие есть, те храни и укрепляй; каких нет, те стяжать озаботься. Возьми сердце свое и смотри, где его сокровище, где оно живет и в чем благо свое поставляет. Если увидишь, что ему «еже жити, Христос: и еже умрети приобретение есть» (Флп. 1, 21), благодари Господа. А если увидишь, что оно все опутано пристрастиями земными, начинай отрешать его от них понемногу, поспешая, однако ж, сделать это, чтоб смерть не застала, ибо кто привязан к земле, тому тяжело умирать.

Если мы положим отныне так действовать, то настоящим образом исполним урок от праздника Нерукотворенному образу Божию. А если потом и самым делом устраним все повреждения образа и подобия Божия в нас и восставим их в себе во всей целости и чистоте, то исполним и всю волю Божию о нас, которая есть святость наша.

Господь, нерукотворенно отпечатлев образ Свой на убрусе, да возьмет, как убрус, и естество наше и прикосновением к Своему Богочеловеческому лику да напечатлеет в нем не образ только, но и подобие Свое, да тако подобницы Ему бывше, по смерти сподобимся внити в нерукотворенная святая, куда вошел Он для нас – предтеча, – и с Ним, как сыны и наследники, вечно насладимся обетованных нам благих. Аминь.

в день Нерукотворенного образа»

Требуется самораспятие для восстановления нас в первобытное состояние

Вчера пели мы: «радуйся, Благодатная»; ныне поем: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». Вчера мы восхваляли Пресвятую Богородицу за то, что Ею к нам Вышний нисшел есть; ныне восхваляем Ее за то, что Она есть таинственный рай, имже крестное, живоносное на земли насадися древо. Вчера святая Церковь хотела возвесть нас до чувства радости избавления; ныне хочет она воодушевить нас к подъятию скорбей крестоношения. Что бы значило такое сочетание? Что внушается нам и какой урок дается чрез это? Сим внушается нам, что без крестоношения нет истинных радостей. Хочешь радоваться – понеси прежде крест. Радость – цель; крест – средство. Хочешь первой – возжелай последнего. Хотя показанное сочетание христианских празднственных воспоминаний не есть необходимое, а случилось только в сем году, тем не менее, однако ж, не неуместно занять ваше внимание объяснением, как и почему путь к радости лежит чрез крест.

Радость и веселие должны принадлежать нам по природе нашей. Бог создал человека по образу и по подобию Своему. Но как Бог есть всеблажен, то и человек долженствовал выйти из рук Творца обладателем блаженства. Так и было вначале. Человек блаженствовал и внешне, и внутренне. Но потом, по зависти диавола, будучи прельщен, преслушал заповедь Божию, чрез грех расстроил себя и вместо радости и веселия наследовал смятение и страх. Тогда в соответствие внутреннему, а вместе и в наказание Бог отнял у него и внешнее блаженное жилище. И стал человек обременен скорбями и печальми всесторонне. Теперь очевидно, что желающему снова возобладать радостью и веселием надо уничтожить прившедшее в него падением повреждение и восставить себя в первоначальный чин и устройство. Как только сие совершится, радость и веселие опять водворятся в нас,

сроднятся с нами, как сродно нам, например, дыхание. Что же для сего надо сделать? Надобно распять себя – и вот почему!

Посмотрите, что сделалось с нами в падении! Апостол Павел то зло, которое пришло к нам чрез падение, именует человеком ветхим или греховным. Объясняя сие, Макарий Великий говорит, что чрез падение привзошел в нас иной человек – и человек полный, со всеми членами, – привился к тому человеку, который вышел из рук Творца, и заглушил или заморил его собою: привзошел так, что голова налегла на голову, руки на руки, ноги на ноги, всякая часть на себе подобную часть; заглушил так, что того первобытного человека стало или совсем не видно, или мало видно, а стал видимым и действующим только сей пришлый человек. Оттого и не стало у человека радости жизни, что стал жить не настоящий человек, а иной, греховный человек, которому не свойственно радоваться. Человек первозданный был, как говорит премудрый, прав, то есть был верующ, богобоязнен, упователен, молитвен, милосерд, кроток, смирен, чист, благожелателен, воздержан, деятелен – словом, украшен всеми богоподобными совершенствами. А пришлый человек, греховный, во всем ему противен: он невер, Бога не боится, не молится, надеется только на себя, не милосерд, гневлив, яростен, горд и тщеславен, похотлив, завистлив, неблагожелателен, ленив, предан чувственным утехам – словом, обременен всеми порочными чувствами и страстями. Когда сей последний взял верх над первым, то этот начал быть страждущим, состоящим в рабстве, под гнетом. Вследствие чего, не имея свободы действовать, скорбит и тужит. Потерпел, например, кто обиду – правый человек хочет простить, человек греховный требует мести. Как то и другое сходится в одном лице, то внутри нас происходит борьба и тревога, беспокойная, болезненная. Видим, что возвышается другой в счастии и чести – правый наш человек готов сорадоваться, греховный воздвигает зависть. Просят милостыни – правый наш человек готов по доброжелательству поделиться последним, греховный по своекорыстию и себялюбию заставляет беречь что есть для себя... Представляется случай предаться чувственным

удовольствиям – правый наш человек повелевает отказаться от них, чтобы сохранить себя чистым, греховный неудержимо влечет туда, ибо находит удовольствие в нечистотах. Так и во всем – пришлый, греховный человек не дает свободы человеку правому в нас, созданному по образу и по подобию Божию, томит его, держит его в рабстве и горькой неволе. Оттого и нет в нас радости, пока мы в рабстве у греха.

Теперь само собою очевидно, что для того, чтобы возвратить нам себе радость жизни, надобно умертвить в себе сего греховного и пришлого человека. А по апостолу, это значит совлечься ветхого человека с деяньми его, распять плоть со страстями и похотьми, или, что то же, взойти на крест.

Когда будет умерщвлен сей греховный человек, тогда получит свободу человек правый и, начав действовать беспрепятственно, так, как свойственно ему по природе, будет веселиться и радоваться. Будет умерщвляться и распинаться в нас собственно греховный человек, но как он прирос к нам и сорастворился с естеством нашим, то, убивая его на кресте, мы не можем не страдать и не болеть и сами. Тут происходит то же самое, что бывает, когда врачи делают операцию, вырезая какую-либо приросшую, ненужную, болезнь только причиняющую часть. Вырезывается лишнее, чуждое составу тела, вредное, а тело все – и настоящее – страдает. Так и в распятии ветхого человека – предается казни пагубное, не свойственное нам, безобразящее нас, греховное, но и мы не можем не страдать, потому что оно привилось к нам и стало как бы одно с нами. Вот почему сие совлечение ветхого человека именуется и есть самораспятие. Действие сие точно походит на то, как бы сдирать с себя кожу. И в самом деле, какая сильная бывает иногда боль. Но самая боль сия радостотворна, тем паче радостотворны плоды ее!

Так, братие, крест нужен, и нам непременно нужно взойти на него. Но вонмите, что распинается пришлый человек, а мы только болим при сем оттого, что нельзя оторвать его от нас без боли; в самом же деле мы не распинаемся, а освобождаемся от неволи, исцеляемся, разрешаемся от уз. Как если бы с узника какого, окованного по всему телу цепями, которые от

долговременности вросли в тело, стали снимать сии цепи, то хотя ему было бы больно, но он охотно и с радостью потерпит сию боль, зная, что чрез нее он получит отраду свободы и, немного потерпевши, приобретет себе всегдашнюю радость и веселие,— так точно и у нас при распятии греховного человека бывает больно и беспокойно, но потерпим благодушно: немного еще — и вступим в свободу чад Божиих. Иначе нельзя. Одно из двух: или всегда страдать в рабстве греху, или, немного поболевши, вступить в отраду свободы от греха.

Вот еще что помнить должно! Самая боль самораспинания имеет отраду, и это не только по тому, что после чается, но и по тому, что в сии минуты ощущается — и от действия благодати, и от чувства здравия, начинающего разливаться по всему составу нашему духовному. Надобно только решиться на самораспятие однажды и решимость сию обратить на все вообще греховное, качествующее в нас, в каком бы ни проявлялось оно виде. Когда сделается такой перелом, или это поражение греховного человека в корне его жизни, тогда поражение его по частям не будет составлять ни труда, ни боли, ни страданий. Будет только то, что чем более кто будет упражнять над собою действия самораспинания, тем больше и больше будет сам освобождаться от уз греха, тем больше и больше будет выступать потаенный сердца человек с одним, другим, третьим членами освобожденными, пока наконец явится во всем совершенстве, не имущ скверны, или порока, или нечто от таковых, как новосозданный по Богу в правде и преподобии истины.

Ведая сие, братие, воодушевимся на крестоношение, или самораспинание, имея в мысли не столько минутную боль, сколько отраду спасения. Се единственный путь к свободе чад Божиих, единственные врата, коими входят в радость Господа. Желает кто радости? Распнись! Тогда, совлекшись ветхого, облечешься во все новое и явишься совершенным по духу, душе и телу, достойным чадом будущего возустроения всяческих. Сего блага желая всем вам, напоминаю вместе не чуждаться внутренних и внешних крестов, встречаемых в жизни,

и, взирая на благий их конец, воодушевляться к благодушному и терпеливому несению их. Аминь.
в 3-ю неделю Великого поста»

Брань со страстями и опытность духовная

Ныне неделя, в которую вспоминается чудесное исцеление Господом 38-летнего расслабленного. В Евангелии поминается чудотворная ветхозаветная купель, которую возмущал ангел Господень каждое лето, и кто первый влезал в нее по возмущении воды, бывал здоров, каким бы недугом ни был одержим. При купели было пять притворов, в которых лежало множество болящих – слепых, хромых, сухих – в чаянии движения воды.

Что в сей день положена память святого Авраамия мученика, это очень понятно. Почивающие здесь нетленные мощи его суть наша чудотворная купель. Приходи, кто хочет, и не однажды в год, а каждый день и час, и не жди ангела, а сам возмути ее чудодейственность молитвенными движениями и воздыханиями – и несомненно отойдешь здоров от недуга, которым недугует душа твоя и даже тело, если того достойным найдет тебя промыслительная благодать Божия.

Так это понятно. Но то не совсем понятно, чего ради устроился в сей день праздник в вашей обители, сестры? Видно, что этим хотели сильнее напечатлеть в вашей мысли то евангельское событие. Но самое напечатление сие зачем, и зачем у вас, иночествующих? Какая мысль дается сим о вас, вам самим и нам, сторонним? Та ли, что вы – овчая купель для проходящих к вам больных разного рода душевными недугами, или та, что вы в своих келиях подобились пяти притворам, в которых лежат болящие, сами ищущие и чающие целительных движений вне себя, от инуда? Вот это не ясно, что вы – купель целительная или притвор с больными? Хочу пояснить вам сие потому, что отсюда выходит для вас очень назидательный урок.

По моему суждению, вы должны быть и то, и другое. В себе самих, в своих чувствах и в своем о себе мнении вы должны быть болящие, а для других – целительницы душевных недугов. Сами вы должны чувствовать и почитать себя исполненными недугов душевных, духовно слепыми, хромыми, сухими; а для тех, кои приходят к вам с немощами душевными, вы должны

подавать всякое исцеление, просвещать слепотствующих умом и самопрельщенных, исправлять хромлющих на обе плесне, нерешительных, и оживлять святое чувство в душах, иссохших суетою и заботами житейскими. Не думайте, что тут есть несообразности. Может быть, вам представится: как же это самим себя иметь душевно немощными, а другим подавать душевное врачевание? Откуда немощный сам в себе возьмет целительную силу для других? Скажу на это, что во внешней жизни точно так бывает, что скудный не дает удовольствия и бессильный – крепкой опоры, а в духовной жизни наоборот – чем кто зрит себя немощнее, тем он бывает сильнее, ибо в немощах-то и совершается сила Божия; и чем кто униженнейшим себя имеет, тем преславнейшие и спасительнейшие издает дела, ибо смиряющийся в чувствах о себе возносится делами, Богом чрез него содеваемыми.

Вы, конечно, знаете, как идет духовная жизнь. Когда человек предан страстям, то он не видит их в себе и не разделяется с ними, потому что живет в них и ими. Но когда воздействует на него благодать Божия, тогда он начинает различать в себе страстное и греховное, признается в нем, кается и полагает намерение воздерживаться от того. Начинается борьба. Сначала сия борьба ведется с делами, а когда отвыкнет человек от дурных дел, брань начинается уже с дурными мыслями и чувствами. И здесь она проходит много степеней, но главное тут вот что бывает: помыслы и чувства не вдруг освобождаются от страстей и греха, а до сего бывают еще в плену у них и после того, когда дурные дела уже прекращены. Дел тогда грешных хоть и не бывает, но душа помышляет о грешном и услаждается страстными предметами. Кто ревностно ведет дело спасения, сейчас заметит это. Внимание, которым внимает он себе, непрестанно открывает ему все сплетение страстных помыслов, роящихся внутри его. Заметив эту нестройность, начинает он прогонять дурные помыслы и подавлять страстные движения, навывает распознавать, какой страстный помысл как начинается, как подкрадывается, как увлекает и прельщает душу, а вместе навывает и тому, как

побеждать его, прогонять и погашать. Борьба длится, страсти все более и более исторгаются из сердца.

Бывает и так, что совсем исторгаются страсти из сердца. Исторгаются! Остановитесь тут вниманием, что значит это исторжение страстей из сердца? Исторгаются страсти, но борьба не прекращается; исторгаются из сердца, но не выходят из естества нашего и в нем остаются. Признак того, что страсть исторгнута из сердца, есть когда сердце начинает питать к страсти отвращение и ненависть. Но когда и этого достигнет человек, это не значит, чтобы страстные помыслы уже не приходили и не покушались увлечь душу его,— нет, и при этом они будут нападать и соблазнять, хотя без успеха, ибо сердце тогда с первого раза поражает их ненавистию и отвращением. Страсть исторгнута из сердца, но осталась подле него, стала вне его, как соблазнитель.

Положим, что так сделано с одною, другою, третью страстью — и всеми, какие у кого есть. Все они выброшены из сердца, отвергаются и ненавидятся им, но все стоят вне его и соблазняют. Каким, думаете, будет сознавать и чувствовать себя тот человек, в котором сие совершается? Не иначе как нечистым, ибо страсти нечистые, хотя они уже ненавидятся им, все же он видит в себе. Вот тщеславие приходит, вот осуждение, вот леность, вот зависть, вот похоть. Хотя всех их он прогоняет и отвергает, но все же не может не видеть, что они в нем и что, следовательно, он не может не сознавать себя немоществующим ими.

Припомните сказание об одном великом подвижнике, как он, сидя в келии, вслух осуждал себя в разных грехах. Ученики его совне слышали, что он говорил, например: ты уж побранился; немного спустя — ты уже наелся ни свет ни заря; потом — ты уже судья стал и всех рассудил, и прочее; так он перебирал все грехи, будто содеянные им. Это не грехи были, а помыслы приходили к нему, и он судил себя нечистым от них, соучастником в них и грешником. Между тем по ходу жизни он и подобные ему стоят на высокой степени. И выходит, что тем совершеннее кто на деле, чем немощнейшим чувствует себя в сердце, чувствует себя страстным и осуждает себя в

страстности, когда страсти уже отвергнуты и возненавидены. Даже надо сказать, потому и сознает он себя страстным, что страсти отвержены, ибо пока они не отвергнуты сердцем, человек неохотно признает себя в них виноватым, а все как-нибудь извиняется в них.

Но пусть он сам себя чувствует уничиженным, как бы был весь в грехах и ранах,— так ему должно. Мы же смотрим, что есть на деле. Ведь он все уже страсти одолел и исторг из сердца, значит, он на деле изведаль, как какая страсть и какой страстный помысл действуют в нас и как их одолеть можно, изведаль все хитрости греха и страстей и все меры против них, духовною мудростию предписываемые, и своим опытом все сие знает. Но такое лицо есть сокровище духовного врачевания: приходи к нему с какою хочешь немощию душевною — он все расскажет, как в каком случае поступить и как укрепиться и одолеть себя. Ибо все изведаль и знает опытно целительность своих средств и их пригодность в разных случаях — «сам искушен быв, может и искушаемым помощи», как говорит апостол, и даже так, что такой только и может быть настоящим врачом душ. Когда кто, сам не у врачевавшись, других врачевать хочет, тогда и врач, и врачуемый в прелесть пагубную впадают и увеличивают свою проказу взаимно, а не врачуются, подобно как если слепец слепца поведет, то оба в яму впадут.

Теперь видите, сестры, каким образом чувствующий себя немощным и страстным бывает самым надежным врачевателем душевных немощей и страстей! Отсюда возьмите решение — как и вы можете сами себя иметь болящими, а для других представлять целительную овчую купель. Вступите в безжалостную борьбу со страстями и помыслами — и сим путем достигнете того и другого. Дела греховные какие-нибудь вам трудно иметь, но при сем можно иметь греховные помыслы и все же быть грешными пред Богом. На помыслы паче и обратите все внимание и всю ревность подвижничества. Когда сею внутреннею борьбою исторгнете страсти из сердца, тогда будете способны врачевать и других и тем исполните ваше назначение в святой Церкви. Иноческие обители зачем учреждены? Затем, чтоб приготовить духовных врачевателей и

врачевательниц. И вы непременно должны сего достигнуть – сего ожидает от вас Церковь, сего ожидают от вас и все христиане. Если нельзя сего достигнуть без борьбы со страстями – так боритесь, и боритесь не лениво. А то что у нас будет? В мире страсти владычествуют и всех снедают. Придет кто в обитель отдохнуть душою – и тут те же страсти. Куда же тогда деваться мирянам от страстей? Возьмите же себе во внимание то, чем вы должны быть, и поревнуйте не казаться только, но и быть таковыми, какими все видеть вас чают. Аминь.

в неделю о расслабленном и на память святого мученика Авраамия»

Монашество – жизнь страстеистребительная, путь к сердечной чистоте

В нынешнем Апостоле слышали мы заповедь очищать «себя от всякой скверны плоти и духа» (2Кор. 7, 1). Необходимость такого очищения видит святой апостол Павел в высоком нашем назначении – быть в живом общении с Богом, по которому он именуется церквами Бога жива, в коих вселяется Он и ходит. Как Бог есть чист, то и к общению с Ним предназначенные должны быть чисты, ибо иначе «кое причастие бо правде к беззаконию? или кое общение свету ко тьме? кое же согласие Христови с велиаром» (2Кор. 6, 14, 15)?

Что же значит очистить себя от всякой скверны плоти и духа? Значит очистить себя от страстей душевных и телесных, ибо они суть нечистота наша. Чистыми вышли мы из рук Творца, а когда согрешили, приняли в себя примесь страстей, которые сделали нас нечистыми. Почему кто хочет взойти опять в первобытную чистоту, тот должен победить и искоренить в себе страсти.

Побеждать и искоренять страсти есть долг всех христиан. «Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми» (Гал. 5, 24), говорит апостол. Но многие, видя, как трудно бороться и одолевать страсти, находясь в житейских и гражданских заботах и связях, разрывают сии связи, оставляют семейство и общество и вступают в обитель на такую жизнь и такие порядки, которые прямо приспособлены к искоренению страстей. Таким образом, монашество есть жизнь, противоборственная страстям, страстеистребительная, сердцеочистительная. Об этом я и хочу напомнить вам ныне, братие, и не столько своим словом, сколько словами преподобного и богоносного отца нашего Пимена, которого и память ныне совершается и который восхваляется в песнях истребителем страстей и руководителем в сем для иноков.

Когда вступают в монашество, это не значит, что тем одним страсти уже и истреблены. Нет, страсти остаются, а только

человек вступает в такие порядки, при которых страстям нет пищи и поддержки, что и составляет приспособленность монашества к борьбе со страстями и одолению их.

В монашестве способнее одолевать страсти. Страсти ведь молчат, когда нет предметов, возбуждающих их. Удаляясь от мира, монах удаляется от сих предметов, и страсти, не находя себе пищи, все слабеют и слабеют, пока совсем не замрут. Держи себя, монах, так, чтоб глаз не видел, ухо не слыхало и другие чувства не ощущали ничего худого и нечистого, – и будешь как в безопасной пристани от волнения страстей, которые, не находя себе поддержки, молчать будут. Спрашивали авву Пимена о нечистых помыслах, рождающихся в сердце человеческом, и о суетных пожеланиях. Он отвечал: «еда прославится секира без секущего ею» (Пс. 10, 15)? Не подавай руки им – и они ничего не сделают (в «Достопамятных сказаниях...», гл. 15). В монастыре пищи страстям, предметов их, нет, только помыслы о сих предметах остались. Но и помыслы одни могут разжигать страсти, заменяя собою предметы их. Чтоб сего не случилось, авва Пимен и говорит: не давай помыслам руки, не встречай их, как встречают приятелей, подавая им руку, а отбивай их, отвергай, гони. Сиди в обители и борись с помыслами – и избавишься от страстей. Чрез пребывание в обители от предметов страстных отдаляешься, а борясь с помыслами, и мыслей о них иметь не будешь, отчего страсти, не находя себе пищи не только от предметов, удовлетворяющих им, но и от помыслов о них, замрут – только вооружись терпением и храни такой порядок постоянно. Если сундук с платьем, говорит авва Пимен (гл. 20), будет оставлен без попечения, то платье со временем истлеет – так и помыслы, если не будешь исполнять их на самом деле, со временем исчезнут, или как бы истлеют. В другой раз спросили его о том же, и он отвечал: если кто положит в кувшин змия и скорпиона и закроет его, то, конечно, гады со временем издохнут – так и худые помыслы исчезают, если не давать им исхода и терпением томить их (гл. 21).

Вот отчего монашество есть прямой путь к чистоте сердечной. Прямой монах скоро достигает бесстрастия. А что не

достигается иными сия цель, это оттого, что не смотрят за помыслами и или без дел сквернятся ими одними, если усидят в келии, или даже не усиживают, а от помыслов переходят к страстным делам. Под руками такое сокровище – чистота сердца, – а они лишаются его. Достойно сие плача и сетования! А все от разлечения нашего и ослабления ревности ко спасению. Ослабнет ревность сия – руки опустятся. Тут враг и подойдет, сначала с помыслами, а там чрез них доведет и до дел.

Внимайте же, братие, себе, чтоб ревность не ослабела и душа постоянно была занята одним делом очищения себя от всех нечистот. Надлежит иноку постоянно носить в мыслях то убеждение, что он мертв или что носит мертвеца в себе. Кто мертв, тому как заняться чем-либо? И кто мертвеца имеет, до сторонних ли ему предметов? Так и инок не будет увлекаем и развлекаем ничем, если утвердит себя в сих спасительных помышлениях. Авва Пимен, когда был еще учеником, получил такой урок: поди, седи в своей келии и положи в сердце своем, что уже год, как ты в могиле. И он строго исполнял сие, так что мысль о смерти срослась с его душою. Отчего, если кто приходил и начинал речи о вещах, чуждых дела духовной жизни, он ничего не отвечал, и когда спрашивали: почему ничего не отвечаешь? – он говорил: что же мне делать? Я мертв, а мертвый не говорит. Монаху так помышлять и легко бы, ибо вся одежда его знаменует гроб и окутание мертвого (гл. 3).

С другой стороны, почитание себя мертвым развивает дух сокрушения и умиления – корень и плод покаяния и слез. Чтоб еще более раздражить сей дух умиления и плача, советуют представлять себя домом, в котором есть мертвец. Как в таком доме все в сетовании и дела им нет ни до чего, что делается вне и вокруг, так и человек, воображающий, что носит в себе мертвеца, ни о чем стороннем заботиться не будет. Приведу опять слова Пимена; увидел он женщину, которая сидела на могиле и горько плакала, и сказал: если б явились здесь все удовольствия мира, не привлекли бы ее внимания. Так монах должен плакать. В другой раз, увидев также женщину на могиле в слезах и узнав, что она плачет оттого, что у ней умерли муж,

сын и брат, он сказал спутнику своему: уверяю тебя, если человек не умертвит всех вожделений плоти и не будет так плакать, не может быть монахом. Вся душа и жизнь этой женщины погрузилась в скорбь (гл. 72). Так надо и монаху. Тогда ему ни до чего не будет дела, не только до страстного или житейского, но даже до потребностей самых необходимых. Где будет тогда место страстям и страстным помыслам? Что особенно отгоняет помыслы и страсти в сем расположении, так это теплота и горение духа. Кто плачет, у того – более или менее – горит сердце. Горя же чистым пламенем сокрушения и умиления, оно отгоняет все нечистое. Авва Пимен так говорит о сем: когда горшок снизу подогревается огнем, то ни муха, ни иное какое пресмыкающееся не может прикоснуться к нему. То же бывает и с монахом. Когда он пребывает в горячем расположении духа, враг не может прикоснуться и даже приблизиться к нему (гл. 111).

Вот видите, братие, какой простой путь к очищению страстей предлагается нам. Горение духа, плач и сокрушение, борьба с помыслами и удаление от страстных предметов! Монахам легче успеть в сем. Но и миряне не должны думать, что им позволительно поблажать страстям и помыслам страстным. Нет, страсти – сатанинское в нас семя. Им поблажать – значит с сатанюю брататься. Но «кое же согласие Христови с велиаром?» Еще никто на свете не ухитрился работать Богу и мамоне вместе. И не думайте о сей хитрости, а лучше в простоте веры, сознав нечистоту страстей, вступайте с ними в борьбу и побеждайте их, чтоб чрез то взойти к чистоте, а затем сподобиться награды, обещанной чистым и победителям страстей: «блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8). «Побеждающему», говорит Господь в Апокалипсисе, «дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и сядох со Отцем Моим на престоле Его» (Апок. 3, 21). Аминь.

в четверток 11-й недели по Пятидесятнице, в Муромском Благовещенском мужском монастыре»

Обитель в городе – открытая борьба с страстями и похотями мира пред лицом мира

Понуждаюсь и вам, отцы и братие, сказать посильное слово, да некий плод имею и в вас, как в других. И что скажу вам? Смотря на положение вашей обители пред лицом мира, не знаю, что видеть в устроителях сей обители – особенную ли мудрость или крайнюю недальновидность – и в вас, вступающих в сию обитель, – особенное ли мужество или крайнюю слабость?! Припомните слово одного мудрого старца об искушениях. К кому искушение близко, говорит он, тот подобен стоящему на краю пропасти, и один легкий толчок может низринуть его в бездну. А кто далеко от искушения, тот подобен находящемуся далеко от пропасти. Врагу надобно сначала привлечь его к сей пропасти, чтоб потом столкнуть в нее. Но пока он будет влечь его, брат придет в себя, опомнится и прогонит искушителя.

Устроив обитель так близко к миру, основатели ее поставили иночествующих в положение тех, к коим близко искушение, кои стоят на краю пропасти. Враг во всякое время может столкнуть в нее всякого из вас. Но если так, то, значит, они учредили обитель иночествующих для уничтожения иноков, ибо инок, впадший в искушение и остающийся в нем, уже не инок. И точно, если б нельзя было найти какой благовидной мысли к учреждению обители пред лицом мира, нечем было б и оправдать учредителей ее. Но мне вот что приходит на мысль. Кто заводит, например, училище, хочет, конечно, чтоб учащиеся выучивались в нем как можно скорее. Не подобное ли сему желание заставило дать такое место и обители вашей?! Ведь на деле так бывает, что выучиваются, например, ходить, ходя; выучиваются плавать, плавая; выучиваются читать, читая. Так и иночествованию, или жизни подвижнической, выучиться иначе нельзя, как подвизаясь, вступая в подвиг, борясь со страстями и похотями. Страсти и похоти молчат большею частию, когда нет возбудителя их, – а когда есть возбуждение, они восстают и чрез

сие тем, кои поставили себе правилом бороться с ними, дают повод к брани, вступая в которую и борясь, они научаются бороться, воинствовать духовно, подвизаться или иночествовать как должно. Вот эта благая мысль, вероятно, и лежала в основании обители вашей. Хотели, чтоб мир, пред глазами вашими находясь, держал вас постоянно в состоянии искушаемых и чрез то давал повод к брани; вводя же в брань со страстями и похотьми, научал сей брани, скорее делал вас опытными борцами и тем отнимал опасность со стороны близости искушений.

Так ли это было или нет, всяко вам, иночествующим здесь, сие именно надобно иметь в виду. Такому легкому подлежа искушению со стороны мира, не поддавайтесь миру, а побеждайте его и посрамляйте покушения его на вас равнодушием или даже отвращением к его прелестям. Близость искушения призывает и обязывает к мужеству в борьбе и никак не может послужить оправданием тому, кто бы чрез послабление себе поддался увлечению искушений. Как бы ни было сильно искушение, вы обязаны победить его и посрамить. И если падете, сила искушения не послужит вам в оправдание. Характер иночества неизменен, в каком бы положении ни была обитель, — чистота и ради нее борьба и подвиг; и, вступая в обитель, что надо иметь в мысли, а не послабление. Кто вступает сюда в надежде встречаться чаще с мирскими искушениями, тот на первом шагу уже не инок, а далее — что и говорить? По-мирски хочешь жить — не выходи из мира; а как скоро оставил мир — не ворочайся в него не только делом, но и желанием, и мыслями. Обитель, стоя пред миром, не обязывает мира иночествовать; и мир, стоя пред обителию, не обязывает живущих в ней подчиняться требованиям своим. Там и здесь — все дело свободы.

Уразумейте сие, братия и отцы, и так время вашего жития жительствуйте. Обитель в пустыне есть сокровище, сокрытое на селе. Обитель близ мира есть свет мира. Вы — град, устроенный верху горы, которому нельзя укрыться. Вы — светильник, которому следует находиться на свещнице, да светит всем, в храмине мира сущим.

Поймите хорошо слово сие: град верху горы. Гора – это совокупность всех христианских добродетелей, а град верху ее – это совокупность всех иноческих подвигов. Христианские добродетели должны быть уже вами пройдены, вы должны быть в них уже совершенными, этот труд должен быть закончен в вас. Собственно ваше – подвиги. Христианские добродетели у инока общи со всеми мирянами. Разность у них та, что мирянин ревнует только преуспеть в добродетелях, а инок должен явить себя уже совершенным в них при самом вступлении в обитель. Труд инока обращен на другое – именно на подвиги, коими должен он победить естество свое, чтоб явиться совершеннейшим в духовной жизни. Подвиги сии суть его сокровенная внутренняя жизнь, а общие христианские добродетели должны быть явны всем и видны в нем для всех. Ими-то, собственно, он и светит миру; и миряне, смотря на него, поучаются не подвигам, кои неуместимы для них, а христианским добродетелям. Смотря на иночество с сей точки зрения, скажите мне, что есть инок, который во многих добродетелях уступает мирянам? И еще больше – что есть инок, подверженный слабостям, которые и в мирянах не часто встречаются?

Сим вопросом напоминание вам творю, чтоб, уразумевши всю несообразность таких случаев с иночествованием, вы сами себя держали на страже. Вы похожи на окруженного со всех сторон врагами или на гибкое дерево, подверженное со всех сторон сильному действию ветра. Восприимите же все оружия Божия, яко возмощи вам стати и устоять, именно: пост, бдения, церковные служения, чтение, рукоделие, послушание, вопрошение опытных и прочее. К сим телесным деланиям присоедините делание умное – внимание ума и молитву, различение помыслов и непрестанное хождение пред Богом, чтоб, и внутренно и внешне оградясь, непоколебимыми пребыть в начатом деле и успешно тещи к преднамеренному, помня, что Сам Подвигположник видит труды ваши, и воодушевляясь тем. В сем духе действуя, и в искушениях устоите, и в добродетелях явитесь совершенными. Что и да дарует вам Господь и Спаситель наш, во славу пресвятого имени Его. Аминь.

в Муромском Спасском мужском монастыре»

Всеоружие для духовной брани

«Облецытесь во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским: яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6, 11–12)

«Горе живущим на земли», слышал голос с неба святой тайнозритель, «горе, яко сниде диавол... имея» злобу «великую... змий великий, змий древний... сатана, лъстай» всю «вселенную, низвержен» на землю, и ангелы его низвержены с ним (Апок. 12, 12, 9). Злое племя коварством и лестию утвердило здесь владычество свое и адскими кознями поддерживает и распространяет его. Ни одно существо не являлось на свет, которого бы они не облагали и не опутывали сетями, чтоб увлечь его в свою бездну. Князь тьмы строго смотрит за всеми входящими в его царство, и всякий, в ком нет его духа, кто живет не по его законам, кто не признает его власти над собою, есть прямой предмет его тайной злобы, его хитрости и насилия. Итак, ищущие спасения христиане, оставив дела тьмы и вступив в свет жизни Христовой, не думайте наслаждаться покоем, не думайте блаженствовать. Великий еще подвиг предлежит вам! Целое полчище злых духов поминутно будет окружать вас, будет следить вас шаг за шагом, будет вмешиваться во все ваши занятия, чтобы хоть к чему-нибудь примешать свое зло, хоть чем-нибудь обольстить вас. Но вступив из треволнений греховной жизни на твердую землю святой правды, крепче утвердите здесь стопы свои! Сатана не утомится, возгоняя на вас волны искушений; укрепляясь в Господе, не уступайте ему своего места! Успех в столь трудном деле совершенно зависит от помощи небесной, но и вам не должно оставаться бездейственными там, где решается вечная ваша участь; а с другой стороны, и Божественная сила может в сем случае действовать за вас только чрез вас. Апостол Павел, которому в продолжение целой жизни стужал ангел сатанин, опытно дознал, как можно устоять против диавола и как даже побеждать его, и правила свои предложил в свое время

Ефесеянам, а чрез них и всем будущим подвижникам. "Станите", говорит он, «препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня правды, и обувше нозе во уготование благовествования мира, над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити; и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий, всякою молитвою и молением молящеся на всяко время духом» (Еф. 6, 14–18). Кому нужно, тот уже несколько раз, без сомнения, перечитывал сие место, несколько раз углублялся в значение и приложение содержащихся в нем правил. Но не будет излишним, если к собственным вашим понятиям, к собственным вашим наблюдениям присоединим наблюдения и понятия святых, прежде вас в том же всеоружии воевавших с диаволом и побеждавших его.

Итак, добрые воины Христовы, "станите", во-первых, препоясав «чресла ваши истиною». Что это за пояс в душе и что в ней опоясывать? Чтобы удобнее понять это, представим себе то состояние, в котором находится душа, живя во грехе. Грешная душа – это прах, развеваемый ветром, это безводное облако, носимое в воздухе, это звезда блуждающая (Пс. 1, 4; Иуд. 1, 12, 13). Она никогда не бывает на месте, во внутреннем саморазмышлении; она вся в рассеянии. Воображение ее есть путь соблазна, по которому, как тени, проходят прелести мира, увлекают за собою душу – и бессильная прилагается к ним, течет вслед их и сквернится грехом в себе самой. Против такой-то рассеянности первее всего и вооружаются желающие не грешить, на то особенно и обращают внимание, чтоб установить свое воображение, укрепить душу, уничтожить эту подвижность и как бы ветреность ее, прийти в себя, чтобы из себя уже идти к Богу, войти во внутреннюю свою храмину, чтобы здесь в глубокой тишине беспрепятственнее совершать духовное священнодействие Богу. Это первое ее занятие, первый шаг к самоисправлению. Но на сем-то первом шагу преимущественно и старается сатана уловить неопытную еще душу, здесь-то особенно и усиливается возвратить ее на прежнюю жизнь – именно развлечь душу, рассеять ее внимание, уничтожить ее бдительность над своими желаниями и мыслями.

Как хитро и незаметно действует он в сем случае! Во время молитвы или богомыслия, при чтении слова Божия или другом каком благочестивом занятии вдруг возникают в душе неведомо откуда образы прелестных предметов. Что это значит? Откуда они? Не от чего иного, как от лести диавольской. Тайным неким путем прикасается сатана душе нашей, тайным воздействием приводит в движение память – и из глубины ее являются пред око души то те, то другие предметы, особенно те, которыми она прежде любила услаждаться, к которым прежде привязано было сердце. Если душа обратит внимание на сии предметы, если не изгонит их с минуты появления, то нет сомнения, что она побеждена. Один предмет напомнит ей о другом, другой о третьем, и, переходя таким образом от предмета к предмету, она зайдет наконец в полный круг греховной жизни, перенесет в свое сердце мир со всеми его прелестями и, занимаясь по виду богоугодным делом, будет ковать в себе зло. Нам представляется, что помечтать, дать волю течению мыслей – дело не только не вредное, но и довольно приятное. Но, братие, коль скоро такое движение помыслов есть в руках сатаны средство к соблазну, то в нем надо искать самого тлетворного действия на душу. Сатана не пускает напрасно стрел.

Кто долго стоял на ветре, тот, зашедши в затишье, чувствует, что все в теле его как будто не на своем месте. Точно то же бывает и в душе. Когда она, носившись долго в вихре помыслов, войдет наконец внутрь себя, то находит здесь большой переворот: внутреннее чувство притупляется, охота заниматься делами духовными пропадает, слабеет, если не уничтожается самая решимость искоренять в себе дух мира и жить по духу Евангелия – то есть в ней происходит точно то, что говорит Спаситель о семени, посеянном при пути. Путем воображения приходит в душу диавол и возьмет слово от сердца, чтоб человек, уверовавши, не спасся. Видите ли, как после мечтаний, после свободного течения мыслей душа остается как бы окраденною? Мало этого, не окрадывает только ее при этом сатана, но и наполняет всякого рода нечистотою. Замечают, что после долгого развлечения душа находит в себе

или тщеславие, или нерасположение к какому-либо лицу, или зависть, или другую какую-либо греховную склонность и недоумевает, откуда все это внесено в нее, кто всеял сии плевелы греха, когда она ревностно старалась сеять только пшеницу благих дел? Враг человеческий сие сотвори, когда размышлением усыплена была бдительность души над собою; «всеявый... есть диавол» (Мф. 13, 39). Наряду с другими предметами входит в душу сатана, прельщает ее то к тем, то к другим мечтаемым видам и таким образом посеивает в ней грех.

Душа, ревнующая о спасении! Самою сею ревностию убедись препоясывать чресла помышлений твоих, не давать воли своему воображению, пресекать движение помыслов. От утра до вечера, по совету Филофея Синайского, твердо содержи в памяти Бога, и, непрестанно принося душевную молитву Иисусу Христу, мужественно, неуклонно стой при дверях сердца, и на сей духовной страже убивай всех грешников земли (Пс. 100, 8), и, с восторгом укрепляясь в памятовании о Боге, посекай с помощью Господа главы сильных и начала враждебных помыслов (О трезвении, гл. 2.– «Христианское чтение», XXVII, 1827).

Во-вторых, "станите", воины Христовы, «оболкшиеся в броня правды». Воины обыкновенно прикрывают грудь свою броней или латами. Что такое броня у воина Христова и что латы, которыми должен он прикрывать сию грудь? По замечанию исследователей естества человеческого, груди телесной соответствует в душе воля – такая способность, которая по назначению своему должна избирать, желать и совершать то, что сообразно с нашею природою, с законами совести и с волею Божиею, – иначе, груди соответствует воля, ищущая правды. Чтобы понять, какова должна быть броня для такой груди, припомним то, как воля наша облекается правдою. Мы рождаемся со грехом и в жизни своей умножаем только грехи; верю в заслуги Иисуса Христа снимаются с нас клятва греховная. Но оправданному нужны силы, чтобы ходить «в обновлении жизни» (Рим. 6, 4); благодать Святаго Духа осеняет нас и исполняет душу любовью к добру и мужеством к совершению его. Таким образом, воля наша содевается

праведною не сама, вся праведность у ней не своя, все благое в ней есть Божие. Память об этом, чувство своей ничтожности в делах правды, убеждение, что не мы, а благодать, яже с нами, трудится во всем добром, какое есть в нас, или, что то же, "смирение", и есть та броня правды, в которую заповедует апостол облечься воину Христову, есть ограждение воли, ищущей правды, охранение ее от всех преткновений. Трудно победить того, кто облечен смирением. Ибо кто чрез смирение всего себя предал Богу, за того во всем действует Сам Бог.

Но сатана не отчаивается в успехе и непрерывно приступает к душе с искушениями против смирения. Он знает, что оно то же в жизни духовной, что сердце в жизни телесной, а потому в него преимущественно и направляет свои стрелы. Вы сделали какое-нибудь доброе дело: поспешили в церковь, прилежно помолились в ней, подали милостыню, дали благой совет, отказались от какого-нибудь удовольствия для пользы душевной – тотчас зарождается в душе чувство самодовольства и помышление о своем достоинстве. Это посеиваемый сатаною помысл, которым хочет он обратить внимание ваше на свою доброту и совершенство. Мало того, иногда побуждает он кого-нибудь хвалить добродетельного; иногда открывает одному тайные добродетели другого и внушает ему обнаружить их, чтобы таким образом похвалу сделать обольстительнее, сообщив ей некоторый вид чудесности; иногда является сам и хвалит за победу над собою – и все это для того, чтоб возбудить в душе тщеславное помышление о своем превосходстве. Помысл тщеславия, говорит святой Нил, всех многосложнее: он объемлет почти всю вселенную и, как коварный изменник прекрасного города, отворяет врата всем бесам (О порочных помыслах, гл. 15.– «Христианское чтение», XXVII, 1821). Посмотрите только с услаждением на свои добродетели как на плоды своих трудов и своих сил, дайте только сердцу приложиться к сему помыслу – и вы на деле увидите, с какою быстротою устремится в душу вашу все зло.

Самодовольство есть первый плод самоуслаждения; из самодовольства рождается осуждение, из осуждения тщеславие, от тщеславия – желание выказаться лучшим, отсюда

лицемерие, далее требование внимания и уважения, далее гордость, а далее, как говорит Лествичник, гнев, клевета, ярость, хула, ненависть, зависть, прекословие, своеобразие, непокорность (Лествица, Слово 23). То есть над вами вполне исполнится то, что говорит Спаситель о духе, возвращающемся в прежнюю, уже пометенную храмину со множеством злейших духов. Так, братие, бегайте сего льстеца, сего беса, проводника бесов. Прогоняйте его смирением, самоуничижением, самоосуждением; говорите себе после каждого доброго дела: червь я, а не человек; говорите возносящемуся сердцу словами Лествичника: возношися теми добродетелями, кои ты сделало прежде, чем ты родилось; а те, кои ты теперь, по рождении, стало иметь, не твои, а даны тебе от Бога – так, как и самое бытие. Которые добродетели ты могло сделать без помощи разума, те только твои суть, ибо и самый разум дан тебе от Бога. Которые подвиги ты могло сделать без помощи тела, те только подъяты твоим старанием, ибо и самое тело не твое, а Божие есть творение. Скажите так и с большею ревностью и с сильнейшим жаром теките «к почести высшаго звания, в предняя простираяся, задняя» же "забывая".

"Станите", в-третьих, воины Христовы, «обувше ноги в твердость Евангелия мира!» Путь, хождение по нему на священном языке означает жизнь вообще, праведную или нечестивую. Обувать ноги – значит посему готовиться в путь жизни, то есть избирать для себя образ жизни, определять правила для своих поступков. Посему в словах: «станите, обувше ноги в твердость Евангелия мира» – апостол заповедует решающимся жить благочестно избрать образ жизни духовной по представлению его в Евангелии, принять правилом своим для своих поступков правила Евангелия и не только избрать Евангелие в руководство для жизни, но и ходить по духу и требованию его, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе; положить сердце свое в слово его, решиться не отступать от него ни на шаг, хотя бы это стоило самых великих пожертвований, самых великих скорбей и лишений, хотя бы даже самой жизни. С такою только решимостью, вступая в путь жизни Христовой, мы не

поткнемся на нем; иначе враг легко искусит нас – и падение наше неизбежно.

Известно, что время самоисправления есть время искоренения худых привычек, умерщвление порочных страстей, истребление греховных склонностей – тут надобно постоянно бодрствовать над собою; постоянно бороться с живущим внутри грехом; потушать страстные желания, которые, иногда воспламеняясь мгновенно, объемлют тело и душу; раздирать проникнутое пристрастиями сердце. А такое занятие, такое напряженное состояние, пока еще не возродилась в душе любовь к добру, пока сердце не вкусило еще сладости от благих дел, есть занятие самое трудное, состояние самое тягостное. К чувству сей-то тяжести и прививает часто сатана искушение, которое тем сильнее, что прикрывается любовью и снисхождением к нам. Если где, то наиболее здесь представляет он в себе самого хитрого льстеца. Довольно вы уже трудились, внушает он, можно дать себе некоторое послабление, можно позволить себе некоторые удовольствия. Видите, он стоит за нас, за нашу плоть, за нашу жизнь и, искушая, как будто не искушает. Но посмотрите, какую ужасную бездну прикрыл он сими цветами. Согласитесь только на его предложение, дайте только усилиться чувству тяжести – и сатана не умедлит столкнуть вас в сию бездну.

Мысль о послаблении, сначала незначительная, возрастет в желание, укрепится и истребит в вас все доброе. Вот уже вы начали искать развлечений, вот уже чувства влекут вас к сродным себе удовольствиям: глаз ищет прекрасных вещей, ухо – сладостных звуков, вкус – приятных снедей и питья, язык порывается изнесть из души долгим трудом собранное сокровище духовное. Пришед в себя, вы уже не ощущаете удовольствия ни в богомыслии, ни в молитве, ни в чтении слова Божия. Снова пускаетесь в развлечения, снова ищите невинных удовольствий, снова прилагаете сердце к прелестям мира, чтоб вознаградить ими теряемое сокровище души. И вот уже душа ваша вышла из себя, вот уже обычные дела благочестия исполняются вами наскоро и не от души, вам уже не стоит в церкви и не хочется слушать в ней пения и поучений. Проходит

день, другой, неделя – и душа ваша полна вихрем прежних сует и беспокойств, прежних страстей и наклонностей, прежних грехов и преступлений. Видите, как незаметно волны сатанинских искушений отбивают ладью жизни вашей от тихого пристанища Христова и относят в бурные волнения мирской греховной жизни. И все это от одной невнимательно пропущенной мысли о послаблении, от одного допущенного в сердце помысла о трудности и тяжести самоисправления. Укройте же от сих волн, гоните сего духа лестча при первом его появлении, посекайте этот гибельный помысл у самого входа в душу, не допуская до сердца. Помысл о послаблении радует ленивое плотяное сердце – а вы поразите его ножом сильнейшей решимости; душа ваша порывается при сем на свободу – а вы новым воспламенением ревности вложите ее в избранный однажды вами ход духовных занятий. Крепче держите себя в своих пределах и ни за что не уступайте места диаволу. Потерпите Господа. Пусть Дух Святый очистит храмину души вашей. Тогда снидут к вам Отец и Сын – и начнется сладкий покой и неизъяснимое блаженство души в Боге.

Четвертое. Вот уже, братие, вы счастливо прошли несколько искушений, вот уже обыкли отражать сатану, сосредоточили свою душу во едином на потребу и со смирением твердо идете путем добродетели, вот уже начинаете ощущать радость жизни в духе Евангелия. Благословенно шествие ваше. Но укрепляйтесь в Господе и державе крепости Его. Вас ожидают новые искушения, самые поразительные. У лукавого есть еще разжженные стрелы, и он ждет только удобного случая, чтобы поразить вас ими. Как некоторая необходимость на пути нравственного совершенства, является по временам в душе какая-то необыкновенная сухость, иногда довольно продолжительная. Это оттого, что спасительная благодать Духа отступает на время от души или скрывает от нее свое присутствие, а вместе с тем отступает от нее радость и веселие и скрываются все утешения благодати. Премудрая благодать, без сомнения, имеет при сем для души спасительные цели. Как мать лишает иногда своего присутствия дитя, чтобы дать ему почувствовать сладость сего присутствия

и чтобы после с большим жаром самой обнять его, так и благодать отступает иногда от души, чтобы возбудить в ней сильнейшее желание себя и потом в расположенную таким образом душу излиться с большим изобилием.

Но между тем как так премудро устрояется путь спасения, сатана не медлит воспользоваться благоприятною минутою. Как лютей зверь подстереженную добычу, схватывает он оставленную душу и окружает ее злыми духами хулы и сомнений. И куда ни обратится бедная душа, везде встречает их приращения, везде подвергается их нападениям. Станет ли читать Евангелие, все ей в нем кажется неверным и подозрительным; войдет ли в церковь, все здесь ей представляется одним призраком без существа и действительности. Самое бытие Господа Иисуса Христа, бытие Божие, бессмертие души, все устройство спасения, весь даже обыкновенный порядок вещей кажется ей обманом и ложью. А дух хулы, каких пакостей не творит он для души! Сей, сей, взывает с жаром святой Лествичник, непотребный дух часто во время самой Божественной литургии, и в самый страшный час священнодействия, хулит мысленно Бога и совершаемые Тайны, и не токмо Бога и все Божественные вещи хулит, но еще бесстыднейшие и непотребные слова внушает в наше сердце, дабы мы или молитву оставили, или отчаянию подверглись (Лествица, Слово 24). Вот подлинно разжженные стрелы! Падая от других искушений, душа может еще восставать, но побежденная духом хулы и сомнений погибает невозвратно, потому что следствие падения в сем случае есть совершенное отчаяние. Таковые, говорит святой Лествичник, не только не имеют никакой к спасению надежды, но и беднейшие суть всякого безбожника и язычника (Лествица, Слово 2).

Добрые воины Христовы! Стойте, укрепляйтесь в Господе. Восприимите «щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженных угасити». Только пламень веры может прогнать мрак хулы и сомнений – пламень веры, а не мысленное только согласие на все содержимое Церковью. Последнего рода вера при первом появлении сомнений уже побеждена. Мысли наши не могут в то же время быть в двух

противоположных состояниях, и если в них есть сомнение, то нет уже веры. Не мысленную, холодную веру ума предписывает святой апостол Павел, а живую, пламенную веру сердца, которое бы полюбило истины Евангелия, сроднилось с ними, дорожило ими как единственным сокровищем, дорожило столько, сколько дорожит счастьем. При таком расположении души если ум и исполнится хулы и сомнений, то сердце все еще останется верным Евангелию и благоговейным к уставам Церкви, и не только само сердце останется целым и невредимым, но изгонит и из ума злых духов и очистит его от их наваждения. Таким образом, из сердечной веры естественно составляется щит для отражения разжженных стрел хулы и сомнений. Восприимите убо сей щит веры, оградите себя им от злобы лукавого, положите его средостением между собою и темною властью, укройтесь за него – и будете безопасны от отчаянного падения.

Пятое. После победы над духами хулы и сомнений сатана лишается последней возможности действовать прямо на душу. Она теперь исполняется богоподобных совершенств, сила и дух Христов вселяются в ней, и вся сила вражия далеко бежит от нее. Сатана избирает теперь другой путь к искушению. Он обставляет праведника такими обстоятельствами, в которых нет для него никакого утешения, никакой отрады, в которых на каждом шагу встречают его неудовольствия, печали и скорби. Его начинают ненавидеть, не зная почему, начинают поносить, гнать, клеветать, подвергая суду, не имея на то достаточной причины. Все царство сатаны, весь мир вооружается против него: его бьют, гонят, лишают имения, детей и всего, что утешало его трудную жизнь. Мало этого, сатана выставляет против него злейших духов-мучителей, которые то страшат его привидениями, то даже мучат и терзают самое тело. И все это иногда собирается на главу праведника в самое непродолжительное время. Христиане-подвижники! Ходите среди всех сих скорбей, как львы, уповая; прикройте главы ваши от сих ударов бедствий шлемом упования: «шлем упования спасения» восприимите (1Сол. 5, 8) – и все козни

сатаны мимоидут вас, и вся злоба его не коснется вашего сердца.

Видали ли вы у берега моря каменный утес? Волны сильно бьют в него, даже покрывают его, а он стоит непоколебим, и валы бегут со стыдом назад. Это образ уповающего! Все несчастья, все беды, все скорби как будто не касаются его, как будто чужды ему. Отчего же это? Оттого, что у уповающего нет сердца на земле. Он перенес его на Небо, связал крепкими узами любви с благами небесными – и все удары, какие хочет нанести сему сердцу сатана, не достают до него. Так, христиане, терпящие Господа, не миновать вам бед самых разительных, самых трогательных для вашего сердца. Но укрепляйтесь в Господе, не дающем постыдиться уповающим на Него. Положите сердце ваше в Боге вашем. Презрите все земное, надеждою перенесите души ваши за пределы настоящего, возлюбите вечные, «нескончаемые» блага Царствия Христова – и вы сами в себе испытаете то дерзновение, которое оказал апостол Павел: «Кто ны разлучит от любви Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч... Во всех сих препобеждаем за Возлюбльшаго ны» (Рим. 8, 35, 37); испытаете то необыкновенное состояние, в котором апостолы были «яко скорбяще, присно же радующеся; яко нищи, а многи богатяще; яко ничтоже имуще, а вся содержаще» (2Кор. 6, 10).

Облекши воина Христова в оружия на отражение злых духов, апостол дает ему и другие оружия на поражение их. Это глагол Божий и молитва. Шестое – «и меч духовный», говорит он, восприимите, «иже есть глагол Божий». Кому не известно, чем победил искушителя Сам Подвигположник наш Иисус Христос? Глаголом Божиим. А чем побеждали его апостолы, святые отцы и вообще все праведники? Глаголом Божиим. Глаголом же Божиим можем побеждать их и мы. С нашей при сем стороны требуется одно условие: надобно содержать сей глагол не в памяти только или в уме, а в сердце, надобно душевно сродниться с ним и возлюбить истины его. В таком случае с какой бы стороны ни приступал к нам сатана, какой бы помысл ни всеивал в нас злой дух – в сердце, устроенном по

глаголу Божию, всегда возродится свое расположение, свое даже стремительное желание, совершенно противоположное всеиваемому помыслу. Войдет ли в душу помысл тщеславия – сердце скажет: червь я, а не человек. Придет ли сомнение – он противопоставит ему свое убеждение: "еще" апостол, «или ангел с Небесе благовестит» мне «паче... анафема да будет» (Гал. 1, 8). Лишится ли праведник всех утешений земных – сердце его утешит себя сими словами: «многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие. Недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас» (Деян. 14, 22; Рим. 8, 18). Вообще всякий порочный помысл, всякое искушение ко греху будет посечено глаголом Божиим, утвержденным в сердце. Сверх того, в слове Божиим движется Дух Божий, могущественный и всесильный. Сердечно восприимлющий сие слово и свое слово некоторым образом делает причастным Божественного могущества и силы. Оттого праведник скажет – и делается, повелит – и бесы повинуются ему. Вот надежный источник могущества и силы к поражению диавольских полчищ. Восприимите же, воины Христовы, сей духовный меч слова Божия.

Но самое сильное к победе над сатаною оружие есть молитва. Молитва есть обращение мыслей и сердца нашего к Богу; Он снисходит нам Своею милостию и благоволением, и между душою и Богом устанавливается тайная некая связь, как бы святая струя света, по которой восходят прошения и надежды души к Богу и нисходят благодати и милости от Бога в душу. И князь тьмы, ненавидящий света, поневоле бежит от погруженного в молитву. Если ты, говорит святой Лествичник, о защищении себя от душевных врагов непрестанно Царя Небесного просити будешь, то, когда они на тебя нападут, дерзай смело, не будет тебе никакого затруднения. Ибо враги твои сами от тебя скоро отыдут, потому что они не захотят быть тому сами свидетелями, чтобы ты посредством своей молитвы, с ними сразившись, получил себе венец: и для того молитвою твоею, аки бы неким огнем будучи опаляемы, прочь от тебя отступят (Лествица, Слово 28). Желаящие победить сатану, молитесь всякою молитвою, на всяко время духом.

Так, братие, горе благочестно живущим на земли! От наветов диавольских неминуемо встретят их соблазны, искушения, скорби, гонения и всякого рода беды. Но, воинствующие христиане, потерпите Господа. Золоту нельзя не быть в огне, чтобы очиститься; но его и не оставляют в огне навсегда, потому что для очищения его потребно известное только время. Пройдет срок и вашего очищения; в душе вашей водворится наконец приятная тишина. Тогда снидет к вам Сам Спаситель, будет вечерять с вами, и от блаженства сей вечери вы забудете все прежние скорби и печали. Что делать, если мы сами для себя сделали необходимым такой порядок нашего спасения, если необходимо пройти эту раскаленную печь искушений, чтобы насладиться вожделенным покоем в Боге. Не вечно воевать вам. Настанет время, когда бесы сами побегут от вас. Но пока настанет это блаженное время, возмогайте во Господе и в державе крепости Его: «облецытесь во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским». Бог же и Отец Господа нашего Иисуса Христа «да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, вселится Христу верою в сердца ваша» (Еф. 3, 16, 17). Аминь.

«В 27-ю неделю по Пятидесятнице»

Как исполнить заповедь апостола: как работали греху, так поработайте правде?

Как милостив и снисходителен к нам Господь! Сколько делал и делает Он для нас – и как малого требует! Образом Своим нас украсил; все покорил под ноги наша; когда пали, Сам благоволил прийти к нам и пострадать за нас и всеми окружил нас спасительными средствами во святой Своей Церкви; всячески руководит нас на пути правды и, сохраняя здесь, Царство вечное обещает покорным. Мало ли все это? А сколько требует от нас? Не больше того, сколько сами мы добровольно отдаем греху-губителю, когда бываем преданы ему. «Человеческо глаголю», учит апостол Павел, «за немощь плоти ваша, якоже бо представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню» (Рим. 6, 19), как слышали вы в нынешнем Апостоле. То есть поработайте Господу хоть с таким же усердием, как работали вы греху.

Не думаю, чтоб кто-либо от такого небольшого требования стал отказываться. Но может быть, не для всякого ясно, в чем именно состоит сие требование. Поясню вам содержание его коротко.

Апостол Павел определяет его словами: как представляли вы «уды ваша рабы нечистоте», так ныне представьте сии уды «рабы правде». Уды – это части нашего состава душевно-телесного, или органы нашего тела и способности души. Значит, если перечислить сии органы и способности и показать, как каждая из них может работать Господу в противоположность работе греху, то само собою объяснится, чего именно требует от нас Господь.

Тело наше имеет следующие отправления: отправления органов чувственных – зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса; отправления движения – рук, ног и всего тела, труда и отдыха, сна и бодрствования; отправления питания, употребления пищи и питья – органы слова. Душа имеет следующие способности: воображения и памяти, смысла и

рассудка, пожеланий и предприятий, ощущений и эстетических наслаждений; и выше всех сих силы духа, обращенные к Богу,— боговидения, совести, богоуслаждения.

Когда человек работает греху, то работает ему всеми сими отправлениями и способностями, равно когда обращается к Богу, может и должен всеми ими работать правде. Это естественно. Где человек своим сознанием и сердцем, там он всем своим существом. Он походит в своем составе разнообразном на губку и впитывает в себя ту влагу, в которую погружает сам себя,— или тлетворный яд греха, или животворные стихии правды Божией. Это вот как.

Есть у нас чувственные органы — глаза, уши, обоняние и прочее. Когда работает человек греху, то все сии органы обращает только на то, что носит печать греха и питает его: глаза смотрят сладострастно, уши любят слышать сладкие речи и песни, обоняние — обонять ароматы, возбуждающие похоть. Отсюда — глазерство, жажда приятных впечатлений, нега кожи и прочее. Когда же он отвращается от греха и порабощается правде, тогда глаз воздерживается от видений, ухо от слышаний похотных и обращается на одно святое и спасительное — видение священных изображений и слышание священных песнопений; и все другие чувства связуются, чтоб от них было сколько можно менее впечатлений и менее развлечений и чтоб душа имела более свободы быть одна в себе самой с возлюбленным Господом. Так чувственные органы порабощаются правде.

Есть у нас отправления движения — рук и ног, потребность труда и отдыха, сна и бодрствования. Когда работает человек греху, смотрите, какого рода бывают у него движения?.. Он любит гулянья, пляски и танцы или еще хуже — предан хищению и грабежу или лени и сонливости; у иного день превращен в ночь и ночь — в день. Порабощаясь правде, обязуемся двигаться только путями правды: положить меру сну и бодрствованию, труду и отдыху; определить места, куда ходить и зачем ходить; вместо танцев возлюбить поклоны, вместо беспорядочных гуляний — хождения в храмы и жилища бедности

и страданий; руки приучить работать и подавать милостыню; отнимать часть сна для молитвы и прочее.

Есть у нас потребность питания, или употребления пищи и питья. Работающий греху подвергается многоядению, сладкоядению, пированию, пьянству и тому подобное. Порабощаясь правде, надо возлюбить воздержание, чтоб вкушать пищи и питья в меру – и по уставу Церкви.

Есть у нас орган слова. У грешников и слова грешны. Отсюда пустословие, празднословие, пересуды, смехи, шутки, остроты и даже кощунство. Но кто Господу угождать положил в сердце своем, тот верно исполняет заповедь: «слово гнило да не исходит из уст ваших» (Еф. 4, 29), помня, как много зла от языка.

Так член за членом все тело порабощается правде и становится верным орудием спасения для ищущих Господа. Справедливо говорят святые отцы: поработи тело духу и увидишь, какой оно друг тебе и сотрудник.

Но как отправления тела, так и способности души все поработить надо правде для полного угождения Богу. Воображение, любящее мечтать и любоваться худыми образами, надо связать трезвением и сосредоточением внимания, препоясав, как заповедует апостол, чресла помышлений. Память, набитую страстными предметами, надо очистить и наполнить воспоминаниями святыми. Ум, своевольный и склонный к лживым предположениям, – покорить откровенному учению и украсить познаниями истины, чтоб обо всем мыслил и все понимал, как заповедал Господь. Волю, своенравную и преданную страстям, – подчинить игу заповедей, чтоб и желала и предпринимала только то, что сообразно с волею Божиею всесвятою. Сердце, падкое на чувственные красоты, – отвлечь от них и образовать в нем вкус только к святому и небесному, чтоб таким образом подготовить его ко вкушению благ небесных.

Так способность за способностью – и душа вся покорится правде. Кто так устроится, тот и душою, и телом будет работать Господу и соделается верным исполнителем заповеди апостола

– поработить правде все уды свои в противоположность порабощения их беззаконию.

Понятно вам теперь, что требуется от нас словами апостола: «якоже бо представите уды ваша рабы нечистоте... тако ныне представите уды ваша рабы правде» (Рим. 6, 19).

Не считаю нужным прилагать какое-либо после сего убеждение. Дело так очевидно, что само собою обязывает всякую совесть, возжелавшую искренно Господу работать. Одно только присовокуплю. Посмотрите на конец, куда приводит грех и куда приводит правда. Или какой плод того и другой. Ныне же апостол указывает, что кончина греховных дел – смерть, плод же правды есть живот.

То есть грех убивает, правда животворит. Видали ль вы, как, когда на каком-либо металле нальют острых кислот, сии кислоты начинают мало-помалу разъедать и разлагать составные его части и наконец совсем съедают и твердое, кажется, тело, так что и угадать нет возможности, что было прежде. Вот точно такое же действие оказывает грех на существо наше. Как яд какой, входя внутрь, разлагает он душу и тело и каждую часть души и тела и тем губит человека. Подобно тому, как в теплицу, полную разнообразных растений и цветов, впущенный холод или воздух тлетворный убивает цветок за цветком, к какому только прикасается, так грех способность за способностью губит в душе и силу за силою в теле. Кажется, довольно побуждения к тому, чтоб убегать греха.

Напротив, как весенняя теплота и влага оживляет все замиравшее на время зимы, так все убитое грехом оживает в составе существа нашего, когда дух наш обращается к Богу и посвящает себя богоугождению. Ибо тогда Солнце правды воссиявает в уме, веяние любви Божественной согревает душу нашу, животворные стихии благодати Божией проникают и освежают все силы души и тела. Бог есть источник жизни. Предающий себя Господу един дух есть с Господом и пьет полными устами питье жизни из сего неистощимого источника. Такому только и свойственна истинная жизнь. Или такой только и живет. У прочих только призрак жизни, хотя они обнаруживают многодвижную и будто многостороннюю жизнь.

Господи! Посли свет Твой и истину Твою, чтоб могли мы ясно различать пути жизни и смерти, доброе и лукавое, огонь и воду и, умудряясь во спасение, охотно поработались правде, свободясь от греха: да не царствует грех в мертвенном теле нашем и чтоб нам не слушать его в похотях его. Аминь.

19 июня 1860 г., в 4-ю неделю по Пятидесятнице»

Примечания

¹ - Взято из писем к разным лицам о разных предметах веры и жизни.

² - Из слов к тамбовской и владимирской паствам, 1859–1866 гг.